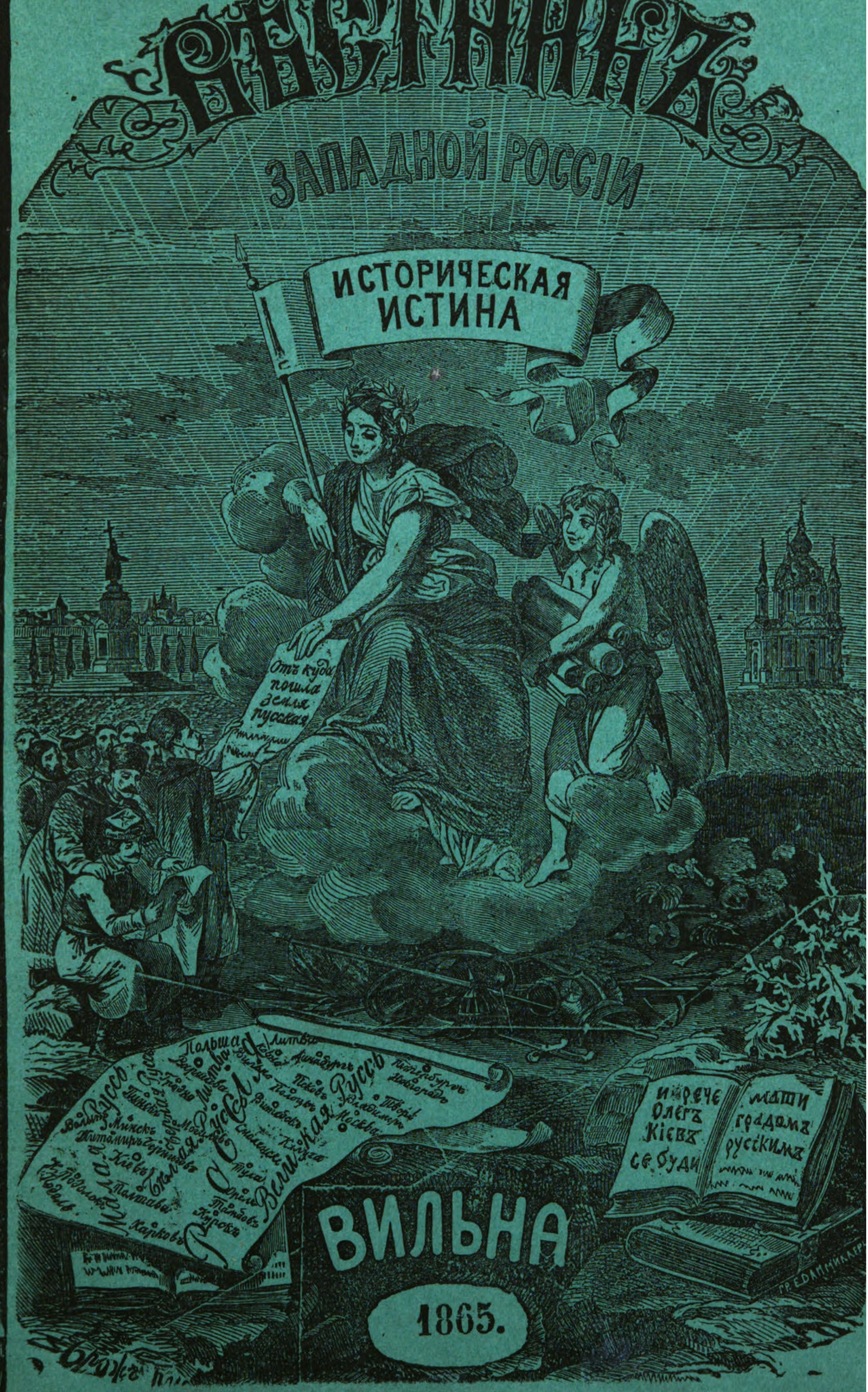

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
Отъ куда пошла земля русская
Польша
Литва
Бѣлая Русь
Малая Русь
Великая Русь
Минскъ
Кіевъ
Полтава
Харьковъ
Псковъ
Смоленскъ
Москва
Тула
Орелъ
Курскъ
Новгородъ
И рече Олегъ Кіевѣ се буди мати градомъ русскимъ
ВИЛЬНА
1865.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

МАРТЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Р. М. Ромма.

1865.

Дозволено цензурою, 5 Іюня 1865 года. Вильна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ $18\frac{65}{66}$ ГОДУ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года „Вѣстникъ Западной Россіи“ будетъ праздновать четвертое свое новолѣтіе.

Намъ самимъ не приходится говорить о характерѣ и направленіи этого изданія, а тѣмъ болѣе о его заслугахъ и дѣятельности. Пусть и то и другое оцѣнятъ, по нормальной стойности, друзья и враги «Вѣстника». Дорожа вниманіемъ первыхъ, мы не можемъ оставаться равнодушными и къ ненависти послѣднихъ. Эта ненависть есть лучшая наша аттестація, — а доказательствъ въ этомъ родѣ у насъ накопилось таки — не мало.

Поэтому, уклоняясь отъ оцѣнки самихъ себя, мы только увѣримъ подписчиковъ на наше изданіе въ томъ, что съ нашей стороны будутъ приняты всѣ мѣры къ улучшенію изданія со стороны внутренней и внѣшней и къ своевременному выходу книжекъ «Вѣстника», — такъ чтобы къ объявленному редакціею сроку, т. е.

къ концу іюля мѣсяца, вышли всѣ двѣнадцать книжекъ этого журнала.

Вѣстникъ не можетъ и не желаетъ измѣнять своей программы, поэтому и въ $18^{65}/_{66}$ году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ прежнемъ видѣ и объемѣ. Онъ остается вѣренъ тѣмъ же четыремъ своимъ рубрикамъ:

Отдѣлъ I.

Историческіе акты.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной и юго-западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводами на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ,— съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ, которые составлены на древнемъ русскомъ языкѣ, и приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Очерки и разсказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ, и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи западной и юго-западной Россіи,— научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ юго-западной и западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,— опровержені̇е вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества — и у насъ и за границею,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ,— вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV.

Очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной и юго-западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіею,—статистическія свѣденія о сихъ странахъ, свѣденія о заграничныхъ—славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,— о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ юго-западной и западной Россіи,—новыя государственныя постановленія, исключительно касающіяся сихъ странъ,— извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной и юго-западной Россіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти страны,—некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденція. Объявленія и проч.

ВѢСТНИКЪ

выходитъ съ іюля мѣсяца, ежемѣсячно книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ВИЛЬНѢ, въ редакціи журнала и книжномъ магазинѣ г. *Сеньковскаго*.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,—у коммисіонера «Вѣстника», книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ д. Ольхиной.

ВЪ МОСКВѢ,—у такогожъ коммисіонера, книгопродавца *А. Н. Ѳерапонтова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ Заиконоспасскаго монастыря, у книгопродавца г. *Черенина*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Базунова*.

ВЪ КІЕВѢ,—у коммисіонера «Вѣстника», книгопродавца *С. И. Литова*.

ВЪ ВАРШАВѢ,—у книгопродавца г. *Дутова*—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА" ЗА ГОДЪ:

Для жителей *Вильны*, безъ доставки, 6 руб. 50 к., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала «Вѣстникъ западной Россіи», *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать «*Вѣстникъ*» за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 руб. 50 коп., для иногородныхъ по 6 руб. 50 коп.; за $18^{63}/_{64}$ годъ — для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 коп.—съ пересылкой.

Редакторъ-Издатель **К. Говорскій.**

Редакторъ-Сотрудникъ **И. Эремичъ.**

I.

№ 12-й.

ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ И УНІИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Протестація старшины виленскаго православнаго братства Лаврентія Древинскаго варшавскому старостинскому суду, о похищеніи уніятами братскаго имущества, и вмѣстѣ съ тѣмъ королевскихъ привилегій, пожалованныхъ братству, съ жалобою о разныхъ чинимыхъ ими обидахъ и притѣсненіяхъ. 1630.

Дѣялося на замку королевскомъ Варшавскомъ, въ суботу, на самое свято святыхъ Вита и Модеста мучениковъ, року Божого тысяча шестьсотного тридцятого. На врядѣ теразнѣйшомъ кгродскомъ староства Варшавского, подъ часъ отправованья справъ, ставши очевисто самъ особою своею урожоный Лаврентій Древинскій, чашникъ земли Волынской, яко староста братства Виленского святыя Троицы,

при церкви святого Духа набоженства Кгрецкого будучого, и коллеги своего, урожоного пана Ивана Окгинского, державцы Кормяловского, и иншихъ братій до тогожъ реестру братского вписаныхъ именемъ, передъ судомъ теразнѣйшимъ протестовался на законника (инока) Пахомія Оршанского и на Ивана Кореньковского, мѣщанина и кравца (портного) Виленского, ижъ привилеи и права братству святыя Троицы набоженства Кгрецкого церкви всходной служачіе въ року тысяча шестьсотномъ четвертомъ покрадено отъ нихъ, и продуковано теперъ на судѣ его королевской милости ассесорскомъ ... оригиналами ся показало ... На которыхъ не тылько стоячи, при прешлыхъ антецесорахъ (предмѣстникахъ) своихъ на розныхъ судахъ занесеныхъ протестацiяхъ о то протестовался, але (но) и о шкоды (убытки) при томъ починеные у належного суду и права зъ оными правнѣ о то чинити хочетъ. А хто бы тую розбитву зробилъ въ року 1604,—памятаючи на то, ижь о мертвыхъ альбо нѣчого, альбо добрѣ мовити треба (1), и якъ тотъ самъ часто предъ смертью своею жаловалъ того своего выступку и ревнѣ оплакивалъ,—слово въ слово не выписуемо: бо тогды бъ имя его и прозвиско вспоминатися мусѣло (долженствовало); але тылько протестацiями доводимо, ижь то такъ, а не иначей есть. Першую на трибуналѣ черезъ пана Ивана Вотка Лучицкого, въ томъ же року 1604 Маія 23 дня учинено; другую на ратушу у суду тамтого черезъ пановъ Василія Харовского и Ивана Тышкѣвича, тогожъ року 23 дня Іюнія, гдѣ заразомъ и реестръ подано, которыи права и привилеи оригиналами намъ погинули; а третьтюю повторнѣ на трибуналѣ учинено черезъ пана Богдана Богушевича, зъ припомнѣньемъ и иншого скарбу братского подъ тотъ часъ забраного, тогожъ року

1) Латинъ пословица: de mortuis aut bene, aut nihil.

мѣсяца Іюлія 5 дня: на що есть реляція двухъ возныхъ, до книгъ головныхъ трибунальскихъ тогожъ року мѣсяца Мая 23 дня поданая, гдѣ и самъ небожчикъ (покойникъ) до того ся предъ ними признавалъ, ижъ маючи въ завѣдыванью своемъ вси права и привилеи, оныхъ братству нашому не отдалъ. До которого-то поступку, смѣемо рѣчи, такъ незбожного, хто ему поводъ и раду далъ, самъ бы небожчикъ предъ всимъ свѣтомъ запытаный (спрошеный) явнѣ вызналъ, ижъ нихто иншый, тылько тыи, которыи тыхъ правъ и привилеевъ нашихъ (якъ оный пташокъ перья собѣ чужого придобывши, ими неслушнѣ щитился) намъ зъ метрикъ выймовати не допущаютъ; мандатами насъ задворными отяжеляютъ; до выданья зась мандатовъ подписаныхъ съ канцеляріи, кгды (когда) кого, любо ихъ же самыхъ въ кривдахъ нашихъ позывати хочемо, великую кривду намъ чинятъ; а що несноснѣйшее есть, за инстинктомъ (по внушенію) ихъ же, на нѣкоторыхъ мѣстцахъ урядницы кгродскіи протестацій нашихъ до книгъ урядовыхъ не пріймуютъ; енераловъ (1) и умоцованыхъ, которыхъ до права того затягаемо, пенею и вязеньемъ (заключеніемъ) караютъ, и подъ горломъ, абы намъ не служили, заказуютъ; реляціѣ нашѣ южъ (уже) реферованые (представленныя) зъ книгъ выдираютъ. Чого межи многими иными, въ року теразнѣйшомъ 1630-мъ, по конвокаціи третей недѣли, свѣжій прикладъ (примѣръ) маемо: бо кгды хотѣли есьмо занести до книгъ кгродскихъ Виленскихъ протестацію о гвалтовномъ отнятьѣ отъ стороны зъунѣеваной тѣла эмерлой невѣсты вызнанія (исповѣданія) нашого, такъ тежъ и о збитьѣ и окровавленьѣ господыни, (хозяйки) у которой тое тѣло зоставало, не тылько тоѣ про-

---

1) То е. возныхъ.

тестацыи нашой не принято, але и реляцію енераловъ зъ книгъ вышарпано, и имъ самымъ абы сѣ на иншомъ урядѣ признавати не важилися, пригрожено. За чимъ и енералове, при справѣ бывши и пѣнязѣ взявши, реляцій своихъ до книгъ не подаютъ, а наветъ (даже) и писарѣ мѣстскіи зъ книгъ ратушныхъ справъ намъ належачихъ не выдаютъ. И на то вшистко (все) и на иншіе такіе обхоженія зъ нами документовъ и екстрактовъ зъ книгъ полно у насъ, быле бы (лишь бы) часъ былъ позволеный то въ сродокъ приводити. А што ся тычетъ (касается) реляціи неомылной (безспорной) и иншихъ еще нѣкоторыхъ процессовъ стороны зъунѣеваной, не кождому подъ тые часы вѣдомыхъ, а меновитѣ (именно) привилеевъ нѣкоторыхъ на початку унѣи даныхъ паномъ унѣтомъ, яко оны повѣдаютъ и хлюбятся (хвастаютъ), и съ которыми по тые часы анѣ in foro fori, анѣ на депутаціяхъ такъ зъ сенату яко и зъ кола (собранія) рыцерского нѣкгды не отзывалися, чили (или) ся встыжаючи ими, чили тежъ иншіи якіи консидераціи (сужденія) свои маючи: о томъ лѣпше сами вѣдаютъ. А мы зъ нихъ же самыхъ похопъ (примѣръ) взявши, ижъ оны нашѣ що разъ то in lucem оныи ревелюютъ (1), для показанія самой розности межи собою и указанія вшисткому (всему) свѣту объявимо, и доведемо зъ нихъ впродъ, ижъ тая унѣя ихъ безъ вѣдомости митрополитовы и иныхъ епископовъ и вшелякого духовенства Руського и клиру церковного зачалася и клеилася. А свѣдкомъ того есть привилей святоѣ памяти короля е. м. Жигимонта, пана нашого милостивого, чотыремъ владыкомъ, яко принципаломъ тоѣ справы даный року 1592: сυнодъ бовѣмъ (ибо) митрополитъ зъ епископами и инымъ духовенствомъ въ Берестью року 1594 отправуючи, подъ послушенствомъ

(1) Отъ латинск. revelare, открывать, объявлять.

патріяршимъ себе быти узнавалъ, яко ся зъ помѣненого скрипту его инструкціи знать даетъ; а овдѣ двумя лѣты впередъ на унѣю южъ зезволили певные (извѣстныя) персоны, яко то ся даетъ зъ тогожъ привилею вѣдати ... — Уважьте жъ теды въ томъ привилею, преосвѣцоные и яснѣвельможные, а намъ вельце милостивыи панове, естли зъ Бога и для Бога тая ихъ унѣя або едность зачалася; и естли оная давная святая едность всходной церкви зъ заходнею поломана, то чи такъ мѣла быти реассумована (1)? а признаете то неомыльнѣ, ижь то novum emergens (2) въ Руси: понѣважъ никгды (поелику никогда) ани вспоминалася передъ тымъ унѣя. До того, кгды бы она была cum consensu omnium (3), на щожъ бы варунокъ (условіе) той положено: „хоть бы на тыхъ вышъпомѣненыхъ епископовъ, по датѣ того листу привилею нашого, отъ патріярховъ и митрополитовъ якіи-кольвекъ причины къ неблагословенству были вынайдованы и клятвы на оныхъ выношены и выдаваны, ижъ то имъ епископомъ шкодити (вредить не маетъ"? Далѣй не выписываемо ...., а тылько отъ искры той якъ пожаръ (4) зачался, повѣдаемо. А кгды въ томъ поступку ошуканый (обманутый) митрополитъ и епископове зъ нѣкоторыми отступили отъ патріархи Константинопольского и удалися до пана змерлого, дано имъ привилей, але съ кондиціями тыми, що разъ, „естли унѣя до скутку прійдетъ", яко о томъ на кильку (нѣсколькихъ) мѣстцахъ дѣется взмѣнка въ привилею року 1595-го .... (*конца не достаетъ*).

Изъ рукописнаго Сборника, хранящагося въ львовскомъ ставропигіяльномъ архивѣ, подъ N. 426.

---

(1) Т. е. послѣдовать возсоединенію.
(2) Т. е. нововведеніе.
(3) Съ общаго всѣхъ согласія.
(4) Въ подл. тутъ же прибавлено по Латинѣ: a scintilla hac incendium.

2.

Жалованная грамота Анны Стеткѣвичевой и сына ея оршанскому Кутеинскому дѣвичьему монастырю, на владѣніе людьми и угодьями приписными къ селенію Свистелкамъ, подъ условіемъ, чтобы обитель сія соблюдая чинъ иноческаго общежитія, пребывала навсегда въ православной вѣрѣ, подъ зависимостью кіевской митрополіи 1631 г.

Я Анна Окгинская Богдановая Вильгельмовая Стеткѣвичовая, подкоморына Браславская, а я Янъ Стеткѣвичъ Заверскій, подкоморый Мстиславскій, обое мы сполнѣ (собща), згоднѣ (согласно), а не роздѣлнѣ, за одинъ человѣкъ, чинимъ явно и сознаваемъ симъ нашимъ фундушнымъ листомъ, вѣчистымъ записомъ, всимъ вобецъ (вообще) и кождому зособно, хто бы о томъ теперъ и напотомъ завжды (всегда) вѣдати потребовалъ, до вѣдомости приводячи, ижъ што есьмы первѣй сего имѣнье фольварку здавна названого Свистолки, Тишино и Вораксино, съ людьми въ немъ осѣлыми подъ мѣстомъ Оршою, въ повѣтѣ Оршанскомъ лежачое, которого положенье и граница отъ кгрунтовъ земель мѣстскихъ Оршанскихъ зъ однoѣ стороны, а съ другоѣ отъ имѣнья Дубровенского, а зъ третьей стороны граница отъ кгрунтовъ Путятинскихъ, а бокомъ отъ кгрунтовъ Копыскихъ села названого Ставровъ, а зъ четвертоѣ стороны отъ кгрунтовъ монастырскихъ Кутеенского монастыра инокинямъ законницамъ фундованого, въ одномъ обрубѣ, правомъ вѣчистымъ купнымъ у его милости князя Василія Ивановича Лукомского, судича земского Оршанского набы-

бы. А маючи мы тотъ фольварокъ Свистолки въ моцы, власти и держанью своемъ, и заховуючися въ томъ водлугѣ права посполитого, гдѣ описуетъ, „ижъ вольно кождому имѣньями своими всякими якокольвекъ набытыми якъ хотячи шафовать (распоряжаться), отдать, продать, даровать, на церковь записать:“ про то я Анна Окгинская Богдановая Стеткѣвичовая, а я Янъ Стеткѣвичъ-Заверскій, ни зъ чіей намовы, але сами по доброй воли своей, наслѣдуючи прикладовъ (примѣрамъ) продковъ своихъ святобливыхъ, благочестивыхъ и побожныхъ князей и пановъ народу нашого Руского, и хотячи самимъ собѣ, родичомъ милымъ и потомкомъ нашимъ въ помноженьѣ хвалы Божой памятку несмертельную зоставити, а не мнѣй и на тое взглядъ маючи, ижъ малжонокъ (мужъ) мой милый, набывши и купивши правомъ вѣчистымъ у потомковъ небожчика (покойнаго) пана Каспора Швыйковского, подкоморыя Витебского, имѣнье прозываемое село Кутейню съ приселкомъ Поддубцами, межи кгрунтовъ Копыскихъ въ повѣтѣ Оршанскомъ лежачое, а особливо и свою частку тогожъ имѣнья земли Бѣлковское на церковъ Божую надавши вѣчными часы, монастырь заложенья храму Господня святыхъ Богоявленій для иноческихъ людей законныхъ съ певными (извѣстными) кондиціями фундовалъ и вѣчистымъ правомъ надалъ и записами своими на врядѣ признаными зтвердилъ, яко то ширѣй на фундушу въ записѣ его есть описано; тогды и мы взявши форму и прикладъ зъ фундушу его милости пана Богдана Стеткѣвича, малжонко моего милого, такожде и сей монастырь, повышей надъ рѣчкою Кутеенкою, на другой сторонѣ, на пагорку, подъ гаемъ, оподалѣй отъ мужеского монастыра фундовали есьмо, заложивши въ немъ храмъ Господень Успенія Пресвятые Богородицы, который абы въ чину дѣвическомъ иноческомъ и порядномъ отправованью (совершенію) хвалы Божой, водлугъ порядку святой

соборнои апостолскои православнои церкве, во благочестіи подъ послушенствомъ и благословеніемъ ѳрону патріархи Константинопольского во всемъ помножалъ ся и розширялъ. Чого мы яко благочестивые чада сыноположенія церкве святои восточнои прагнучи, абы кромѣ всякоѣ трудности, снаднѣ (безпрепятственно) и безпечнѣ чинъ общежительный монастыра Кутеенского дѣвического, такъ въ преложенствѣ старшинства, яко и въ послушаніи сестръ инокинь нынѣшнихъ и потомъ будучихъ по нихъ сукцессорокъ (наслѣдницъ), въ неотмѣнности въ вѣчные роды тривалъ (пребылъ), усмотривши въ побожности старицу, инокиню Евфросинію Михайловну *Киркоровну*, на преложенство игуменства, за просьбою всихъ старицъ и сестръ, промовали есьмо ее и постановили; которой со всими сестрами законными (монастырскими) вышъменованое имѣнье Свистолки, Тишино и Вораксино съ людьми и со всими кгрунтами до него належачими, натуюжъ церковъ Божію Успенія Пресвятые Богородицы, зъ певными кондицыями нижей описаными надаемъ и вѣчнѣ фундуемъ, записуемъ, и въ моцъ и вѣчистое держанье и уживанье (употребленіе), со всимъ на все, ей госпожѣ игуменіѣ Кутеенской Евфросиніи Михайловнѣ Киркоровнѣ, всимъ сестрамъ инокинямъ и ихъ сукцессоркамъ общежительнымъ, врядовнѣ черезъ возного, тое имѣнье Свистолки, Тишино и Вораксино подаемъ, поступуемъ и зъ него ся вѣчнѣ зрекаемъ, а ничого сами на себе, тежъ на потомковъ, кровныхъ, ближнихъ и повинныхъ нашихъ и ни на кого инного зъ того имѣнья Свистолского, Тишинского и Вораксинского не зоставуючи и не уймуючи, на нихъ госпожу игуменію, и всихъ сестръ инокинь общежитія вѣчными часы вливаемъ. И вже отъ даты (числа) въ семъ листѣ фундушу нашомъ нижей описаноѣ, акторками и поссессорками (владѣтельницами) они сами и ихъ сукцессорки отъ насъ узнаваны быти маютъ на вси вѣчные часы (што

не иначей у кождого суду и права маетъ ся почитати и розумѣти), съ таковымъ отъ насъ докладомъ (добавленіемъ), ижъ для всихъ припадковъ (приключеній) и небезпеченствъ (опасностей) пришлыхъ часовъ, такъ взглядомъ (касательно) права и трудности его, яко и взглядомъ (уховай Боже!) отмѣны яковой въ набоженствѣ, презъ отлеглость (отпаденіе) послушенства церквѣ святой восточной благословенія ѳрону Константинопольского патріархи, мы по Бозѣ и его святыхъ, усильно обовязуемъ потомковъ нашихъ, все домовство наше и ихъ милостей пановъ обывателей повѣту Оршанского, людей народу нашого Руского единого набоженства, отъ церкве святой восточной не отступуючихъ и съ костеломъ Римскимъ не злучающихся, ено при старожитномъ набоженствѣ православія Греческого триваючихъ (пребывающихъ) и подъ послушенствомъ и благословеніемъ святѣйшои столицы патріархи Константинопольского будучихъ, и просимъ, абы патронами (покровителями) и оборонцами тоѣ фундацыи нашой быти рачили (изволили) и зъ обороны своей не выпущали, и овшемъ (напротивъ) отъ всякихъ кривдъ бороныты и заступовати не занѣхивали (не переставали).

Вольно тежъ будетъ за симъ фундушомъ нашимъ, госпожѣ игуменіѣ съ сестрами инокинями на той земли Свистолской, яко на властномъ кгрунтѣ церковномъ, водлугъ найлѣпшого баченья (усмотрѣнія) своего церковъ и монастыръ будовать деревомъ, албо муромъ муровать и розширять; вольны тежъ будутъ пожитковъ всякихъ съ подданныхъ и кгрунтовъ пополамъ на оба-два монастыры Кутеенскіе презъ насъ розмѣркованыхъ заживати: бо чого зъ помѣры у Свистолскихъ шаховницахъ земли до ровной половицы не доставало, а въ Поддубскихъ рѣзахъ надъ то выносило, для того отъ кгрунтовъ Поддубскихъ вылучивши полторы волоки во всихъ трехъ змѣнахъ, придали есьмо

къ Свистолскимъ рѣзамъ, и право на оные инокинямъ монастыра дѣвичого Кутеенского Свистолского дали есьмо. А мы, пакъ, и напотомъ будемъ большъ имѣнья водлугъ вспоможенья до монастыра привлащати и прикупляти, и всякои зверхности (начальства) надъ подданными звычайнѣ (обыкновенно) уживати, и зъ бѣговъ подданныхъ у вшелякого суду доходити и отыскивати. А такъ мы сами, и потомкове нашѣ и нихто иншый ни въ чомъ жадноѣ (никакой) трудности госпожѣ игуменіѣ и сестрамъ задавати не маемъ и могти не будемъ.

Особливо жъ то нынѣшнимъ фундушомъ нашимъ ознаймуемъ: естли за помощію Божіею, монастырь Кутеенскій Свистолскій збудованъ и докончанъ будетъ; тогды абы до скончанія свѣта (кромѣ замедленія порядку), яко правило, чинъ и церемонія церковная учитъ, славословіе Божое никогда въ помянутомъ монастыру фундаціи нашой не уставало.

А понеже по долгомъ житіи, зъ сего свѣта госпожа игуменья зойдетъ, тогды тогожъ часу сестры инокини собравши соборъ въ своемъ монастыру, зъ посродку себе, альбо тежъ за згодою (согласіемъ) и единостайнымъ зезволеньемъ, изъ иншого монастыра таковогожъ общежительного правила и цвиченія (упражненія) иноческого и церквѣ святой восточной православія Греческого единого послушанія, въ житію побожную и въ вѣрѣ православной благочестивую старицу обрати вольны и моцны будутъ, а обравши, отца игумена о благословеніе просити маютъ. Естли бы тежъ игуменія не обще зъ сестрами жила, альбо въ побожности ослабѣла, либо въ обычаяхъ зникчемнѣла, а што большей, естли бы въ вѣрѣ православной, исповѣданіи и догматахъ церквѣ святой восточной соборной апостольской змѣнить хотѣла: тогды убо за першимъ постереженьемъ, вси сестры инокини заразъ маютъ до поближшихъ монастырей

благочестивыхъ фундацій домовства нашого о томъ дати знать, и далѣй такого безчинія не терпячи, иншую игуменію соборомъ обравши постановить; што уважнѣ и порядне, въ духу побожности и святобливости исправлено быти маеть, а не въ духу гнѣва и зайздрости (зависти) взрушано и на смятеніе церковное всчинано быти не повинно.

Отца игумена въ томъ наипаче обликгуемъ (обязываемъ) тымъ фундушомъ нашимъ, абы до монастыра Кутеенского Свистолского зъ межи себе священника рядоваго повседневно на служеніе зъ монастыра своего Кутеенского Бѣлковского, а подъ часъ урочистого (торжественнаго праздника) свята, альбо недѣли, зъ діякономъ и зъ пономаремъ конечно посылалъ. А не дай Боже, который-кольвекъ отецъ игуменъ, альбо намѣстникъ съ братіею, зъ якового высокоумія либо задорнаго богомерзкаго гнѣву, унижаючи законницъ (инокинь), служащаго священника къ целеброванію (совершенію) святой литургіи на свято роковое (годичное) или въ будный день, водлугъ фундушовъ нашихъ, за прозьбою старицъ, не похотѣлъ бы дати или не далъ: тогды за нарушеніе фундушовъ нашихъ таковаго зла заводца игуменъ съ братіею и сукцессорами (преемниками) своими отъ служенія литургіи въ дѣвичомъ Кутеенскомъ Свистолскомъ нашомъ монастыру на вси вѣчные часы отпадати маетъ; а госпожа игуменія съ сестрами вольна будетъ откуль ни буди богобоязного священника за благословеніемъ митрополиты Кіевского до монастыра своего принять вов..я, дабы служба Божая въ храмѣ Господнемъ Успенія Пресвятые Богородицы за насъ грѣшныхъ, за все домовство наше и за весь міръ православный христіянскій штоденно не уставала.

Иный тежъ митрополитъ никоторый, ани епископъ Бѣлорусскій, мимо Кіевскую митрополію, до монастыра нашого дѣвичого Кутеенского Свистолского дѣла жадного (ни-

какого) и претексту мѣти нияким способом не могут, вѣчными часы; якож и мы сами и потомкове наши, взглядом (касательно) нарушенья сего листу фундацыйного, если бы якое-кольвек от нас дѣятися мѣло, закладаем на себе заруки коп сем сот грошей личбы (счета) Литовскои, обтяжаючи тим имѣнья наши. А естли бы (чого Боже уховай!) наконец, за яким-кольвек способом и поступком, пришлых часов, до того приходити альбо прійти мѣло, жебы ся госпожа игуменія и сестры инокини теперешные и напотом будучые з послушенства и благословенія святѣйшого патріархи Константинопольского выламали и под оным быть не хотѣли, и што бы кольвек в вѣрѣ и догматах церквѣ святой восточной противного вносили альбо внесли: тогды сим листом фундушом нашим так декляруем, иж яко нам самым, потомком нашым и всему домовству нашому, так теж и паном обывателем повѣту Оршанского, только благочестивым и церквѣ святой апостольской соборной послушным, у таковых тот монастыр Кутеенскій и имѣнье Свистолки, Тишино и Вораксино, хотяж бы без всякого обвѣщенія врядового, вольно будет взяти, заѣхати и отобрати, и иншым благочестивым отдати, постановити и установити по прежнему: кгдыж (ибо) тот ввесь фундуш наш во всих пунктах своих на тых двух паракграфах завѣшоный есть, абы тот монастыр дѣвичій Кутеенскій и игуменія с сестрами инокинями под властью, послушенством и благословеніем святѣйшои столицы Константинопольскои зоставали, и дабы госпожа игуменія с сестрами инокинями в общом житьи неотмѣнно триваючи пребывала. Про тож и сей лист фундуш наш у каждого суду и права, во всем том што ся вышей помѣнило, при зуполной моцы и важности пріймован быти мает в потомные часы. И на то я Анна Огинская Богдановая Стет-

кѣвичовая, подкоморына Брацлавская, и я Янъ Стеткѣвичъ-Заверскій, подкоморый Мстиславскій дали есьмо госпожѣ игуменіѣ Евфросиніи Михайловнѣ Киркоровнѣ и всимъ сестрамъ, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ инокинямъ монастыра Кутеенского Свистолского общежительного тотъ нашъ листъ вѣчистый фундушный зъ нашими печатьми и зъ подписами властныхъ рукъ нашихъ, до которого за устными прозьбами нашими люде зацные (почтенные) печати своѣ приложити и руками властными подписати рачили: его милость панъ Хриштофъ Стеткѣвичъ подкоморый Браславскій; его милость панъ Мартинъ Володкѣвичъ, судья земскій Минскій, а его милость панъ Константинъ Война зъ Ясенца. Писанъ у въ Орши, року тысеча шесть сотъ тридцатѣ первого, мѣсяца Сентябра двадцатъ девятого дня.

Подлинникъ писанъ на двухъ вмѣстѣ сшитыхъ листахъ, современною крючковатою скорописью, безъ строчныхъ знаковъ. Въ концѣ акта слѣдуютъ подписи. Къ нему приложены четыре перстневыя фамильныя печати, подъ кустодіею, на которыхъ оттиски едва примѣтны. Ветхъ.

Хранится въ оршанскомъ Кутеинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. См. рукоп. Бѣлор. Арх. др. грамотъ, II, 229—232, *принадлежащую Археографической Коммисіи.*

3.

Наказъ Кіевскаго Уніятскаго митрополита Іосифа Рутскаго и Литовскорусскихъ епископовъ послам, отправленнымъ въ Кіевъ къ духовнымъ православнымъ властямъ, для переговоровъ о предполагаемомъ церковномъ союзѣ и учрежденіи въ Русско-Литовскомъ краѣ особой патріархіи, по примѣру Московской 1624 г.

1. Оповѣдити або залѣтити (представить) имъ отъ насъ митрополиты Кіевского и всея Русіи, и отъ ихъ милости отцовъ пяти епископовъ, которые на тотъ часъ до Новагородка собралися были, горячую милость прагненья (жажду) покою зъ пими, яко зъ сынами и братьею въ единомъ народѣ Россійскомъ рожоною, просячи Господа Бога, абы тое што нижей написано есть, черезъ его святую ласку и особливое надхненіе (вдохновеніе) Духа Святого до скутку (осуществленія) своего рѣчью самою, а не словы прійти могло.

2. Пытати (спрашивать) у нихъ, естли бы щыримъ сердцемъ, откинувши приваты (личные виды) свои на сторону, прагнули (желали) съ нами соедыненія, яко на многихъ мѣстцахъ съ тымъ ея озывали, и въ друкъ (печать) подавали, и ушомъ многихъ зацныхъ людей доносили: нехай (пускай) же знакомъ якимъ певнымъ (извѣстнымъ), позверховнымъ прагненіе тое свое въ притомности вашой освѣтчать (заявять).

3. Пытати у нихъ, естли скутечнѣ (съ успѣхомъ) могутъ зъ вами, а потомъ зъ нами зъѣхавшися гдѣ, часу певного, на мѣстце певное, устнѣ о тыхъ рѣчахъ безъ выразной пленипотенцыи отъ братствъ своихъ зноситися; а естли не могутъ, то даремна и праца (напрасенъ и трудъ) наша.

Однакъ же, естли позволятъ на зъѣздъ самыхъ насъ, альбо на зношенье черезъ медыяторы (посредники) свѣтцкіе: остеречи ихъ потреба, абы ся о томъ постарали, або якимъ иншимъ способомъ насъ упевнили (увѣрили) же не дармо працовать будемъ. Тоежъ и мы учинимъ, естли не поѣдемъ.

4. Зъ нашой стороны часъ зъѣхаться особамъ, которые отъ насъ и отъ нихъ назначоные будутъ, въ томъ року 1624, въ день святого ..., а мѣстце зъѣзду ... (1); а если они часъ иншый и мѣстце иншое оберутъ, нехай же на письмѣ тое вамъ для певности съ подписомъ рукъ дадутъ.

5. Назначить особы въ личбѣ (числомъ) яко найменьшой, а не большъ трехъ, двухъ духовныхъ, третяго свѣтцкого. Мѣстце тежъ менуемъ ... (2), альбо имъ меновать допущаемъ, которое бы отъ насъ было не отлеглое и на обѣдвѣ стороны способное.

6. Способъ отъ людей многихъ зацныхъ (почтенныхъ) зъ нашее и ихъ стороны поданый тотъ есть, абы былъ новофундованый въ нашихъ краяхъ, яко и въ Московскихъ, патріярха на добрахъ певныхъ духовныхъ, который бы на добрахъ тыхъ на вси потомные часы пребывалъ, и по благословеніе нигдѣ не посылалъ. Мы зъ стороны нашее тотъ способъ заховавши, за добрый быть розумѣемъ, и за спольною (общею) намовою и згодою старатися о томъ хочемъ: только бы зъ ихъ стороны таяжъ щырость сердечная была, и працовать (трудиться) въ томъ святобливомъ дѣлѣ щыро хотѣли.

7. Сказать тежъ то имъ, же мы тое не зъ жадноѣ боязни и построховъ, любо теперешнихъ, любо за часомъ на

1) Въ подл. пробѣлы въ обоихъ мѣстахъ.
2) Также пробѣлъ, для вписанія названія мѣста для предполагаемаго съѣзда.

рѣчь посполитую (чимъ ся они исполитѣ хлюбить (хвастать) по звыкли) приходячихъ чинимъ, але зъ повинности пастырской, которую мы повинны къ овечкомъ мѣти.

8. На остатокъ, освѣдчити повольность (снисхожденіе) нашу и братолюбіе къ нимъ, и што тое вышейменованое предьсявзятіе (предпріятіе) наше, уваживши вси околичности, згоднѣ, щырѣ, а не облуднѣ (фальшиво) отъ насъ есть намовленое и отъ всихъ принятое: которое коли за помощію Божою до скутку своего прійдетъ, освѣдчить готовы есьмы милость братерскую такъ въ пожиточномъ (полезномъ) ихъ яко и въ... (*послѣдняя строка стерлась на згибѣ листа*).

Подлинникъ писанъ на листѣ, крупною скорописью, безъ знаковъ строчныхъ. Въ заглавіи акта отмѣчено: Инструкцыя тымъ, которые маютъ ѣхати до Кіева, для знесенья ся зъ прееминентами стороны противной. Писана въ Новагородку, року Божого 1624, мѣсеца Генваря 20. *Въ концѣ слѣдующія своеручныя подписи:* Іосифъ Велиаминъ Рутскій, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Русіи. Іоакимъ Мороховскій, епископъ Володимирскій и Берестейскій. Аѳанасій Пакоста, епископъ Холмскій и Белзскій, властною рукою. Іеремія епископъ Луцкій и Острозскій рукою. Антоній Сѣлява, епископъ Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій. Григорій Михаловскій, епископъ Туровскій, сослужитель епископіи Пиньской. Именемъ велебного епископа Премышльского и Самборского, на тотъ часъ черезъ листъ притомного а не обличнѣ, я митрополита подписую рукою властною. *Ветхъ.*

Изъ архива, бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ, находящагося при святѣйшемъ синодѣ.

II.

СВЯТАЯ ЖМУДЬ.

(*Окончаніе*).

Путешествующій по Жмуди не можетъ не замѣтить множества крестовъ, всюду поставленныхъ — кстати и не кстати — у дороги, на полѣ, въ лѣсу, въ деревнѣ. Буквально, на каждые десять или двадцать шаговъ приходится по одному кресту или иному священному изображенію 1). Чѣмъ далѣе въ Жмудь, въ страну упорнаго стараго язычества, тѣмъ эти кресты и фигуры попадаются чаще, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стоятъ даже цѣлыми группами. Краткое описаніе, надѣюсь, не будетъ излишнимъ. Обыкновенно, этихъ святыхъ предметовъ — три главныхъ вида: простой крестъ, столбъ съ маленькимъ навѣсомъ и религіозный фонарь. Кресты бываютъ съ распятіями, съ одной, и даже съ тремя, перекладинами, на которыхъ, кромѣ распятія, бываютъ изображены и другія фигуры и исторіи. На крестахъ большею частію размѣщаются всѣ орудія мученія Спасителя — кнутъ, копье, розги, губка, палка, молотокъ, гвозди, иногда пѣтухъ на вершинѣ креста. Распятіе бываетъ или на весь крестъ, или же маленькое, иногда едва примѣтное для глаза. Для красоты, ко кресту придѣлывается сіяніе — или прямыми лучами, или же въ видѣ ладони, съ растопыренными пальцами, или въ видѣ пламени. Кресты бываютъ иногда огром-

1) Объ этомъ же — Zbiorek rzeczy swojskich, стр. 57. Авторъ видитъ въ этомъ фактѣ свидѣтельство народной религіозности.

нѣйшей высоты. Второй родъ фигуръ—столбы бываютъ вышиною обыкновенно сажени въ полторы или двѣ. Надъ вершиною этой фигуры придѣлывается маленькій навѣсикъ, а подъ навѣсомъ—или тоже распятіе, или большею частію рѣзныя фигуры какого нибудь святаго ксендза, иногда папы. Къ навѣсу, для красоты, привѣшены деревянныя кисточки, шелестящія отъ вѣтра. Изображенія бываютъ обыкновенно самой грубой рѣзьбы, часто не имѣютъ подобія человѣческаго, такъ что нужно имѣть слишкомъ богатую фантазію, чтобы найдти въ нихъ сходство съ человѣкомъ. Религіозный фонарь (по моему названію), особенно часто попадающійся при дорогахъ, имѣетъ совершенное подобіе фонаря—безъ стеколъ,—а на мѣстѣ свѣтильни поставлена фигура святаго, а иногда цѣлая группа ихъ представляетъ какой-нибудь эпизодъ изъ св. исторіи, или легенды. Здѣсь чаще всего попадаются — патронъ Жмуди, Іоаннъ Креститель, обливающій Спасителя, — Агафія, съ хлѣбомъ въ рукѣ, спасительница отъ пожаровъ,—Георгій Побѣдоносецъ, покровитель скота. Вообще, преобладаютъ на фигурахъ мѣстно-чтимые святые, чествованіе которыхъ едвали не носитъ на себѣ явную печать языческаго характера. Въ одномъ фонарѣ я видѣлъ двухъ выглядывающихъ изъ него быковъ, за быками—человѣкъ и ангелъ. Иногда, просто на столбѣ поставленъ кто-то, безъ фонаря,—при въѣздѣ въ Ворне, напримѣръ,—воинъ съ копьемъ. А то стоятъ еще у дорогъ подобія каплицъ, въ два этажа; и ставни на ночь закрываются, точно въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Тамъ, кромѣ распятія, бываютъ иногда цѣлыя группы святыхъ, въ разныхъ положеніяхъ; изъ одинокихъ святыхъ, въ одной капличкѣ я видѣлъ Казиміра королевича польскаго, съ жмудскою подписью,—изображеніе очень хорошее; каплица поставлена помѣщикомъ, кажется, въ 1862 году. Большая часть крестовъ и фигуръ, обыкновенно, стары, подгнили, покривились, падаютъ. У иныхъ крестовъ нѣтъ уже перекладинъ,—отъ фонарей остались одни столбы. Инициатива всѣхъ этихъ фигуръ—большею частію—обѣтъ. Родился у жмудина сынъ, кто нибудь умеръ, случилось счастливое какое-либо обстоятельство: хорошій умолотъ, выгодная продажа—

и жмудинъ даетъ обѣтъ поставить фигуру—и ставитъ, съ благословенія, конечно, ксендза. Иногда же крестъ ставится для отвращенія громовъ и градобитія полей. Поставить—не дорого, и религіозное чувство и убѣжденіе удовлетворено. Въ деревняхъ, впрочемъ, крестъ, который фигурою ставится обыкновенно къ окнамъ жилищъ и то имѣетъ значеніе, что якобы «Господь Богъ смотритъ въ окна». Иногда пользуется въ памяти народной чествованіемъ извѣстное мѣсто отъ временъ язычества, наприм. курганъ, дерево и подобн., — а ксендзами на этомъ мѣстѣ ставится крестъ, чтобы языческой памяти дать хотя видимую наружность христіанскую. Я видѣлъ по правой сторонѣ р. Дубиссы, славной нѣкогда священными дубами, дубы и другія деревья, на которыхъ повѣшены распятія; на курганахъ видѣлъ по нѣскольку крестовъ. У Полангена есть знаменитая гора Бируты, на которую жмудины до сихъ поръ совершаютъ благочестивыя путешествія такъ же, какъ ходятъ они на Кальварію. По преданію, на этой горѣ—могила Бируты, вайделотки, бывшей потомъ женою Кейстута, которая, и послѣ повсемѣстнаго на Жмуди распространенія р. к. Христіанства, послѣ того какъ самъ Витовтъ, сынъ Бирутинъ, сдѣлался его распространителемъ, — осталась вѣрна своему старому язычеству, удалилась на гору къ прежнему своему капищу богини Прауримы, и до смерти (1416 г.) поддерживала на жертвенникѣ ея огонь,—заслуживъ всеобщую любовь своею добротою и благотворительностію. Народъ въ пѣснѣ сохранилъ память о ней и, до сихъ поръ, благоговѣйно чтитъ могилу обоготворенной вайделотки; множество Жмудиновъ ежегодно посѣщаютъ «гробъ святой Бируты». Одинъ изъ мѣстныхъ ксендзовъ, свидѣтель этого языческаго обычая, догадался поставить на горѣ крестъ, такъ что память языческой святой празднуется уже по христіанскому обряду, подъ руководствомъ ксендза 1).

Я не могъ убѣдиться, чтобы эти кресты и фигуры пользовались весьма замѣтнымъ чествованіемъ, какъ это утверждаютъ

1) Ярошевичъ, II т. стр. 24. Zbiorek 53 стр.

нѣкоторые 1). При мнѣ ни передъ однимъ крыжомъ, ни одинъ жмудинъ не снималъ шапки, не читалъ молитвы, не преклонялъ колѣнъ: слишкомъ ужъ часо приходилось бы это дѣлать! Да мнѣ кажется—и не считаютъ этого нужнымъ,—ибо у поставившаго фигуру совѣсть успокоена самою ея постановкою,—а другому жмудину, который уже привыкъ къ виду крыжей, много видѣлъ ихъ въ своей деревнѣ и, можетъ быть, самъ не одинъ такой крыжъ поставилъ, нѣтъ нужды обращать вниманіе на чужіе крыжи. Обыкновенно, мало обращаютъ вниманіе на предметы, которые постоянно предъ глазами. Поэтому, было бы слишкомъ притязательно ждать отъ жмудина знаковъ благоговѣнія предъ каждымъ крестомъ, которыхъ онъ въ день—по дорогѣ встрѣтитъ нѣсколько сотъ. Но я вовсе не хочу сказать, что жмудины не имѣютъ привязанности къ крестамъ. Жмудинъ привязанъ ко всему, съ чѣмъ сжился, и все свое отстаиваетъ упорно. Когда начальствомъ, въ виду ксендзовскихъ злоупотребленій, сдѣлано распоряженіе объ ограниченіи права ставить кресты по дорогамъ, въ народѣ вдругъ поднялся ропотъ, не безъ навѣтовъ, конечно, со стороны ксендзовъ. «Намъ не позволяютъ уже Богу молиться, гдѣ мы хотимъ,—завопили па Жмуди, вѣру нашу прижимаютъ». Въ такомъ затруднительномъ положеніи, одинъ мировой посредникъ нашелся весьма удачно. Созвавъ сходъ, онъ объяснилъ крестьянамъ, что «никто вѣры и молитвы ихъ стѣснять не хочетъ, что начальство запрещаетъ только по дорогамъ и у жилыхъ мѣстъ кресты ставить, а не на кладбищахъ, напримѣръ, гдѣ имъ свободное мѣсто. Крестъ у дороги и при жильяхъ, подгнивши легко можетъ упасть и кого нибудь убить. Притомъ—у дороги святой крестъ можетъ быть и оскверненъ и животнымъ, и иновѣрцемъ. У дороги онъ гніетъ, портится, валится, некому за нимъ присмотрѣть, а на кладбищѣ сторожъ за ничтожную плату согласился бы смотрѣть за крестомъ и, по возможности, исправлять его. Да наконецъ, на каждый крестъ при дорогѣ нужно испрашивать благословенія ксендза, а за благо-

1) Zbiorek, стр. 57 у Аѳанасьева также, Матеріалы—стр. 576.

словеніе—платить рубль или два: зачѣмъ же платить, когда на кладбищѣ крестъ можно поставить безплатно??!» Поговорили крестьяне, подумали и согласились на такіе резоны. Изъ этого факта во всякомъ случаѣ можно видѣть, что привязанность къ указаннымъ внѣшнимъ символамъ папства живетъ въ народѣ и можетъ быть искуснымъ ксендзомъ употреблена къ своей выгодѣ, хотя въ тоже время нисколько не вытекаетъ изъ христіанской основы пониманія и жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, что сказать объ этомъ обычаѣ, на сколько служитъ онъ знакомъ внутреннихъ христіанскихъ чувствъ на жмуди? Я думаю, что онъ только поддерживаетъ фанатизмъ, возбуждая какую-то искуственную религіозность, которая преслѣдуетъ жмудина во всѣхъ углахъ и однообразіемъ впечатлѣній подавляетъ на конецъ мысль его. Нѣтъ спора, что это способствуетъ образованію какъ бы нѣкоторой нравственной атмосферы, но нѣтъ спора и въ томъ, что эта атмосфера—туманная, удушливая. Быть подавленнымъ извнѣ наружными впечатлѣніями, не значитъ быть свободнымъ чадомъ Христа. Папизмъ и въ этомъ обычаѣ, какъ въ другихъ, плѣняетъ мысль массою, множествомъ внѣшнихъ впечатлѣній,— за то и здѣсь только внѣшнимъ слоемъ латинское христіанство ложится надъ внутреннимъ язычествомъ народа. Побужденіе, сила—въ язычествѣ, форма, актъ изъ христіанства. Поставить фигуру—совершить дѣйствіе вѣры,— стоять за безобразную, гнилую статуэтку,— по мнѣнію жмудина, значитъ стоять за самую вѣру: что это иное, какъ не язычество, привязывающееся къ сдѣланному руками, привычному для глазъ предмету — потому только, что религія можетъ имѣть къ нему нѣкоторое отношеніе? Какое, наприм., придать значеніе обычаю — употреблять кстати и не кстати крестъ, — великое знамя нашего спасенія? Строитъ жмудинъ хату, — и подъ порогъ, вмѣстѣ съ чѣмъ нибудь другимъ, кладетъ и крестикъ;— это очевидный остатокъ язычества, ибо еще со временъ языческихъ порогъ считается мѣстомъ въ домѣ священнымъ. Хотя ксендзы оправдываютъ эту смѣсь язычества съ христіанствомъ тѣмъ, что «эти кресты напоминаютъ людямъ, чтобъ они избѣ-

вали широкой дороги свѣта, на которой погрязають въ порокахъ и приходятъ въ погибели, но чтобы всегда шли крестною дорогою Христа, хотя устланною терніемъ, но приводящею въ небо» *). Но это объясненіе привязано къ метафорическому значенію словъ: крестъ и дорога; а метафорическому значенію должно же предшествать и прямое. Ставя крестъ, крестьянинъ не имѣетъ въ виду метафоръ этихъ, да наконецъ — и прохожему крестъ могъ бы напоминать только распятіе, если бы попадался рѣже, по-вѣроятно и этого не напоминаетъ, ибо глазъ свыкся съ нимъ. Говорятъ опять, что въ давнее время эти кресты были убѣжищами для невинно преслѣдуемыхъ. Но въ этомъ-то и сказывался еще характеръ сохранившихся въ народѣ, по принятіи христіанства, языческихъ обычаевъ правосудія; потому что и до христіанства— у капищъ и въ священныхъ рощахъ такія убѣжища, кажется, были **). У Владислава Сыромкомли есть стихотвореніе Krzyże wioskowe ***), въ которомъ этотъ обычай опоэтизированъ. Мысль развивается та, что для крестьянина кресты—его исторія и лѣтопись, которой содержаніе изъ устъ въ уста передается стариками. Превосходно изобразивъ общественное и христіанское значеніе креста, поэтъ заключаетъ: «можетъ быть, сильные и мудрые забыли, или иначе нынѣ смотрятъ на крестъ Господень, но простой крестьянинъ каждый перекрестокъ свой, каждую памятку крестомъ означаетъ,— каждую памятку, хоть тысяча лѣтъ мини, крестомъ, какъ гвоздемъ, къ сердцу прибиваетъ. Дивны эти кресты, всюду разбросанные по землѣ нашей! Вымерли племена, вѣка смѣнились, но память живетъ и долго жить будетъ. И когда дѣдъ бородатый почнетъ расказывать тебѣ про этотъ крестъ, про королеву Бону,— не вѣришь тогда въ точность исторической цифры, а сердцемъ чуешь, что здѣсь правдой вѣетъ,— и лучше падетъ тебѣ на сердце бесѣда старца, чѣмъ ученая книга». Много фантазіи въ этомъ восхищеніи крестьянскимъ способомъ сохранять

---

*) Wykład, стр. 121.
**) Ярошевичъ, § 80, стр. 154, ч. 1.
***) Pismo zbiorowe Wileńskie na rok 1859, стр. 18—20, ч. 1.

воспоминанія о событіяхъ минувшаго,— но еще болѣе преувеличенія. Быть можетъ изъ всѣхъ тысячъ крестовъ нѣсколько десятковъ только наберется, къ которымъ привязаны историческія воспоминанія; остальные же—дѣло напускнаго, обрядоваго обычая. Конечно, кресту можно придавать и возвышенное значеніе, но не похвальна эта его обычность, эта профанація его, наконецъ—эта централизація религіозныхъ помысловъ своихъ исключительно въ вещественномъ предметѣ! А если къ тому присовокупить, что подъ покровъ креста ставятся народныя повѣрья о святыхъ-покровителяхъ скотовъ, домовъ, перенесенныя съ языческихъ божковъ—покровителей; то язычества въ этомъ обычаѣ оказывается уже очень много. Положимъ, язычество это безсознательно, но подъ покровомъ папизма, вѣками нароставшаго на народѣ, не быть же язычеству сознательнымъ въ христіанствѣ же нетерпимо ни сознательное,ни безсознательное язычество. Давая смыслъ народнымъ привычкамъ, почему не принять, что подъ р. католическою формою здѣсь кроется тоже стремленіе и тоже міросозерцаніе народа, которое впушало ему обожать природу, населять ее внѣшними знаками присутствія боговъ. У кореннаго язычника были священные камни, деревья,— у язычника олатиненнаго эти предметы смѣнились соотвѣтственными имъ предметами изъ христіанства. Зная плодовитость языческаго воображенія, мы поймемъ и эту, въ настоящемъ случаѣ проявляющуюся плодовитость въ употребленіи и увѣковѣченіи знаковъ христіанской символики. Нынѣ на каждомъ почти шагу мы видимъ кресты и фигуры; язычникъ же на каждомъ шагу видѣлъ боговъ своихъ: «ими наполнялись жилища литвиновъ, поля, луга, лѣса, рощи, озера, рѣки и ручьи, горы, земля и воздухъ, словомъ-весь чувственный міръ такъ былъ оживленъ ими, что чуть ли не на каждомъ шагу литвинъ видѣлъ свои покровительственныя божества». *) Языческій пантеизмъ только видоизмѣнился въ формахъ христіанскихъ; слѣдовательно, заслуга духовенства — опять таки та, что, ставъ на языческую почву, оно воздѣлало латинскую обрядность. Оно и продолжаетъ

---

*) Ярошевичъ, т. 1, § 112, стр. 185.

воздѣлываетъ ее, потому что этимъ крестамъ даетъ почетное мѣсто при своихъ торжествахъ. Напримѣръ, въ праздникъ Божьяго Тѣла и въ такъ называемые дни крестовые, предъ Вознесеніемъ, къ придорожнымъ крестамъ, близъ деревень, совершаются торжественныя процессіи и подъ сѣнію крестовъ читаются молитвы объ отвращеніи градовъ, засухи, пожаровъ и другихъ бѣдъ, грозящихъ крестьянскому благосостоянію. Кромѣ того, есть обычай при похоронахъ зажиточныхъ жмудиновъ ко кресту у дороги выносить носилки; правомъ этимъ полозуются нищіе. Когда похоронная процессія, покойникъ и вся родня съ пѣніемъ приблизятся къ кресту, гробъ снимаютъ съ возка на носилки и, въ сопровожденіи ксендза, несутъ въ костелъ.— Всѣми такими способами, обычай, слѣдов. и внутренній его смыслъ, дѣятельно поддерживается,— и опять скажемъ, что и здѣсь папизмъ совершенно логиченъ, ибо подобными только внѣшне обрядовыми формами, хотя бы и въ ущербъ христіанству, существуетъ онъ.

Если прибавить, къ вышесказанному то обстоятельство, что и въ матеріальномъ отношеніи народное полуязычество не безъ выгодъ для духовенства, какъ и вообще невѣжество и темнота легче поддаются на эксплуатацію,— то увидимъ и еще одинъ жизненный нервъ, которымъ поддерживается безъ движенія нынѣшняя полуязыческая, полукатолическая религіозность «святой Жмуди». Почему же не поддерживать обычая ставить крыжи, если этотъ видъ «благочестивыхъ дѣйствій» приноситъ доходъ? Или, возьмемъ другой примѣръ. Георгій Побѣдоносецъ считается покровителемъ скота,— понятіе перешло изъ язычества и по мысли, и по формѣ. Папизмъ не только поддержалъ это повѣрье, но духовенство извлекло и извлекаетъ изъ него для себя матеріальныя выгоды. «Въ праздникъ Георгія крестьяне дѣлаютъ разныя пожертвованія (ofiary) домашними животными,—а кто этого сдѣлать не въ состояніи, тотъ старается замѣнить животное другою офярою. Между иными приношеніями въ костелъ я видѣлъ (пишетъ этнографъ Литвы) 1) и слѣдующія:

1) Litwa, Ludwika z Pokiewa, стр. 183.

ксендзы тѣхъ костеловъ, въ которыхъ празднуютъ Георгію, приказываютъ надѣлать изъ воску разныхъ фигурокъ, на подобіе домашней скотины, какъ то: коней, коровъ, овецъ, козъ, свиней и т. п. Наготовивъ ихъ порядочное количество, складываютъ по сортамъ въ сито или другую какую посудину, и съ помянутыми фигурами сажаютъ *дѣдовъ* или старухъ богадѣльныхъ по близости костела, для продажи ихъ желающимъ. Крестьянинъ, закупивъ нѣсколько сортовъ этихъ статуэтокъ, носитъ ихъ около святыни, молится, наконецъ кладетъ на олтарь, какъ купленныя восковыя фигурки, такъ и извѣстное количество денегъ. Въ другіе праздники продаются восковыя фигуры, изображающія члены человѣческаго тѣла: ноги, руки, глаза, головы и т. д. Ихъ покупаютъ люди, одержимые какою либо болѣзнію. Въ такихъ пожертвованіяхъ возвращается воскъ костелу, и не только въ одинъ день бываетъ проданъ по нѣскольку разъ, но и до слѣдующаго праздника остается, что приноситъ ксендзу иногда по нѣскольку сотъ злотыхъ чистаго дохода». Или—въ день Агафіи—приносятъ для освященія, (конечно, съ приношеніемъ ксендзу) хлѣбъ, который потомъ, во время пожаровъ, бросаютъ въ огонь. Народъ вѣритъ, что пожаръ отъ этого хлѣба потухнетъ, а латинскіе писатели увѣряютъ, что дѣлавшіе это съ вѣрою испытывали милость Божію. Въ Жмуди это суевѣріе особенно въ чести; оттого, въ каждой почти деревнѣ можно видѣть столбъ, а на столбѣ — Агафію съ хлѣбомъ. Обычай и повѣрье эти, конечно, выгодны для фанатизаціи народа и не безвыгодны для духовенства. Оттого и объясняетъ оно, что освященіемъ хлѣба, который составляетъ главный источникъ пропитанія, какъ бы показывается, „сколь великое произошло бы несчастіе, если бы пожаръ лишилъ людей пропитанія! А въ огонь бросаютъ хлѣбъ, вѣроятно, для умилостивленія огня, — божества пожирающаго: хлѣбъ — ему жертва. Не даромъ же хлѣбъ фигурировалъ при всѣхъ литовскихъ жертвоприношеніяхъ, и жертвенныя лепешки при печеніи бросались чрезъ огонь!

Въ такую-то чудную, тѣсную связь сплелись въ жмудской религіозности и латинская обрядность, и языческое чувство и

внѣшній прибытокъ духовенства. Не стану утверждать, что духовенство сознательно работаетъ на пользу язычества,—вѣроятно, оно само увлекается общимъ потокомъ народнаго язычества, потому что само стоитъ на языческой почвѣ и дѣло имѣетъ съ языческимъ духомъ. Тѣмъ не менѣе, это полуязыческое, полухристіанское направленіе религіозности сидитъ въ народѣ глубоко, и къ сознанію можетъ быть приведено и исправлено только послѣ долгихъ, усиленныхъ, миссіонерскихъ трудовъ для охристіанствованія народа.

Главное средство противъ укоренившихся въ народѣ языческихъ воззрѣній на вещи есть, конечно, просвѣщеніе. Хорошо направленное, систематически приложенное къ жизни, это средство принесетъ всегда вѣрный плодъ, но только въ хорошихъ рукахъ и при добрыхъ намѣреніяхъ. У жмудиновъ инниціативу просвѣщенія приняло и до самаго недавняго времени вело это дѣло латинское духовенство. Можно ли сказать, что ксендзы направили это дѣло къ искорененію языческихъ остатковъ народной религіозности? Я не могу многаго сообщить объ этомъ,—но—во первыхъ, кто же станетъ разрушать одною рукою то, что строилъ другою? Ксендзъ самъ стоитъ на языческой почвѣ народа, ею кормится,—ее воздѣлываетъ. Всѣ описанные выше обычаи—такъ или иначе—въ тѣсной связи съ папизмомъ; въ немъ получаютъ освященіе. Мы не признаемъ ихъ чисто—христіанскими,—ксендзъ убѣждаетъ, что это—правовѣріе, *католицизмъ*; жмудинъ охотно соглашается съ ксендзомъ—или точнѣе—ксендзъ съ жмудиномъ. Слѣдовательно, и просвѣщеніе, отъ ксендза идущее, просвѣщаетъ только внутри этого, ясно очерченнаго круга извѣстныхъ установившихся взглядовъ, обычаевъ, на вѣру принятыхъ понятій. Все просвѣщеніе должно получать религіозно-фанатическій цвѣтъ остальной жизни,—оно ее оправдываетъ, ибо отвергнуть не смѣетъ. Народу внѣдряются, можетъ быть, и крѣпкія убѣжденія, что папизмъ—единая истинная вѣра, папизмъ же—духовенство и вообще вся та внѣшняя форма, которой духовенство служитъ. Поддерживать, почитать духовенство, значитъ—почитать церковь, исповѣдывать вѣру. Слово ксендза—

глаголъ Божій. А чтобъ углубить въ душу такія убѣжденія,— конечно, единственный путь — сообщить народу только то, на, чемъ зиждется сила духовенства. Она зиждется на обрядѣ, на стремленіи народа — символизировать свою религіозность, — это преимущественно народу и раскрывается, на это ему даются формулированныя убѣжденія. Критики, самостоятельности мысли дать народу нельзя, ибо чрезъ это поколебалось бы довѣріе къ ксендзамъ, грозила бы опасность символикѣ папизма. Такимъ образомъ, плодомъ просвѣщенія необходимо является косность въ принятомъ отъ отцовъ и дѣдовъ,—нравственная инерція языческихъ чувствъ и латинскихъ обрядовъ народа.

Затѣмъ—судьбы просвѣщенія на Жмуди замѣчательны отсутствіемъ даже этого одностороняго и своекорыстнаго просвѣщенія. Уже при самомъ введеніи христіанства, Жмудь жаловалась на его недостатокъ. «Мы, писали жмудины въ протестаціи своей 1409 г., дѣйствительно имѣемъ епископовъ, прелатовъ, ксендзовъ, и имъ подобнаго люду не мало, которые забираютъ у насъ волну и молоко, *пьютъ кровь нашу, мясо при костяхъ объѣдаютъ*, но совсѣмъ не сообщаютъ намъ науки христіанской (1).» Дѣло не улучшилось и послѣ, а когда пошли религіозныя смуты и по всей Литвѣ осталось не болѣе семи латинскихъ ксендзовъ, у кого было просвѣщаться латинской Жмуди? По минованіи бури, въ 17 столѣтіи, много сдѣлано было для прикрѣпленія къ обряду, для введенія на Жмуди всякихъ достопочтимыхъ мѣстъ и святилищъ,—но школъ по приходамъ для крестьянскаго народа, къ самому даже концу столѣтія, было на Жмуди не болѣе 17 (2). Нѣкоторыя изъ нихъ хотя имѣли особыхъ учителей, но подъ руководствомъ ксендзовъ. Въ прошломъ столѣтіи дѣло просвѣщенія двигалось тихо и (особенно во второй половинѣ) болѣе сдѣлано для улучшенія якобы матеріальнаго, нежели нравственнаго быта крестьянъ. Были случаи, что какой нибудь магнатъ, изъ побужденій модной философской гуманности, устроивалъ

1) Lukas David, VIII, p. 158. Narbutt VI, p. 159. цитов. у Ярошев. т. I § 14, стр. 23.

2) Ярошевичъ, т. 3, стр. 103.

для крестьянъ школу, но случаи эти бывали не часты. А тутъ же, когда съ уничтоженіемъ іезуитскаго ордена, эдукаційная коммиссія стала заводить новые порядки и по необходимости учителями оставила по началу прежнихъ іезуитовъ,—дѣло пошло медленно, безъ энергіи, пожалуй, и безъ толку. Только въ послѣднее время, во второй четверти нынѣшняго столѣтія, сообразило наконецъ латинское духовенство, что жмудинъ долженъ-же умѣть разбирать хоть молитвенники свои, чтобы не совершенно безъ смысла стоять въ костелѣ. Подъ надзоромъ епископовъ, начали устроиваться такъ называемыя школки ксендзовскія, въ которыхъ зимою ксендзы, или учителя, ксендзами поставленные, занимались съ дѣтьми крестьянъ. Наука была извѣстная; главнымъ образомъ, ксендзовская мораль, чтеніе и письмо, кое-что по счетной части,—иногда костельное пѣніе, подъ наблюденіемъ органистаго. Впрочемъ письму училось огромное меньшинство. Для мальчиковъ составлены были ксендзами букварп, весьма, конечно, неудачно. Не заботясь о фонетикѣ жмудской, въ букварп цѣликомъ перенесли польскія буквы и звуки. Внесли носовыя ą, ę, для чего сочинили орѳографію, не соотвѣтствующую жмудскому произношенію, наприм.: Atmink szwentą dieną szwentie. Или помѣстили такіе склады, которыхъ жмудину и не выговорить совершенно—drzu, drzę, zgrzą, strza и подобн., или которые прямо годятся только для польскаго языка—chwę, chcę chci и под. 1) Или же пустили буквари, въ которыхъ буквы и со всѣми складами занимаютъ только 6 страницъ, остальныя же 58 стр. катехизисъ, безъ всякаго постепеннаго перехода отъ легчайшаго къ труднѣйшему. 2) Понятно, что не скоро выучишься читать по такимъ букварямъ, и вѣрно — зимы двѣ или три шло на это,— тѣмъ не менѣе, такъ ли—иначе,—жмудинъ выучивался читать свои молитвенники. На томъ его наука и останавливалась, если такой ученый не поступалъ куда нибудь въ гимназію. Выучки

1) Lamentorius arba pradżia moksło Tadeła mażioms wojkeliems. Wilniuje, 1860.

2) Didesis elementorius ir katakismus arba Trumpas Moksłas Wieros krikszczioniszkos, paraszitos par kun. Tadeusza Juzumowicze Wilniuje 1860.

его хватало именно только на молитвенники; приложить знаніе грамоты къ пріобрѣтенію полезныхъ свѣдѣній нельзя было; потому что на жмудскомъ языкѣ никакихъ книгъ въ этомъ родѣ не было. Двигателями литературы были ксендзы; ксендзовъ же интересъ—издавать книги преимущественно и почти исключительно духовно-латинскаго содержанія;—это же и доходнѣе, потому что молитвенники, или кантычки, или гіесмасъ (пѣсни) всякій купитъ. Такимъ образомъ, въ бѣдной вообще жмудской литературѣ 1), книгъ религіозныхъ, если угодно, много, но практически полезныхъ почти нѣтъ. Я имѣлъ подъ руками 56 книгъ на жмудскомъ языкѣ, изданныхъ большею частію въ послѣднее время:—изъ нихъ 20—были молитвенно-богослужебнаго содержанія, въ 18 излагались катихизическимъ способомъ папская доктрина, болѣе относительно исповѣди, 8 заключаютъ нравоучительныя повѣсти, частію переводныя, 5—жизнь Іисуса Христа, Божіей Матери и Святыхъ,—4—наставленія по сельскому хозяйству, и 1—филологическія ученыя замѣтки о литовскомъ языкѣ. Изъ этихъ книгъ, можетъ быть 10 только, и то частію, могли доставить практически полезное чтеніе въ школѣ и внѣ школы. Не смотря однако же ни на бѣдность въ книгахъ для чтенія, ни на плохія методы и руководства къ обученію, въ ксендзовскихъ школкахъ бывало иногда много мальчиковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число доходило, какъ говорятъ, до 150. Ксендзамъ народъ вѣрилъ, ксендзовъ почему—то считалъ безкорыстнѣе казенныхъ учителей (2) наконецъ нѣкоторыя школы привлекали фундушами, на которые содержались дѣти совершенно бѣдныхъ родителей. Школы ксендзовскія начинали пріобрѣтать популярность и вліяніе, которое хотѣло быть даже исключительнымъ: школа стала бы могущественною поддержкою стремленій духовенства. Этому положило конецъ повсемѣстное закрытіе ксендзовскихъ школокъ, послѣдовавшее съ началомъ мятежа, въ пользу котораго пропагандировали ксендзы въ

1) Смот. Ярошевича III т., стр. 125, кажется, что всѣхъ жмудскихъ изданій наберется немного по болѣе сотни, если не считать, конечно, перепечатокъ.

2) Афанасьевъ, Матеріалы для статистики, стр. 545.

сердцахъ и умахъ бывшаго подъ ихъ руководствомъ молодаго поколѣнія.

Не много духовенство развило народъ въ религіозномъ отношеніи и проповѣдію церковною. Извѣстно, что проповѣди на жмудскомъ языкѣ произносятся весьма рѣдко. По угрозѣ, что за непроизнесеніе ни одной проповѣди въ теченіи трехъ мѣсяцевъ ксендзъ подвергнется отвѣтственности, каждый настоятель костела можетъ быть совершенно за себя спокоенъ при четырехъ проповѣдяхъ въ годъ,—конечно и менѣе, ибо угроза никогда не выполняется. Занимаются ксендзы еще разъясненіемъ народу религіозныхъ истинъ при такъ называемыхъ «колендахъ»,—урочныхъ разъѣздахъ по приходу около новаго года; но—это дѣлается отрывочно и мимоходомъ, потому что ксендзамъ много предстоитъ работы по сбору для себя и доставкѣ разныхъ хозяйственныхъ статей 1). Вообще же знакомства въ народѣ въ священною исторіею и Евангеліемъ—не замѣтно. Религіозный смыслъ и вкусъ поддерживается распространеніемъ въ народѣ религіозныхъ картинъ и разныхъ изображеній, фабрикуемыхъ плохими малярами кальварійской школы и находящихся у каждаго набожнаго жмудина. Я имѣлъ у себя нѣкоторыя изображенія и, долженъ сказать, что это-чистѣйшее, грубѣйшее, первоначальное язычество. Картины-четырехъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ; краски пестрятъ до боли глазъ; одинъ разсчетъ на эффектъ. Нечего говорить, что картины эти разрисовываются чрезъ заготовленныя напередъ формы, какъ стѣны подъ обои,—что деревья, люди и птицы на нихъ—самыхъ неестественныхъ цвѣтовъ, и проч. Но въ нихъ нѣтъ ни вѣрности исторической истинѣ, ни благоговѣйнаго обращенія съ святыми ликами. Картина—Христосъ колѣнопреклоненный молится въ саду, представляетъ Христа съ испещреннымъ тѣломъ, красными волосами, безъ одежды,—на ногахъ гвоздиныя язвы,—въ терновомъ вѣнцѣ, а кругомъ—изображенія разныхъ моментовъ страданій, при чемъ, вмѣсто лика Іи-

1) Я слышалъ, что въ коленды нынѣшняго года воздерживались отъ всякихъ наставленій даже ревностнѣйшіе ксендзы.

суса Христа, намазанъ какой-то обрубокъ; совѣстно за такую набожность, больно для искренняго религіознаго чувства! Представлена еще на этой же картинѣ какая-то мать съ младенцемъ, и при нихъ кто-то съ зажженною свѣчею,—совершенно непонятно. На картинѣ Георгія Побѣдоносца, покровителя животныхъ, фигурируетъ быкъ. Изображеніе Островратской иконы Божіей-Матери снабжено и пожаромъ, и гербами польскимъ и литовскимъ, и польскою подписью (молитвою), и людьми, внизъ головою летящими, и проч. Все это намалевано до невѣроятія— отвратительно. Все это идетъ въ народъ,—и ксендзы ни слова. Рѣзное же изображеніе Іисуса Христа, мною пріобрѣтенное, положительно похоже на одного изъ видѣнныхъ на рисункахъ и въ Музеѣ идоловъ. Деревянная фигурка, грубо вырѣзанная, сидитъ, склонивъ чело на руку. Что это значитъ? спросилъ я у продавца, грамотнаго и между своими, вѣрно, болѣе другихъ понимающаго. «А это Іисусъ-Христосъ, во время всемірнаго потопа, сидитъ на камнѣ, на горѣ Таборъ, и думаетъ съ печалію въ сердцѣ: зачѣмъ это такъ много гибнетъ невиннаго народа?» Такія-то и подобныя нелѣпости безразсудно распускаются можетъ быть среди тысячи довѣрчивыхъ невѣждъ этими продавцами и истолкователями священныхъ предметовъ—иконокъ, крестиковъ, шкаплеровъ и проч. Подобнымъ-то враньемъ, подобными нелѣпыми изображеніями утверждается въ народѣ религіозность: можетъ ли еще быть сомнѣніе въ ея достоинствѣ и характерѣ?

Неутѣшителенъ, слѣдовательно, общій видъ религіознаго развитія и просвѣщенія жмудина. Духовенство не вывело Жмуди изъ языческаго мрака и невѣжества, хотя все время держало ее въ рукахъ и потребляло ея «волну и молоко.» Во всѣхъ отношеніяхъ къ католической Жмуди, духовенство умѣло только поддержать въ ней языческую привязанность къ разъ-принятымъ обрядамъ, умѣло извлечь пользу изъ ея языческихъ понятій, пріобрѣтая постепенно больше и больше вліянія. Нѣтъ сомнѣнія, что даже и вѣроисповѣдный фанатизмъ, доходящій до слѣпой враждебности къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, оно развило, или покрайней мѣрѣ поддержало языческую исключительность воззрѣній

паписта—жмудина. Древнему жмудину жрецы говорили: «сосѣдей, чтущихъ нашихъ боговъ, должно считать друзьями, а съ людьми иной вѣры постоянную вести войну 1).» Нынѣшній жмудинъ также невѣрныхъ (т. е. всѣхъ непапистовъ) считаетъ своими врагами. Такое имя дано кальвинистамъ въ шидловской пѣсни, приведенной выше. Въ литаніи Казиміру королевичу жмудины молятъ его, чтобы, «раздѣлились и возстали другъ на друга непріятели»; говорится, что «нѣкогда Казиміръ уже унизилъ этихъ непріятелей» 2). Эти униженные непріятели, вѣроятно, мы—православные, противъ которыхъ, по стараніямъ Казиміра королевича, изданы были стѣснительныя постановленія. Въ народѣ и до сихъ поръ есть присловье, и по происхожденію и по нетерпимости, языческое: «божекъ Перкунъ (громъ), не бей въ жмудина, бей въ язычника, какъ въ рыжую собаку». Не народная, но религіозная нетерпимость сказывается въ этомъ присловьи; ибо жмудину вѣрующему противополагается язычникъ. Насъ, иновѣрцевъ, жмудинъ—папистъ, быть можетъ, и не приравнялъ бы къ язычникамъ и собакамъ, но и насъ онъ принялъ бы не очень милостиво. На иновѣрца не распространяется даже знаменитое, особенно въ старое время, гостепріимство жмудина. «Людей другой вѣры, признается одинъ папистъ 3), жмудинъ смертельно ненавидитъ; ему противно даже у одного стола ѣсть съ ними». Такимъ образомъ все это зданіе жмудскаго папизма, основанное на

---

1) Preus. chr. Luk. David, t. 1., p. 20—24. Цит. въ Litwa—стр. 308.

2) Naujes Altories par kunege Kazimiera Przyałgowski Wilniuje 1864, стр 553. 554. Въ книжкѣ Szwentos Giesmes, Wilninje 1861 г., Казиміръ называется поляковъ сильною рукою, чудеснымъ ихъ помощникомъ и заступникомъ, патрономъ Польши и Литвы (стр. 362. 363). Въ параллель къ этому приведемъ нѣсколько словъ изъ польскаго гимна Казиміру: «имѣешь ты силу къ защитѣ народа. Будь намъ патрономъ у престола Вѣчнаго, да съ хотѣніемъ разоритъ враговъ нападенія, расторгнетъ крамолы.» «Мужественный рыцарь вѣры и церкви! Стреги насъ отъ заблужденій, которыя, точно черныя тучи, надходятъ надъ нами и грозятъ гнѣвомъ Божіимъ.» «Да молитвами твоими святыми ширится истинная вѣра посреди Литвы, и всѣ, проникнутые твоимъ смиреніемъ, да пламенѣютъ любовію.» (Życie, cuda i cześć świętego Kazimierza, X. A. Lipnickiego Wilno, 1858 стр. 103).

3) Естковскій, стр. 54 — Zbiorek.

язычествѣ, поддерживаемое невѣжествомъ, вѣнчается фанатическою нетерпимостью. Язычество. невѣжество, фанатизмъ—чада одной матери: въ нихъ нѣтъ свободнаго отношенія къ религіи, природѣ и внушеніямъ совѣсти. Ибо истина, и одна истина, по слову Христа, даетъ свободу. Истины же, этого единаго на потребу, духовенство народу не дало; ибо дало ему папизмъ.

Должно сказать, что латинство, фанатизируя массы, внеся раздоръ въ христіанское братство, въ тоже время заключаетъ и союзы, ему необходимые и полезные. Религія, по существу своему, есть актъ соединенія,— и чѣмъ полнѣе, чѣмъ внутреннѣе и духовнѣе объединеніе въ религіи разнообразныхъ элементовъ, тѣмъ извѣстное религіозное исповѣданіе истиннѣе и святѣе. Папство на Жмуди также соотвѣтственнымъ себѣ способомъ выполняло эту задачу. Жмудь вообще какъ будто исторіею предназначена—мирить въ себѣ, помощію религіи, противоположные элементы. Такая роль первоначально досталась язычеству литовскому. Историческія преданія говорятъ, что только тогда утихла вражда и произошло сліяніе туземныхъ литовцевъ съ пришлыми готами, когда Брутенъ, одинъ изъ братьевъ—начальниковъ надъ пришельцами, привлекъ литовцевъ къ новой религіи Перкуна и установилъ пресловутую іерархію литовскаго жречества. Предъ лицомъ новой религіи, которой народъ предался потомъ всѣмъ сердцемъ, утихла навсегда вражда двухъ чуждыхъ народностей. Подобную же роль досталось выполнить въ Литвѣ папству: все время, до настоящей поры, онъ старался объединить въ себѣ національность литовскую съ польскою. Литва никогда не ладила съ Польшею; своими связями съ крестоносцами, поляки не менѣе нѣмцевъ стали ненавистны литвинамъ. Въ пѣсни на смерть Кейстута, народъ до сихъ поръ поетъ, что «не кому будетъ вести въ бой Жмудь, когда ляхъ вторгнется чрезъ ея пороги, свяжетъ мужей, опозоритъ боговъ, погонитъ народъ въ Краковъ». Эта вражда къ полякамъ и Польшѣ даетъ себя чувствовать и послѣ,— во время уніи Литвы съ Польшею. Не смотря на то, унія была завязана,— слитіе Жмуди съ Польшею, полонизація народности началась—и притомъ именно при помощи вновь введеннаго папизма и іерархичес-

кой огранизаціи ксендзовъ. «Обращеніе Литвы въ католичество, говоритъ Ярошевичъ 1), тѣмъ важнѣе было для нея, что, вступая въ тѣснѣйшія связи съ Польшею, стоявшею на городздо высшей степени цивилизаціи, она приняла не только новую *postać* (видъ) религіозную, но должна была и свой политическій и гражданскій бытъ измѣнить на образецъ польскій. Не сама прежняя религія, но давнее правительство и право, а въ значительной части народа и обычаи и языкъ, подъ вліяніемъ новыхъ связей и новыхъ понятій пошли къ перемѣнѣ». Въ народѣ получило начало безчисленное множество жмудской шляхты, обыкновенно невѣжественной до безграмотности и грубой, но тоже усердно пополнявшей ряды повстанцевъ въ прошлый мятежъ. Съ польскимъ алфавитомъ народъ усвоилъ въ большой части и польскую рѣчь,— а не этотъ ли самый жмудинъ въ давнее время хотя и понималъ поляка, но иначе не говорилъ съ нимъ, какъ чрезъ переводчика. 2) Польскіе молитвенники, польскіе патроны Литвы вкореняли убѣжденіе въ неотразимости польскаго вліянія и вообще все польское въ этомъ краю появилось только съ папизмомъ и ксендзами,—и единственно только помощію религіознаго, вѣроисповѣднаго единенія могло совершиться это политическое „*pojednanie i złączenie dwóch wielce róźnych od siebie narodow, przenarodowienie Litwy*,“ по сознанію самыхъ поляковъ 3).

На этомъ пунктѣ мы приходимъ къ тому, съ чего начали. Положеніе Жмуди наглядно убѣждаетъ, что главный противникъ нашъ въ западномъ краѣ есть папизмъ, или точнѣе — представители его—ксендзы, ибо съ ними пришло, въ нихъ сосредоточивается, ими утверждается и поддерживается все то, что называется полонизмомъ, польскими притязаніями и вліяніями на западный край. Полонизмъ на Жмуди держится фанатизаціею народа въ духѣ исключительнаго, крайняго папизма,— фанатизи-

---

1) Ярошевичъ, т. 2, стр. 37.

2) Pismo zbiorowe wileńskie na rok 1859 ст. Ярошевича Zarysy z czasów pogańskich Litwy, ч. 1, стр. 99.

3) Zbiórek—стр. 127.

руется же народъ исключительно господствомъ надъ совѣстію народною латинскаго духовенства. Слѣдовательно, если край этотъ долженъ окончательно, духовно слиться съ Русью (а онъ долженъ это сдѣлать, ибо того требуетъ наше народное, государственное и историческое сознаніе), то намъ предстоитъ направить всѣ наши усилія противъ господства р. католическаго духовенства, противъ его огромнаго, исключительнаго вліянія на нравственныя дѣйствія и умственныя убѣжденія Жмуди средствами папизма. Падетъ ксендзовское владычество, падетъ съ нимъ, несомнѣнно рухнетъ и безпочвенное, искуственное зданіе полонизма. Систематически, имѣющимися въ нашихъ рукахъ средствами, дѣйствуя противъ ксендзовской пропаганды, мы возвратимъ Руси этотъ край, какъ возвратили многія другія области обширнаго отечества нашего. Главное наше дѣло—твердо и безостановочно идти по этому пути все впередъ, непремѣнно впередъ,—и никогда назадъ.

Гражданская власть, что́ можетъ, дѣлаетъ для пресѣченія польско латинскихъ нитей, которыми, какъ паутиною, опутывали ксендзы «Святую Жмудь» *). Мы же должны посредствомъ про-

---

*) Въ 1864 году, сколько я могъ узнать по оффиціальнымъ источникамъ, слѣдующія приняты мѣры къ ограниченію вреднаго своеволія ксендзовъ и приведенію ихъ въ тѣ предѣлы вліянія и благоповеденія, въ которыхъ должно находиться римско-католическое духовенство на русской землѣ:

1) Предписано, въ оффиціальной перепискѣ духовенства, употреблять русскій языкъ подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ денежныхъ взысканій; къ выпускному экзамену допускать только тѣхъ клериковъ, которые хорошо знаютъ русскій языкъ;

2) Относительно наличнаго состава римскокатолическаго духовенства, предписано—привести въ извѣстность все число духовенства инаблюдать, чтобы при каждомъ костелѣ было ксендзовъ не болѣе положеннаго по штату,—наблюдать, чтобы въ монастыряхъ не жили не принадлежащіе къ монастырю лица, и постриженіе въ нихъ монаховъ и монахинь производилось съ разрѣшенія гражданской власти и по увѣдомленіи полиціи о мѣстѣ и времени,—чтобы опредѣленіе въ ксендзы, деканы, настоятели и настоятельницы и проч. производилось съ предварительнаго разрѣшенія главнаго начальника края и по удостовѣреніи въ благонадежности,—чтобы новиціаты по монасты-

свѣщенія народа, посредствомъ внутренняго охристіанствованія его истиною, здравыми религіозными понятіями и практическими знаніями,—уничтожить въ народѣ послѣдніе остатки язычества и слѣдоват. приготовить въ народной совѣсти отпоръ живой и рѣшительный притязаніямъ духовенства; ибо безъ народнаго язычества не можетъ держаться и власть ксендзовъ.

Позволю себѣ въ заключеніе прибавить, что вся предъидущая исторія Жмуди подъ владычествомъ папизма сколько усложнила столько же и упростила наши отношенія къ нынѣшней Жмуди. Вопросъ теперь можно ставить и рѣшать прямо. Можно

рамъ закрыть, новиціевъ же, достойныхъ по развитію и поведенію, принять въ семинарію, въ число клериковъ, которымъ всѣмъ имѣть точные списки,—за ученіемъ въ семинаріи блюсти неусыпно и объ оканчивающихъ курсъ, прежде экзамена, доносить начальнику края;—воспретить отлучку монаховъ и монахинь изъ монастырей, равно какъ и бродяжничество по приходамъ лицъ, принадлежащихъ къ духовенству, а по уважительнымъ причинамъ и по предварительной подачѣ прошенія декану, давать отпускъ на семь дней;

3) Въ противодѣйствіе польско латинской пропагандѣ и распространенію фанатизма, повторительно воспрещено, согласно заключенію римско-католической коллегіи отъ 16 мая 1845 г., ставить по дорогамъ, на поляхъ и вообще внѣ костеловъ, священныя изображенія, въ видахъ содѣйствія польской пропагандѣ,— и подъ строгою отвѣтственностью вмѣнено ксендзамъ не препятствовать водруженію крестовъ на кладбищахъ надъ могилами, и вообще не распространять злонамѣренныхъ слуховъ и толковъ по поводу вышеприведеннаго воспрещенія;—предписано ни подъ какимъ видомъ не допускать постройку филій и каплицъ, и починки и возобновленія существующихъ костеловъ, равно и устройства домашнихъ алтарей и опредѣленія къ нимъ капеллановъ, безъ разрѣшенія гражданской власти,— разрѣшенія же дозволено просить на постройку филій и каплицъ только въ случаѣ безотлагательной нужды по многолюдности приходовъ, ихъ обширности, затруднительности сообщеній и под., при чемъ предварено епархіальное начальство объ отвѣтственности за самовольную, безъ разрѣшенія установленнымъ порядкомъ, постройку филій и каплицъ;—домашнія каплицы, которыхъ владѣльцы, получившіе разрѣшеніе на устройство, умерли, закрыть и впредь закрывать, передавая утварь въ епархіальное вѣдомство,— на будущее время, при открытіи, съ разрѣшенія гражданской власти, каплицъ, наблюдать, чтобы, вмѣсто каплицъ, не устроивались обширные ко

начинать дѣло сначала, совершенно опуская темную страницу папскаго владычества,—съ того, то есть, пункта литовской исторіи, когда еще не произошло на Литвѣ поворота къ папизму, а народъ литовскій стремился къ объединенію съ Русью всѣми духовными помыслами своими *). Такой взглядъ на дѣло не мало прольетъ свѣта и на разныя частности въ практикѣ нашихъ просвѣтительныхъ дѣйствій на Жмуди.

стелы, а каплицы отнюдь не служили только къ распространенію римско-католической пропаганды между православными;—подвергнуть строгой отвѣтственности всякую попытку къ распространенію въ православномъ населеніи польскихъ молитвенниковъ и привлеченію православныхъ въ костелы,—запретить ксендзамъ подъ опасеніемъ штрафовъ и строгой отвѣтственности, устройство по приходамъ братствъ или обществъ (трезвости), подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, и привлеченіе къ нимъ мѣрами насилія или убѣжденія,—вообще отвѣтственность за всякіе политическіе безпорядки и польско-латинскую пропаганду въ духовенствѣ возложить по монастырямъ на настоятелей, настоятельницъ и визитаторовъ, по приходамъ же—на декановъ—и подобн.

4) Наконецъ, въ концѣ года, послѣдовали перенесеніе всего епархіальнаго управленія тельшевской епархіи и епископской каѳедры изъ Ворней въ Ковну. Консисторія со всѣмъ архивомъ, капитула съ библіотекою, церковная утварь—уже перевезены и епископъ Волончевскій живетъ уже въ Ковнѣ. Въ Ворняхъ, до мая мѣсяца, оставлена только семинарія епархіальная. Все это—дѣло большой важности: надъ дѣйствіями управленія можно будетъ имѣть правительству контроль. Давно тянулось это дѣло, по разнымъ предлогамъ откладывалось,—Волончевскій, не смотря на правительственныя настоянія, титуловался не просто тельшевскимъ епископомъ, но вмѣстѣ и жмудскимъ. Какъ однакожъ ни упиралось духовенство, дѣло сдѣлалось—безъ шуму и даже безъ демонстрацій. Крестьяне не недовольны, ибо не будутъ даромъ работать на ксендзовскій каѳедральный штатъ,—дворяне же большею частію находятъ это удобнымъ тѣмъ, что въ Ковнѣ, подъ рукою, въ одинъ и тотъ же день, можно и метрику выправить и пустить ее въ ходъ по присутственнымъ мѣстамъ. Ропщутъ только жиды ворненскіе на подрывъ торговли, но, имъ въ утѣшеніе, въ ксендзовскихъ зданіяхъ, помѣстится какой-то военной штабъ.

*) Срав. Ярошевичъ т. II, стр. 7.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

до и во время послѣдняго мятежа

1831-1863 г.

(*Вмѣсто предисловія*).

Эмиграція имѣла неоспоримо главное вліяніе на послѣдній польскій мятежъ. Объ ней мы имѣемъ только отрывочныя журнальныя свѣдѣнія; но какъ ея дѣятельность во многомъ разъясняетъ подготовительную, подземную работу къ событіямъ 1863 года, то можемъ сказать, что безъ ближайшаго знакомства съ заграничною агитаціею польскихъ выходцевъ едва ли возможна вѣрная оцѣнка самаго мятежа, едва ли возможенъ вѣрный взглядъ на всѣ, тайно дѣйствовавшія въ немъ пружины.

При современномъ изслѣдованіи съ разныхъ сторонъ послѣднихъ плачевныхъ польскихъ событій, полагаемъ что краткій очеркъ, представляющій въ связи жизнь и дѣятельность польской эмиграціи 1831 года, не будетъ лишенъ своего интереса, и читатели захотятъ спуститься съ нами въ ту подземную фабрику, которая по всей Европѣ завела конторы для сбыта своихъ произведеній. Мы попросимъ читателей пробѣжать по тѣмъ мастерскимъ, изъ которыхъ выходили враждебныя общественному спокойствію и благосостоянію, связанныя между собою, манифестаціи, демонстраціи, бунты, мятежи и революціи нашего времени.

Изучивъ уставы подземнаго общества, проповѣдующаго блажную свободу, уравненіе правъ, имуществъ и общее благоденствіе, съ одной стороны мы увидимъ компанію заводчиковъ, проживающихъ богато, комфортно и благополучно, совершенными баричами или джентельменами,—увидимъ этихъ, своего рода винокуровъ, развращавшихъ массы для выгоднаго сбыта своихъ издѣлій; а съ другой стороны увидимъ работниковъ, которые прокармливаются трудно наживаемою копѣйкою, но за то морально откармливаемыхъ *великими идеями*, несбыточными, какъ противными природѣ человѣка. Эти работники въ потѣ лица трудятся за опасною работою и складываютъ свои буйныя головы, кидаясь въ бездну и увлекая тысячами жертвы, ими искушенныя или ослѣпленныя.

ГЛАВА I.

Польскіе выходцы. — Симпатіи къ Франціи. — Тайныя общества.—Франція при Людовикѣ Филиппѣ. - Эмиграція.— Польскія депо.—Польскій комитетъ.—Польскій національный комитетъ.—Князь Чарторыйскій.—Эмиграція примыкаетъ къ революціонерамъ.—Законъ 9 Апрѣля.—Парижъ-центръ совѣщаній европейскихъ революціонеровъ.—Буонарроти.—Парижскій бунтъ 6-го Іюня.— Польскій національный центральный комитетъ.—Польскіе агенты въ Англіи.— Требованія эмиграціи отъ французскаго правительства.— Польскій сеймъ въ Парижѣ.—Распри съ франц. правительствомъ.—Португальскія предложенія.—Неудачныя попытки къ общей европейской революціи.—Поляки въ Швейцаріи.—Неудачи Бема—Проектъ польскаго легіона.—Требованія отъ Бадена интервенціи въ пользу поляковъ.— Изгнаніе изъ Франціи польскихъ коноводовъ.—Савойская экспедиція. — Мятежъ въ Ліонѣ. — Козни противъ указа 4-го сентября 1834 года.

Польскіе выходцы. При неудачахъ возстанія 1831 года, поляки во множествѣ искали спасенія за границею,—по одиночкѣ и цѣлыми партіями они переходили рубежъ Имперіи. Тѣснимые русскими, польскія войска искали спасенія за границами владѣнія Австріи и Пруссіи. При отрядахъ находились и мѣстные ревнители, частію бывшіе въ составѣ войскъ, частію къ нимъ примкнувшіе, скомпрометированные предъ русскимъ правительствомъ своимъ участіемъ въ бывшемъ мятежѣ.

Первый пріютъ выходцы нашли въ Галиціи и Пруссіи. Въ Галиціи мѣстные поляки, съ открытыми объятіями, принимали своихъ земляковъ; принимали ихъ многіе и изъ австрійскихъ служащихъ, по чувству состраданія; многіе выходцы, перешли границу, не имѣя рубашки на тѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Въ Пруссіи правительство отвело выходцамъ богатую провинцію Куячъ, и назначило имъ, на первое время, денежное вспомоществованіе довольно значительное, такъ что офицеры получали до 20 талеровъ въ мѣсяцъ. По прошествіи года въ Маріенвердеръ прибылъ адъютантъ короля, графъ Каницъ, отобралъ

свѣдѣнія о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ каждаго выходца. Изъявившіе намѣреніе переѣхать на жительство въ другія государства Европы, были перевезены на казенный счетъ; тѣже, которые испрашивали для себя отъ русскаго правительства амнистію, остались въ Пруссіи, при томъ же пособіи отъ казны, хотя амнистію нѣкоторые получили только въ 1834 и 1835 годахъ.

Симпатіи въ Франціи. Солдаты, крестьяне, дворовые, попавшіе за границу, составлявшіе по выраженію одного поляка *plebs* эмиграціи, большею частію остались въ Галиціи и Пруссіи; остальные почти всѣ потянулись далѣе на западъ: въ Швейцарію, Белгію, Англію и преимущественно во Францію. Во Франціи ожидали ихъ наибольшія симпатіи; тамъ и политическое положеніе страны обѣщало дальнѣйшимъ ихъ предпріятіямъ наибольшіе успѣхи. Франція притягивала къ себѣ польскихъ выходцевъ далекимъ заревомъ своихъ революціонныхъ пожаровъ; поляки спѣшили туда обогрѣться, послѣ потушеннаго пожара на родинѣ. Франція дѣйствительно въ то время была метрополіею всѣхъ революціонныхъ настроеній.

Тайныя общества. XVIII столѣтіе было столѣтіемъ мира для Европы, воевала лишь на ея окраинахъ устраивающаяся Россія; войны Фридриха Великаго были единственныя, которыя кратковременно отрывали европейскія общества отъ внутренняго, мирнаго, быстраго ихъ развитія. На произведеніяхъ литературы того времени отразилась эта работа къ общественному устройству и много вопросовъ оставили писатели XVIII столѣтія ярко наброшенными и блѣдно разрѣшенными. Общество искало практическаго пути къ примѣненію новыхъ теорій; молва указывала на массонскія ложи; таинственность дѣйствовала обаятельно; въ ложахъ искали ключа премудрости. Въ образованныхъ классахъ общества изученіе Руссо, Дидеро, Вольтера было модное занятіе, а *франъ-масонъ* модное званіе. Ложи множились повсемѣстно; онѣ манили къ себѣ любопытныхъ и добродушныхъ, честолюбивыхъ и тщеславныхъ; была тогда мода на печатки съ Адамовою головою, на лопатки и молоточки, въ видѣ брелоковъ; нося ихъ масса массо-

новъ все оставалась чающею окончательнаго раскрытія последняго слова загадки. Ложи въ рукахъ массоновъ должны были перестроить общество, а покаместь сближеніемъ въ ложахъ онѣ устраивали самихъ массоновъ; или для нѣкоторыхъ образовывались тѣ связи, которыя облегчали путь къ общественной карьерѣ и честолюбивые обращали менѣе дальнозоркихъ — въ слѣпыя орудія своихъ видовъ. Безъ усвоенія опытностью практической жизни, изъ книгъ вычитываемыя гипотезы превращались въ пестрый наборъ истинъ и софизмовъ, и во многихъ краснобаяхъ, ловкихъ *ораторахъ* побѣдителяхъ на словахъ, проявлялась та самонадѣянность, отъ которой было уже не далеко и до честолюбивыхъ замысловъ—стать преобразователями общественнаго строя. Сѣть тайныхъ обществъ растилалась по Европѣ; лава клокотала внутри сопки, и вотъ она разлилась въ видѣ грозной французской революціи, заключившей минувшее столѣтіе.

Бурю разбушевавшихся стихій могла укротить только мощная воля Наполеона; но слишкомъ крутъ былъ поворотъ, чтобы могло наступить совершенное затишье, даже и послѣ многолѣтнихъ кровопролитныхъ войнъ. Волненія продолжались, тѣмъ болѣе что подъ желѣзною рукою Наполеона родились новые тайные кружки, съ цѣлью освобожденія родины отъ его гнета, въ Италіи—карбонары, въ Германіи—множество союзовъ подъ фирмами разныхъ добродѣтелей; а колоссъ былъ опрокинутъ русскимъ народомъ, безъ всякихъ тайныхъ обществъ; въ Россіи идея была не искусственно привитая, но была собственностью народа, сознававшаго свою силу и необходимость освобожденія отъ пришлецовъ.

Италія имѣла тоже свою національность неискусственную, но своеобразную, тысячелѣтія прожившую, ограждаемую съ трехъ сторонъ моремъ и съ четвертой Альпами. Италія видѣла у себя иноземцевъ или завоевателями, пользовавшимися ея безсиліемъ, или путешественниками изучающими ея творенія. Послѣ вѣнскаго конгресса, весь развитой классъ жаждалъ соединенія и независимости; соединеніемъ Италіи онъ надѣялся на силу къ отстаиванію независимости, а съ независимостью онъ ожидалъ прежняго народнаго благосостоянія и богатства временъ италіанскихъ

республикъ. Въ Германіи люди науки тоже не были довольны, и съ каѳедръ университетовъ гейдельбергскаго, іенскаго, гессенскаго и вюрцбургскаго они изливали свое неудовольствіе на вѣнскій конгрессъ, устроившій нѣмцевъ, вовсе не такъ какъ надумался каждый изъ профессоровъ; они доказывали молодежи выводами, со временъ едва ли недопотопныхъ, что необходимъ совершенный переворотъ для возможнаго развитія народнаго благоденствія; да кромѣ того, по ихъ личному убѣжденію, въ профессорахъ университетовъ скрывались истинные понимающіе дѣло государственные люди, что упускали изъ виду государи Германіи, при выборѣ и назначеніяхъ своихъ министровъ. Въ университетахъ студенты были самые крайные революціонеры; но если профессоры всю свою жизнь оставались подъ обаяніемъ французской печати, то ихъ слушатели отъ истинной науки откидывали бредни, съ послѣднимъ прощальнымъ студенческимъ кутежомъ, возвращаясь въ среду того положительнаго, практическаго народа, который ровными шагами идетъ впередъ, медленно, но твердо. Не шумные восторги производили творенія Гейне въ Германіи. Нѣмцы смотрѣли на него какъ на своего, ими балуемаго, enfant terrible и, съ удовольствіемъ встрѣчая каждое новое его произведеніе, съ улыбкою спрашивали: «Was schwazt er wieder da? Смѣшивая стремленіе молодой Франціи съ сожалѣніями старой, масса населенія Германіи въ революціонныхъ выходкахъ французовъ, постоянно, не безъ нѣкотораго основанія, думала видѣть, что домогательство на владѣніе Рейномъ было постоянною въ нихъ заднею мыслью. Въ прирейнскихъ только провинціяхъ, сосѣдство Франціи приводило нѣсколько умы въ броженіе, да и тамъ общества болѣе походили на мирные клубы, гдѣ болѣе занимались разсужденіями о событіяхъ совершавшихся, нежели проектами для будущаго.

Франція при Людовикѣ Филиппѣ. Франція представляла другое зрѣлище. По возстановленіи Бурбоновъ, она успокоилась, но не на долго. Правительство, въ долгой разлукѣ съ страною, забыло, что великая нація — славолюбива и дорого цѣнитъ свое прошедшее. При Наполеонѣ, она вписала столь-

ко подвиговъ въ свою исторію; она такъ дорожила всякимъ памятникомъ своей славы, что она глубоко была оскорблена тѣмъ, что, послѣ постигшихъ бѣдствій, ее хотѣли даже лишить права гордиться тѣмъ, что въ столицахъ Европы развивались ея знамена. Легитимисты были до того ослѣплены, что хотѣли 1815 г. непосредственно придвинуть къ 1789; даже въ исторіи, преподаваемой дѣтямъ королевской фамиліи, Наполеонъ былъ названъ généralissime des armées de S. M. le roi Louis XVIII.

Легитимисты не хотѣли понять потребности идти впередъ и направлять далѣе развитіе XIX вѣка, а хотѣли оставаться съ положеніями и обычаями, какъ съ парадными кафтанами столѣтія, уже безвозвратно канувшаго въ вѣчность. Недовольныхъ во Франціи была не партія, но цѣлый слой общества; образовалось множество тайныхъ кружковъ, съ особенными оттѣнками своихъ цѣлей и своихъ домагательствъ, которыя преимущественно были по своему настроенію или республиканскіе, или бонапартистскіе. Оппозиція правительству была такъ велика, что партіи нерѣдко даже помогали другъ другу, и, сливаясь, составляли одно революціонное цѣлое, жаждущее общаго переворота. Много было честолюбцевъ домогавшихся выдти въ люди, которые пользовались этимъ расположеніемъ умовъ и работали въ тѣни, но человѣка, на высотѣ требованія времени, не было, и долгое время въ главѣ революціонеровъ стоялъ, вѣчно искавшій опоры и руководителя, тщеславный вѣтреный старикъ, съ головою созданною носить напудренный парикъ подъ фригійскимъ колпакомъ— пресловутый маркизъ Лафайетъ.

Давно корона искушала младшую линію Бурбоновъ, давно она подготовляла для себя путь къ престолу подземными интригами; Людовикъ Филиппъ наконецъ переѣхалъ въ Тюльери; но броженіе умовъ не затихло; осторожный до робости и расчетливый до скупости, Людовикъ Филиппъ навсегда остался въ разладѣ съ націею. Онъ или не понималъ ее, или не могъ до нея подняться; твердою рукою онъ не схватилъ бразды правленія, но въ безпрестанныхъ колебаніяхъ, королемъ французовъ какъ прежде герцогомъ орлеанскимъ,—онъ продолжалъ заискивать, когда было

онъ и долженъ дѣйствовать. Какой ореолъ могъ окружать его власть въ глазахъ французовъ, когда король лично для себя нуждался въ присяжныхъ адвокатахъ. Масса консерваторовъ его только берегла, но не уважала, король долго идя ощупью, наконецъ рискнулъ искать въ ней опоры.

Революціонеры не были довольны совершеннымъ ими переворотомъ въ 1830 году. Конституціонное правительство *короля французовъ* не удовольствовало республиканцевъ, а бонапартисты хотѣли Наполеона II, а не герцога орлеанскаго. Обѣ партіи усердно, въ связи, хлопотали произвести новую революцію, откладывая до позднѣйшаго времени разрѣшеніе вопроса — быть ли во Франціи Республикѣ или герцогу рейхсштадскому.

Польскіе выходцы, явясь во Францію примкнули сперва къ бонапартистамъ, которыми руководилъ генералъ Ламаркъ. Еще до мятежа 1830 г., тайныя общества Польши усердно поддерживали сношенія со всѣми тайными обществами Европы, дабы расположить общественное мнѣніе къ польскому дѣлу. Самые надежные пути—были сношенія между боевыми товарищами, старыми Наполеоновцами Франціи и Польши. Бонапартисты близко принимали къ сердцу дѣло поляковъ, вліяли на всю революціонную партію вообще, что въ 1831 г. уже нѣсколько и обнаружилось [1]).

---

1) Лафайетъ 21 апрѣля 1831 году, между прочимъ, писалъ Лелевелю изъ Парижа въ Варшаву: «Давно ищу я случая благодарить Васъ за всѣ письма, которыми Вы меня почтили, и которыя я вполнѣ оцѣниваю. Участіе столь важное и столь значительное, которое вы лично принимали въ вашей дивной революціи внушило мнѣ тѣ чувства къ вамъ, при которыхъ я только съ великою радостью могъ получить заявленія вашей ко мнѣ довѣренности и вашего уваженія; увѣряю васъ, что они взаимны и я дозволяю себѣ надѣяться, что вы отвѣтите мнѣ тою же дружбою, которую я отъ полнаго сердца возимѣлъ къ вамъ.

Смѣлость и настойчивость вашего гражданскаго самоотверженія, слава вашихъ неимовѣрныхъ военныхъ подвиговъ исполнили вселенную удивленіемъ и уваженіемъ къ полякамъ. Съ перваго дня симпатіи Франціи вамъ принадлежали, но вы завоевали симпатіи всѣхъ націй; вы деретесь за независимость и цивилизацію Европы. Мое усердіе къ вамъ еще болѣе увеличивается отъ тѣхъ сообщеній, которыя вы мнѣ довѣрили въ вашемъ письмѣ отъ 27 февраля.

Варшавскіе клубисты [1]) тоже заискивали связи съ французскими революціонерами [2]).

Лафайетъ учредилъ во Франціи общество друзей поляковъ (les amis des Polonais), коего дѣятельность была направляема *центральнымъ французскимъ комитетомъ;* рядомъ съ нимъ существовало *общество цивилизаціи,* тоже содѣйствующее польскимъ замысламъ, управляемое своимъ комитетомъ, наконецъ и общество *католическаго агенства* принимало участіе въ мятежѣ поляковъ.

Комитетъ Лафайета затѣвалъ, во время мятежа 1831 года, экспедицію въ Литву. При содѣйствіи общества цивилизаціи, онъ собралъ подпискою до 400,000 франковъ, но деньги поступали медленно, экспедиція не удалась, приготовленное оружіе осталось на храненіи въ Белгіи до востребованія, а остальныя деньги поступили уже по усмиренію самого мятежа.

Всѣ общества, принимавшія участіе въ польскомъ мятежѣ, неоднократно во время борьбы представляли французскому правительству просьбы о вооруженномъ вмѣшательствѣ. Аббатъ Афръ, въ послѣдствіи архіепископъ парижскій, членъ католическаго агенства, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ходатаевъ за поляковъ.

Не многіе изъ выходцевъ искали службою или трудами упрочить средства къ своему существованію за границею; большинство жило или предусмотрительно спасеннымъ своимъ состояніемъ, или субсидіями заграничныхъ правительствъ, помощью добытою у западнаго милосердія и обильно—высылаемыми изъ края поддержками туземцевъ. Ведя жизнь праздную, они имѣли довольно досуга для того, чтобы предаваться разнымъ несбыточнымъ мечтамъ и проэктамъ и спеціальнымъ своимъ занятіемъ сдѣлали повсемѣстную поддержку всякихъ революціонныхъ волненій.

---

1) Члены демократическаго клуба подъ предсѣдательствомъ *Лелевеля* въ Варшавѣ,—источникъ всѣхъ интригъ и раздоровъ, бывшихъ тамъ въ теченіи всего мятежа 1831 года.

2) Его Члены были Лафайетъ, Даніэль, Сентъ-Антуанъ, Мангаръ, Бертенъ, Шартенъ, де Сулиньянъ и Жюльенъ.

Революціонныя тайныя общества въ Европѣ получили въ польскихъ эмигрантахъ сильное подспорье,—ихъ числительностью, ревностью, эксцентричностью и фанатизмомъ.

Эмиграція. Трезвономъ велерѣчивыхъ фразъ польская эмиграція болѣе тридцати лѣтъ расшевеливала умы, взывала за сочувствіемъ и развязывала кошельки своихъ туземныхъ земляковъ. Съ увлеченіемъ и легковѣріемъ поляки, жившіе въ Царствѣ и по областямъ бывшей рѣчи посполитой, прислушивались къ искусительнымъ рѣчамъ, и пособіями всякаго рода, пожертвованіями, складчинами и постояннымп взносами поддерживали эмиграцію, которая наконецъ и привела ихъ къ мятежу 1863 г. Тридцать лѣтъ польская нація самовольно наклеивала на себя этотъ ядовитый пластырь, который высасывалъ ея силы и соки и въ замѣнъ того заражалъ все тѣло. Тридцать лѣтъ эмиграція руководила поляковъ во всѣхъ тѣхъ выходкахъ, за которыми слѣдовали тяжкія бѣдствія — галиційская рѣзня, казни эмиссаровъ, ссылки и заключенія соприкосновенныхъ виновныхъ, наконецъ всѣ плачевныя слѣдствія мятежей и революцій. Невольно рождается вопросъ: нынѣ послѣ сильнаго новаго урока 1863 года, когда взаимная злоба партій эмиграціи и правительственныя слѣдственныя коммисіи раскрыли большею частью всѣ происки, интриги, алчность, раздоры и зависть эмигрантовъ, станутъ ли поляки благоразумно изслѣдовать сущность звонкихъ словъ, сблизятъ ли они ихъ съ послѣдствіями, взвѣсятъ ли тридцатилѣтніе совѣты и обѣщанія съ совершившимися событіями, поймутъ ли они чужой обманъ своекорыстныхъ честолюбцевъ и собственное самообольщеніе,—наконецъ, въ польскомъ обществѣ возметъ ли постепенно перевѣсъ голосъ меньшинства истинныхъ патріотовъ, а у сихъ послѣднихъ достанетъ ли на столько гражданскаго мужества, чтобы убѣдить большинство, что послѣ столѣтнихъ попытокъ, пора понять—что нельзя вѣчно идти противу теченія, пора понять—что всѣ кудрявые и размашистые планы—одни воздушные замки,—однѣ коварныя мечты, пора понять—что вся работа, основанная на лицемѣріи, лжи и обманѣ есть зданіе, возводимое на пескѣ, и что для блага будущихъ поколѣній, пора искренно имъ соединиться

съ Россіею, гордиться тѣмъ что «слились въ славянскомъ морѣ» съ народомъ, который смѣло говоритъ:

«Иль намъ съ Европой спорить ново?»

Въ этой массѣ полуофиціяльныхъ и тайныхъ печатанныхъ, литографированныхъ и писанныхъ документовъ, относящихся до польской эмиграціи, которые событіями послѣдняго мятежа обратились въ историческіе документы,—находятся обильныя данныя, обрисовывающія какъ лицевую ея сторону, такъ и изнанку. На первой высокопарные отчеты засѣданій, ярыя воззванія, съ гонкою за эффектами, доктринальные софизмы, расточеніе всякаго рода лжи и обмановъ, усилія распалить воображеніе, потемнить понятія и-прикрытіе всего этого ярко блестящими декораціями, а по временамъ отвратительнымъ цинизмомъ. Таковъ характеръ литературныхъ произведеній польской эмиграціи!

А рядомъ съ ними—произведенія другаго рода, рисующія дѣйствительную жизнь польской эмиграціи, лѣтописные труды совершившихся событій, переписка изъ житейскаго ея обихода, свѣдѣнія, сообщаемыя личностями, участвовавшими въ этой сложной, подземной затаенной работѣ. Точно на ярмарку тщеславія прибывшая многочисленная странствующая труппа, которая яркими красками подновляетъ вѣтхія картонныя кулисы и которой актеры въ тоже время ссорятся изъ за ролей Цезарей, Катилинъ, Цицероновъ, Брутовъ, Дантоновъ, Рабеспьеровъ, Талейрановъ, Косцюшекъ, Домбровскихъ, Гарибальди и т. д. и т. д., и сводя героевъ всѣхъ столѣтій, какъ въ балаганной пьесѣ «chansons populaires de la France,—хотятъ чтобы площадный водевиль обратился въ классическій chef d'oeuvre.

Всѣ партіи, раздиравшія Польшу во время мятежа своими раздорами, явились за границею, и воспѣвая: «еще Польска не сгинела», продолжали прежнюю дѣятельность. Эта дѣятельность по прежнему представляетъ постоянно двѣ рядомъ идущія работы: одна—взаимная борьба между партіями, другая—затѣи къ достиженію независимости Польши.

„Каждая нація, писала самодовольно польская эмиграція предъ послѣднимъ мятежемъ, имѣетъ свой типъ, по кото-

рому можно угадать самые тайные закоулки основной ея мысли. Свободная нація является міру со всѣми органами своего быта, полностью своей жизни,—нація же угнетаемая—вооружёнными манифестаціями, мятежами или выдѣломъ отъ себя части своихъ сограждань, которые должны связывать ея внѣшнія сношенія съ внутренними. Таковы были барская конфедерація, возстаніе Косцюшки, польскіе легіоны, заговоры послѣ 1815 года, наконецъ эмиграція послѣ 1831. Исключить эмиграцію изъ историческихъ событій это значило бы тоже что съ 1831 года Польшу признать политически умершею".

„Сеймъ 4 Марта 1831 года постановилъ равнозаконность своихъ рѣшеній независимо отъ мѣста засѣданій. Если магнаты, по своему малодушію, въ этомъ декретѣ видѣли уловку, чтобы укладывать свои чемоданы при всякихъ неуспѣхахъ на театрѣ войны или волненіяхъ въ Варшавѣ, то мы—подпрапорщики, студенты, офицеры, чиновники, выборные члены сейма, журналисты, члены клубовъ, члены національнаго правительства предпочли покорности Россіи удаленіе за границу, дабы подобно Косцюшко и Домбровскому, быть представителями польскаго дѣла за границею. Французская эмиграція имѣла цѣлью возстановленіе законной династіи, испанская поддержку претендента, италіянская революціонное начало; польская же эмиграція,—это національный ковчегъ, въ который Провидѣніе собрало всѣ касты, всѣ сословія, со всѣхъ областей соединило элементы, всѣ чувства, всѣ мысли, чтобы отъ крушенія спасти народъ, предназначенный къ великимъ подвигамъ для себя самого и для всего человѣчества. „Репутація личностей, которыя ее составили, ихъ значеніе въ общественномъ мнѣніи для интересовъ Европы, съ самаго начала воздвигли для польской эмиграціи незыблемый политическій пьедесталъ."

„Она, ставъ на этотъ пьедесталъ, настойчивою работою и самопожертвованіями всякого рода, мало того что проникла тайныя пружины народнаго богатства достигаемаго путемъ промышленности и торговли, и условія общественнаго изобилія изученіемъ и изслѣдованіями общественнаго устройства разныхъ государствъ,—но она дошла до новаго познанія истиннаго соціальнаго порядка. Эмиграція цѣлымъ рядомъ совершенныхъ ею дѣлъ и ея усилій, стала изображеніемъ полной свободы дѣйствій и мысли, которая подлежитъ отвѣтственности только предъ Создателемъ и собственною совѣстью. Эмиграція себя выработала трудами и самопожертвованіями, и она, въ своей средѣ, въ прахъ разбила всякій антагонизмъ".

„Дѣянія эмиграціи представляютъ изумительное цѣлое чудныхъ примѣровъ возвышенности чувствъ и солидарности цѣли. Всѣ экспедиціи эмиграціи въ Португалію, Савоію, алжиръ, Египетъ, Турцію, Италію, героическая мысль возстанія 1846 года, ея дѣятельность, наэлектризированная надеждою служить національному дѣлу въ революціяхъ 1848 г. и въ послѣдней крым-

ской войнѣ,—развѣ не доказали міру сколько ей чужды всякіе эгоистическіе виды и всякіе личные своекорыстные расчеты? Польская эмиграція всегда протестовала противъ всякой лжи и увлеченій, противъ всякихъ правъ, которыя достигаются рожденіемъ,—противъ домогательствъ монополій и богатства, которыя стремятся къ тому, чтобы половина человѣчества утопала въ роскоши, а другая была въ нищенствѣ потому только, что слѣпому случаю такъ было угодно. Сравнимъ эмиграцію въ ея началѣ и нынѣ (въ 1862 году,—какой колоссальный прогрессъ! Права сословій, оцѣнка человѣка по его роду, а не по его заслугамъ, исчезли: простой солдатъ и простой крестьянинъ становятся равно дворянами, а дворянинъ ровно ничѣмъ, если только его не возвысятъ способности. Люди изъ среды такъ называемой сволочи становятся представителями націи, и если не могли рѣчью имъ незнакомою то по крайней мѣрѣ жестами, они передавали иностранцамъ—благородные подвиги польскихъ героевъ и варварства врага. Бѣдный работникъ, нѣкогда обреченный всю жизнь возиться съ топоромъ и съ сохою, садится нынѣ на одну ученическую лавку съ сыновьями знаменитѣйшихъ фамилій, и вмѣстѣ съ ними совершенствуется въ наукахъ и художествахъ. Одни пошли впередъ, другіе отстали; но тщетный былъ бы трудъ, при общемъ равенствѣ, искать нынѣ того малѣйшаго оттѣнка между польскими эмигрантами, которымъ кто либо былъ бы обязанъ древнимъ пергаментамъ. Нынѣ въ эмиграціи не спрашиваютъ: кто были твои предки, но какія личныя твои достоинства, что ты сдѣлалъ для отечества? Откуда же привился этотъ характеръ эмиграціи? отвѣчаемъ: онъ привился неутомимою работою и безпредѣльнымъ самоотверженіемъ. Политическая неусыпная борьба-доставить соотечественникамъ ихъ національную независимость—-такова высокая цѣль польской эмиграціи",

Въ какую злую насмѣшку обращаются эта мечты и самохвальство, когда разсмотримъ матеріялы другаго рода, относящіеся къ самимъ дѣламъ. Вмѣсто самопожертвованій, согласія, единства, любви къ родинѣ, усиленныхъ работъ къ благоденствію соотчичей, готовности личныя преимущества и достояніе принести на алтарь родины, встрѣчаемъ только вражду къ Россіи, раздоръ партій, гонку за титулами, состояніемъ, вліяніемъ выходцевъ, интриги, козни, своекорыстные расчеты эгоизма, предательства, словомъ весь сумбуръ, который погубилъ рѣчь посполитую. Сведемъ по возможности въ краткій очеркъ послѣдовательную дѣятельность польской эмиграціи, столь вліявшую на польскія событія.

Польскіе выходцы преимущественно направлялись во Францію. Къ концу года, въ одномъ Парижѣ, было 80 человѣкъ быв-

шихъ депутатовъ, сенаторовъ, журналистовъ; а во всей Франціи къ 1 января 1832 г. уже насчитывалось 2828 поляковъ.

Депо были въ Парижѣ, Авиньонѣ, Безансонѣ, Буржѣ, Шатофу, Люкелѣ, Поа и Лонъ ле Солніе.

Польскія депо 1832 г. Людовикъ Филиппъ, не желая имѣть всю эту многочисленную компанію безпокойныхъ умовъ въ Парижѣ, въ которыхъ тамъ и безъ нихъ въ то время не было недостатка, назначилъ еще кромѣ Парижа семь городовъ, для пребыванія эмигрантовъ, въ которыхъ были устроены такъ называемыя польскія депо, и отъ французскаго правительства было ассигновано постоянное имъ пособіе въ 2 милліона франковъ [1]).

Поляки положительно не любятъ дѣйствительнаго міра. Нѣкогда римляне провозгласили «Римъ тамъ, гдѣ римскій сенатъ,»— вовсе не собираясь назначить мѣстомъ сбора сенаторамъ, во владѣніяхъ независимаго царя понтійскаго; поляки же твердо рѣшились держаться за декларацію сейма 4 марта 1831.

Убѣжденные, что постановленія польскихъ сеймовъ, сеймиковъ, комитетовъ и конфедарацій сколько для самихъ поляковъ необязательны, столько должны имѣть полную законную силу въ глазахъ всѣхъ европейскихъ правительствъ, — они за границею продолжали играть „*въ правительство*“ и оттуда дѣлать свои распоряженія къ возстановленію и возобновленію Польши. Впрочемъ еще Домбровскій въ 1794 году, послѣ разбитія Косцюшки, нашелъ, по страннымъ своего рода военнымъ соображеніямъ, самымъ практическимъ средствомъ для дальнѣйшей защиты отечества,—очистить Польшу и съ остатками польскихъ войскъ перебраться во Францію; подобно тому и послѣдній польскій сеймъ, основываясь на рѣшеніи своего засѣданія 4-го марта въ Варшавѣ оставивъ страну, сталъ устраивается въ Парижѣ, для принятія дальнѣйшихъ правительственныхъ мѣръ.

Польскій Комитетъ. *Бонавентури Немоіевскій*, добивавшійся въ теченіи всего мятежа 1831 года высшаго мѣста революціоннаго правительства, въ ночь на 27 авгу-

1) Наибольшее было для генераловъ въ мѣсяцъ по 300 фр., наименьшее было для солдатъ служащихъ при офицерахъ, по 22 фр.

ста, во время очищенія уже Варшавы польскими войсками, наконецъ попалъ въ президенты и въ этомъ качествѣ 6 ноября 1831 года, возстановилъ, изъ прибывшихъ къ тому времени членовъ, польское правительство, изъ пяти лицъ: *себя*, *Лелевеля*, *Федора Моравскаго*, *Воловскаго* и *Тимовскаго*. Пенересенное на французскую почву это новое правительственное учрежденіе, дабы не затронуть французскую щекотливость, приняло скромное имя польскаго комитета.

Польскій комитетъ занялся сначала судьбою выходцевъ, протоколомъ перваго своего засѣданія положилъ оказывать имъ всякое пособіе, облегчить имъ сношенія съ разными сочувствующими французскими обществами и ходатайствовать объ нихъ у правительства *Людовика Филиппа*.

Польскій національный Комитетъ. Лелевель принялся за прежнія интриги, въ Парижъ прибывали новые выходцы; посвященные имъ въ дѣйствія польскаго комитета, вновь прибывшіе осуждали его дѣйствія, его членовъ упрекали въ робости, въ излишнемъ смиреніи, порицали ихъ, что они роняютъ въ глазахъ самихъ французовъ значеніе польской національности, не умѣя пользоваться шаткимъ положеніемъ французскаго правительства. Кончилось тѣмъ, что польскій комитетъ Бонавентуры *Немоіевскаго* палъ, просуществовавъ едва мѣсяцъ: 8-го декабря составился новый комитетъ, принявшій названіе *Національнаго польскаго комитета;* изъ прежнихъ членовъ въ немъ остался только одинъ *Лелевель*.

Избранные члены были *Лелевель*, *Звѣрковскій*, *Ходзько*, *Солтыкъ*, *Питкевичь*, *Хуль вичь*, *Крейцеръ*, *Гуровскій* и *Кремповецкій*. Комитетъ помѣстился въ улицѣ Годо де Моруа № 26.

Національный комитетъ началъ дѣйствовать гораздо съ большею смѣлостью; онъ положилъ что Европа должна формально заявить Россіи о своей интервенціи въ пользу Польши, что выходцы составляютъ особую конгрегацію, которая принимаетъ названіе *польской эмиграціи*, и что дѣятельность всѣхъ ея членовъ должна сосредоточиваться въ національномъ польскомъ комитетѣ Парижа. Для этой цѣли изъ Парижа были высланы агенты по всѣмъ депо, для образованія въ каждомъ особаго со-

вѣта; всѣ совѣты должны были сноситься съ парижскимъ комитетомъ.

Князь Чарторыйскій. Въ тоже время въ Парижѣ пріютились люди другой партіи, которые вовсе не намѣревались подчиняться національному комитету, а напротивъ хотѣли сами подчинить своему вліянію и его и всю эмиграцію.

Князь *Чарторыйскій*, послѣ разгрома мятежа прибылъ въ Парижъ. 1831 годъ сдѣлалъ огромную брешь въ той популярности, которою князь прежде пользовался въ массѣ польскаго общества. Когда бѣдствія слѣдуютъ за неблагоразумными затѣями, то, по древнему обычаю шляхетства, одна партія называетъ другую предателями *ойчизны* и измѣнниками и одна на другую сваливаетъ причину неудачъ. Лишь только, послѣ внезапно—вспыхнувшаго мятежа, по нормальному, относительному положенію силъ Россіи и Польши, успѣхи утверждались за русскимъ оружіемъ, вся ярость клубистовъ въ Варшавѣ, обратилась на аристократическую партію, и особенно на ея главу—князя *Чарторыйскаго*. Событіями $^{15}/_{3}$ Августа и бѣгствомъ въ лагерь *Скржинецкаго*, лишенный дальнѣйшаго участія въ революціонномъ правительствѣ, князь *Чарторыйскій* сталъ въ Парижѣ опять лицемъ къ лицу съ враждебными ему клубистами, которые не переставали взваливать на плечи его и его приверженцевъ претерпѣнныя пораженія и бѣдствія. Не отвѣчая съ своей высоты на возгласы горланившихъ противниковъ, князь *Чарторыйскій* мало по малу началъ розыгрывать роль развѣнчаннаго короля. Благодаря благоразумной его предусмотрительности, огромное его состояніе не понесло большаго ущерба,— за нимъ остались его галиційскія помѣстья, капиталы заблаговременно были переведены за границу, и еврей *Бреза* успѣшно перевезъ въ Парижъ драгоцѣнности, оставленныя закопанными въ Пулавахъ.

Князь *Чарторійскій* въ Rue St. Louis en Ile въ Парижѣ купилъ, впослѣдствіи, великолѣпный отель Ламберъ. Выходцы, магнаты Польши, спасшіе послѣ крушенія свое состояніе, или разорившіеся, составляли дворъ князя; семейныя связи, пышные пріемы, открытые утонченные обѣды и разныя поддержки удовлетворяли и національной гордости и національному тщеславію, и

въ усердныхъ приверженцахъ, готовыхъ составить его партію недостатка не было.

Въ тоже время вырывалъ онъ изъ рукъ клубистовъ множество выходцевъ, на устахъ которыхъ замирали повторенія ярыхъ, направляемыхъ противъ него порицаній. Онъ нашелъ вѣрное средство, отъ котораго рѣдѣли враждебные ему ряды: указывая на новыя средства къ возстановленію Польши, въ дальнемъ будущемъ, онъ многимъ зажималъ ротъ своими заботами въ настоящемъ объ эмигрантахъ; своими связями и средствами, къ вящшей злобѣ и зависти противниковъ, *Чарторыйскій* существенно облегчалъ гораздо болѣе участь выходцевъ, чѣмъ всѣ псевдооффиціяльные правительственные комитеты, которые оффиціальными путями обращались къ разнымъ управленіямъ казеннымъ и частнымъ. Онъ тотчасъ озаботился дать средства къ образованію дѣтей, закинутыхъ на чужбину, польстилъ господствующимъ чувствамъ родителей, давъ образованію не только чисто польское направленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ подготовляющее къ будущей борьбѣ. Князь *Чарторыйскій*, начавъ съ ложнаго пути свою политическую дѣятельность въ западной Россіи, шелъ по этому пути до конца, извращая понятія юношества, и льстя страстямъ въ настоящемъ; новымъ поколѣніямъ дорогою цѣною пришлось за тѣ расплачиваться въ будущемъ.

Графы *Замойскіе*, *Платеры*, *Ледуховскій*, *Малаховскій*, *Олизаръ*, *Моравскіе*, *Баржиковскій*, *Княжевичь* и генералы *Денбинскій*, *Хржановскій* и многіе другіе составили зерно аристократической партіи эмиграціи, которая, руководимая княземъ *Адамомъ*, работала на своей особенной почвѣ. Состоя изъ личностей болѣе образованныхъ, подготовленныхъ къ обращенію въ высшихъ слояхъ общества, болѣе знакомыхъ съ политическими дѣлами, болѣе способныхъ слѣдить за ходомъ событій и ихъ оцѣнивать,— эта партія шла своимъ путемъ, болѣе или менѣе въ разныя времена вліяла на остальную эмиграцію и вмѣстѣ съ нею привела къ мятежу 1863 года.

1832 годъ былъ тягостнымъ для *Людовика Филиппа*. Революціонная партія до того усилилась, что съ каждымъ днемъ

утверждалось мнѣніе о близкомъ низверженіи конституціонной монархіи короля французовъ.

Эмиграція примыкаетъ къ революціонерамъ. Польскій національный комитетъ, организируя эмиграцію, вошелъ немедленно въ ближайшія спошенія съ тѣми коноводами такъ называемой революціонной партіи Франціи, которые засѣдали въ ея камерахъ: *Лафайэтомъ*, *Ламаркомъ*, *Гарнье Пажесомъ* и *Мангеномъ*. Польскіе эмигранты, не колеблясь, приступили къ участію въ заговорахъ противъ правительства, которое дало имъ пріютъ. Сперва они примкнули къ бонапартистамъ, которыхъ руководители были *Ламаркъ*, *Эксельманъ*, *Бертанъ*, *Тьеръ*, *Лаллеманъ*, *Водрей* и друг. Безпокойная дѣятельность поляковъ была такъ велика, что опа обратила па себя особое вниманіе полиціи; министерство видѣло необходимость принять противъ безпокойныхъ гостей какія либо рѣшительныя мѣры.

Законъ 9 апрѣля. Поляки никогда не упускаютъ случаевъ окольными путями слѣдить за правительственными распоряженіями. Негодованіе, гнѣвъ и бѣшенство были страшныя при громовой вѣсти, что слабое, по ихъ мнѣнію, министерство, въ столь ими прославляемой свободной Франціи, составило проэктъ закона, для внесенія на утвержденіе палатъ, по которому эмигранты передаются въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ и отдаются подъ надзоръ полиціи, т. е., что они должны проживать въ мѣстахъ имъ указанныхъ и отлучаться не иначе, какъ съ разрѣшенія полиціи, а дабы она могла слѣдить за точнымъ исполненіемъ закона, то каждый выходецъ обязанъ еженедѣльно являться въ полицейскую префектуру для заявленія своей личности. Франція, за свои субсидіи, хотѣла по крайней мѣрѣ, чтобы незванные гости не могли нарушать ея спокойствія, разъѣзжая по Франціи праздными агентами заговоровъ и творцами мятежей.

Законъ уязвлялъ національное тщеславіе эмигрантовъ и перечилъ ихъ замысламъ. На совѣщаніи 5 апрѣля, между членами національнаго польскаго комитета и членами оппозиціи французскихъ камеръ, было рѣшено всѣми присутствующими, въ томъ числѣ 27-ю французами депутатами, энергически протестовать противъ этого, столь обиднаго для поляковъ, зако-

на и воспрепятствовать его утвержденію; одинъ только *де Садъ* предложилъ требовать, чтобы дѣйствіе закона было отсрочено на годъ, въ полной увѣренности, что въ теченіи этого года революціонная партія порѣшитъ съ властью Людовика Филиппа.

Не смотря на бурное засѣданіе палаты французскихъ депутатовъ 9 апрѣля, не смотря на пламенныя рѣчи *Лафайета, Ламарка, Гарнье Пажеса и Мангена*, изображавшія несправедливость и стѣсненіе для польскихъ выходцевъ предлагаемаго закона, онъ былъ принятъ; оставалось для его утвержденія согласіе палаты перовъ. Тогда нѣкоторые изъ бывшихъ въ Парижѣ членовъ прежняго сейма представителями польской эмиграціи за общею подписью *) обратились (17 апрѣля) къ каждому изъ перовъ Франціи съ просьбою не одобрять закона.

(*) Подписали (по алфавитному порядку) Антоній *Хлусневичь*, Адамъ *Колышко*, Янъ *Ледуховскій*, Іоакимъ *Лелевель*, Ѳедоръ *Моравскій*, Цезарь *Платеръ*, Владиславъ *Платеръ*, Антоній *Пршецишевскій*, Родольфъ *Вѣшсицкій*, Францискъ *Воловскій*, Іосифъ *Зенковичь*. Вотъ главные мотивы этого письмо:

„Г. Перъ! Польскіе выходцы, читаемъ мы между прочимъ въ этомъ письмѣ, заброшенные на французскую землю, съ прискорбіемъ узнали что камера депутатовъ приняла въ своемъ засѣданіи 9 Апрѣля законъ, который не только уничтожаетъ ихъ надежду на спокойствіе и безопасность, но который уязвляетъ ихъ въ чувствѣ національнаго достоинства, предоставляя ихъ надзору и произволу полиціи. Обращаемся къ интервенціи благородной палаты, которая гордится, считая васъ, милостивый государь въ составѣ своихъ членовъ“.

„Законъ былъ утвержденъ въ камерѣ депутатовъ, слабымъ большинствомъ, составленнымъ изъ трети членовъ, имѣющихъ право утверждать законъ, но палата никогда не можетъ справедливымъ и истиннымъ сдѣлать то, что несправедливо и не истинно. Всякій человѣкъ съ сердцемъ пойметъ, что министерское предложеніе не только не политично, но что оно нарушаетъ то уваженіе, на которое всегда имѣютъ право, справедливость и несчастіе, отдавая самовластію полиціи изгнанниковъ, жертвъ ими незаслуженныхъ бѣдствій“.

„Тщетно министерскіе ораторы намекаютъ на необходимую предусмотрительность правительства, дабы изгнанники не поддерживали безпокойные умы, желающіе войны, которая одна можетъ возвратить выходцамъ ихъ отечество; но развѣ старцы и люди науки, да жаждущіе быть включенными въ легіонъ, военные, могутъ внушать какія либо опасенія“?

Но потраченное въ этомъ письмѣ краснорѣчіе не принесло пользы; законъ былъ утвержденъ, и, къ большему еще гнѣву эмиграціи, полиція, можетъ быть, особенно досадовавшая на безпокойныхъ поляковъ, относительно ихъ однихъ особенно была строга и взыскательна.

Парижъ центръ совѣщаній революціонеровъ. Парижъ былъ узломъ въ которомъ путемъ масонскихъ ложъ, сходились всѣ нити тайныхъ европейскихъ революціонныхъ обществъ. Онъ сдѣлался центромъ молодой Европы; тамъ собирались и совѣщались главы революціонныхъ партій молодой Франціи, молодой Германіи, молодой Италіи и старой Польши; тамъ обсуждались средства общею революціею, такъ называемою революціонерами, солидарностью всѣхъ европейскихъ народовъ, доставить торжество демократической партіи; тамъ наконецъ, жилъ весьма немногимъ извѣстный старикъ, товарищъ дѣтства Наполеона, патріархъ карбонаровъ, *Буонарротти*, который содержалъ себя уроками музыки и былъ могучимъ двигателемъ революціонеровъ. Руководимый многолѣтнею опытностью, онъ соображалъ разныя комбинаціи для тайныхъ союзовъ, кото-

---

„Революціонные законы не могутъ имѣть мѣста при правительствѣ законномъ и конституціонномъ. Министерскій проэктъ своей порочной редакціею можетъ имѣть другую ненавистную (odieux) цѣль. Предлагаемымъ закономъ, онъ хочетъ подѣйствовать на выходцевъ при выборѣ подчиненія ему или опасенія быть вывезеннымъ изъ Франціи‘.

„Такова можетъ быть скрытая цѣль и затаенное намѣреніе, внушенное требованіями нашихъ злѣйшихъ враговъ—мы ясно видимъ что только противъ поляковъ новый законъ былъ направленъ; патріоты Италіи, Португаліи и Испаніи двадцать мѣсяцевъ спокойно проживали и пользовались французскимъ гостепріимствомъ, и только прибытіе поляковъ вызвало подобныя стѣсненія“.

„Господинъ Перъ, вы засѣдаете въ Палатѣ, которая въ средѣ своей заключаетъ цвѣтъ народной славы, вы не можете остаться равнодушными къ чувствамъ чести и великодушія вашей націи“.

Многое еще написано въ этомъ письмѣ, напоминается о гостепріимствѣ, оказываемомъ прежде французамъ въ Польшѣ, о взаимныхъ чувствахъ любви, привязанности и симпатіи Франціи и Польши.

рые, составивъ многочисленное общество, были бы послушнымъ и поворотливымъ орудіемъ въ рукахъ коноводовъ, и, незнакомые между собою, представляли бы безопасность отъ общаго раскрытія всей подземной работы, при случайномъ раскрытіи какой либо его части. Въ Парижѣ создавались планы для общихъ дѣйствій, которыя взаимною поддержкою должны были, по мнѣнію честолюбивыхъ строителей воздушныхъ замковъ, поставить ихъ въ главѣ народовъ. *Лелевели, Мадзини, Кавеньяки*, въ кабинетѣ *Лафайета*, передѣлывали человѣческія общества и, каждый про себя, создавалъ для себя роль *Бонапарта*, въ новомъ исправленномъ изданіи, согласно личнымъ мнѣніямъ и влеченіямъ каждаго. Старый *Лафайетъ* восторгался и проливалъ слезы умиленія, а старый *Буонарроти*, патріархъ тайныхъ обществъ, проповѣдывалъ осторожность и придумывалъ преисподнѣйшія системы для удачи заговоровъ.

Глава карбонаровъ, верховный руководитель таинственной ихъ дѣятельности, *Буонарроти* не довѣрялъ, чтобы тѣ оппозиціонныя правительству партіи могли достигать цѣли, которыя открыто ведутъ свои пренія и печатаютъ имена своихъ руководителей. Только тѣ общества, по его мнѣнію, могутъ разсчитывать на успѣхъ, которыя работаютъ скрыто, и даже если существованіе самаго общества не безъизвѣстно правительству, то по крайней мѣрѣ, оно должно быть направляемо руководителями, облеченными въ непроницаемую тайну.

Бунтъ въ Парижѣ 6 іюня. Смерть генерала *Ламарка* не остановила революціонныхъ дѣйствій, напротивъ мятежъ на улицахъ Парижа, при похоронахъ этого генерала 6 іюня, и пораженіе революціонеровъ еще болѣе наэлектризировали ихъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ; они спѣшили доказать, что дѣло ихъ не проиграно. Дѣятельнымъ участіемъ къ возбужденію кровопролитій 6 іюня, поляки оказали имъ особенную услугу; надо было дорожить этимъ союзникомъ, поощрить и наградить его, и представители оппозиціи, члены камеръ, самыми буйными рѣчами, на первыхъ послѣдовавшихъ засѣданіяхъ, снова потребовали отмѣны закона 9 апрѣля.

Съ своей стороны и эмиграція видѣла слабость власти Людовика Филиппа, въ колебаніяхъ и полумѣрахъ правительства, даже и послѣ одержанной на улицахъ Парижа побѣды, и она, тѣмъ съ большею настойчивостью готова была содѣйствовать государственному перевороту во Франціи. *Солтыкъ* въ іюлѣ 1832 года отправился въ депо въ Шаторо, и тамъ со всѣми бывшими офицерами польскихъ войскъ заключилъ формальную конвенцію, по которой эмиграція обязывалась помогать и въ назначенный часъ заявить себя за партію демократическую-бонапартическую. Конвенція была подписана въ замкѣ Лолу генерала Бетрана.

Кончина герцога Рейхштатскаго была ударомъ для партіи Бонапартистовъ; она должна была уступить первенство партіи республиканцевъ. Это обстоятельство не осталось безъ вліянія на эмиграцію и измѣнило ходъ его дѣятельности.

Національный центральный комитетъ. Съ уменьшеніемъ значенія бонапартистской партіи, поляки военные видѣли необходимость озаботиться о большей собственной самостоятельности. Польскіе генералы и офицеры находили что въ польскомъ комитетѣ военное сословіе не имѣетъ достаточно представителей и требовали новаго избранія; совѣтъ парижскаго депо тоже неохотно подчинялся бывшему центральному комитету. Вслѣдствіе разлада и неудовольствій, 25 октября 1832 года образовался новый комитетъ подъ названіемъ *національнаго и центральнаго комитета польской эмиграціи;* его предсѣдателемъ былъ генералъ *Дверницкій*, а въ составъ вошли прежде бывшіе члены сейма: *Моравскій, Ледуховскій, Воловской, Еловицкій, Звѣрковскій*, и неизбѣжный *Лелевель*, генералы *Уминскій и Сѣравскій* и журналисты *Плихта, Губбе и Ворцель.*

Князь *Чарторыйскій* наружно держалъ себя далеко отъ всѣхъ продѣлокъ эмигрантовъ и опасался ихъ выходокъ; онъ всячески старался найдти имъ какое либо боевое занятіе въ междуусобіяхъ Португаліи и Испаніи, въ Алжирѣ или Египтѣ, или по крайней мѣрѣ сформированіемъ строго дисциплинированнаго польскаго легіона, изъ выходцевъ бывшихъ военныхъ, въ составѣ французскихъ войскъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опасался, чтобы въ

случаѣ разлива революціоннаго пожара, готоваго вспыхнуть во Франціи, ему не остаться въ сторонѣ; онъ назначилъ потому съ своей стороны личности, которыя сблизились съ французскими партіями, готовящими государственный переворотъ. Графы *Платеры* и *Княжевичъ*, къ которымъ присталъ бывшій маршалъ послѣдняго сейма графъ *Островскій*, не только вошли въ сношенія съ главными коноводами, друзьями *Лафайета*, но даже съ второстепенными дѣятелями *Вожеръ*, *Аржансономъ*, *Маркизомъ Пюирово*, *Виконтомъ Корменекомъ* и друг.

Дѣятельность новаго комитета. Подобно тому какъ старшая линія Бурбоновъ, утративъ престолъ, въ изгнаніи требовала соблюденія самаго строгаго этикета, довольствуясь призраками власти и тѣмъ думала поддержать обаяніе своихъ силъ и значеній; такъ, живя въ мірѣ фантазій, и польская эмиграція тѣшилась засѣданіями, протоколами, постановленіями, адрессами, отчетами и благоговѣніемъ къ этимъ работамъ легковѣрныхъ туземныхъ своихъ соотчичей (1).

Новый комитетъ, назвавшійся 25 октября 1832 года центральнымъ національнымъ, въ первомъ своемъ засѣданіи постановилъ: 1) независимость Польши, на основаніи акта сейма 25 января 1831 года, объявившаго польскій престолъ свободнымъ; 2) присоединеніе къ Польшѣ Литвы, Бѣлоруссіи и Украины, на основаніи акта тогоже сейма отъ 5 мая 1831 года; 3) принятіе вѣнскихъ трактатовъ для возстановленія Польши, но въ случаѣ дипломатическихъ переговоровъ, комитетъ предоставлялъ себѣ право требованія границъ болѣе обширныхъ.

---

(1) *Лелевель* написалъ цѣлый рядъ прокламацій ко всѣмъ странамъ Европы для поддержанія симпатій къ Польшѣ; онъ самъ написалъ прокламаціи къ нѣмцамъ, русскимъ, американцамъ, италіанцамъ, венгерцамъ, евреямъ, камерамъ Франціи и Англіи, протестъ противъ раздачи русскимъ войскамъ ордена virtuti militari, противъ органическихъ статутовъ, составленныхъ для Польши, противъ нападенія пруссаковъ на польскихъ солдатъ, противъ закона 9-го апрѣля 1832 года, которымъ польскіе эмигранты во Франціи отдавались подъ надзоръ полиціи.

Польскіе агенты въ Англіи. Съ своей стороны князь *Чарторыйскій* не оставлялъ своими посѣщеніями и сношеніями съ вліятельными дипломатическими лицами заявлять необходимость заступничества Европы за Польшу, опираясь на трактаты 1814 г. и съ этою цѣлью послалъ графа Владислава *Платера* и *Нѣмцевича* въ Англію.

Броженіе умовъ во Франціи ободряло дѣятельность эмиграціи; она парила среди надеждъ и обширныхъ плановъ, расчитывала на общую европейскую войну—тѣмъ болѣе, что вся Франція, кромѣ короля, начинала воспламеняться войною и первый его министръ, вліяніемъ *Чарторыйскаго*, убѣдился въ пользѣ сформированія польскаго легіона, который могъ бы своимъ вліяніемъ на Польшу, принести существенную выгоду военнымъ предпріятіямъ Франціи. *Казимиръ Перье* дѣйствительно съ подобнымъ предложеніемъ обратился къ эмиграціи.

Благопріятныя извѣстія изъ Англіи еще болѣе распаляли надежды емиграціи. Ничего не щадя для того, чтобы расшевелить англичанъ въ свою пользу, закупая журналистику, разсѣевая клеветы на мнимое варварство и угнетенія Польши Россіей, увлекая митинги помощью образовавшагося въ Англіи общества «друзей поляковъ», — агенты *Чарторыйскаго* достигли того, что *Фергюссонъ*, *Эвансъ* 1) и *Будлей Стюартъ* дѣятельно настаивали о внесеніи польскаго вопроса на обсужденіе парламента и заказали два богатыя польскія знамена въ даръ эмиграціи сочувствующихъ англичанъ 2) и адресъ отъ нихъ къ польской націи.

Въ Англіи нація слишкомъ высоко цѣнитъ свои матеріальные интересы чтобы приводить въ исполненіе всякіе возможные мечтательные планы. Англичанинъ даетъ себѣ полную волю увлекаться на митингахъ, громкими возгласами одобрять всякія ему краснорѣчиво проповѣдуемыя предложенія, потому что на рѣ-

---

1) Эвансъ въ Польшѣ имѣетъ огромный металическій заводъ, который въ 1831 году обратился въ оружейныя матерскія, и въ 1862—3 годахъ въ этомъ же заводѣ, подъ фирмою Эванса, тоже заготовлялось оружіе для мятежниковъ. *Ред.*

2) Переданы торжественно польскому комитету въ Парижѣ, при полномъ его засѣданіи 25 марта 1833 года.

шенія своихъ митинговъ онъ смотритъ только какъ на заявленіе правительству: «принять къ свѣдѣнію», совершенно ему довѣряетъ и убѣжденъ, что камеры въ парламентѣ, со всѣми нужными данными обсудятъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и остановятся только на томъ, что английской націи существенно выгодно и что всѣ громкія слова европейскихъ національностей, стремленій, прогресса, свободы, интеллигенціи, общественнаго развитія, на отечественный языкъ островитянъ переведутся словами: *выгодныя мѣры для расширенія английской промышленности и для утвержденія английскаго могущества и господства;* потому англичанинъ ни чуть не сердится, если избранный имъ представитель въ палатахъ подаетъ голосъ противный его личному убѣжденію. За митингомъ въ пользу мирной политики Брайта слѣдуетъ не съ меньшими рукоплесканіями и возгласами одобренія другой, въ пользу воинственной политики Палмерстона; но государственные люди польской эмиграціи увлекались вмѣстѣ съ крикунами Англіи.

Требованія эмиграціи. Убѣжденный, что государственнымъ людямъ Англіи ничего не остается болѣе какъ слѣдовать рѣшеніямъ нѣскольких импровизованныхъ для пріѣзжихъ гостей митинговъ, національный центральный комитетъ въ своемъ засѣданіи 24 ноября 1832 года составилъ адресъ палатѣ депутатовъ, который требовалъ, ни больше, ни меньше, какъ вооруженнаго заступничества Франціи и поднятія, буде нужно, трехцвѣтнаго знамени къ войнѣ, не для завоеваній или удовлетворенія славолюбія, но справедливой войны за свободу. Вслѣдъ за этимъ адресомъ появились тучи прокламацій, манифестацій и протестовъ, а маршалъ графъ *Островскій*, завидуя возрастающему вліянію партіи *Чарторыйскаго* на ея успѣхи въ Англіи и на его пущенный въ ходъ проэктъ польскаго легіона, думалъ нанести за границею рѣшительный роковой ударъ *Чарторыйскому* открыть сеймъ въ Парижѣ, и для присутствія необходимаго числа депутатовъ, вызвалъ проживающихъ въ Англіи, Бельгіи и Швейцаріи 1).

1) Постановленіями $^{19}/_{7}$ и $^{13}/_{25}$ февраля 1831 г. въ Варшавѣ, всякій актъ сейма признается законнымъ, даже и изданный за границею, если только на немъ присутствуютъ 33 депутата.

Подобныя выходки эмиграціи выпудили французское правительство объявить о продолженіи дѣйствія закона 9 апрѣля.

На это постановленіе эмиграція отвѣтила протестомъ, подписаннымъ 28 бывшими депутатами, а центральный комитетъ приготовилъ формальный манифестъ, подписанный 17-го сенаторами и 28-го депутатами. Напечатанный въ 1000 экземплярахъ (подъ заглавіемъ: „A Messieurs les pairs et les députés de la France, ou quelques notes sur l'état actuel de la Pologne sous la domination russe"), манифестъ былъ разосланъ членамъ обѣихъ камеръ, перамъ, депутатамъ и журналистамъ; за этимъ манифестомъ комитетъ утвердилъ брошюру, написанную *Гофманомъ*, „котораго искусное перо было изъ замѣчательнѣйшихъ въ средѣ польскихъ эмигрантовъ." Эта брошюра (подъ заглавіемъ: la nationalité polonaise détruite, ou lettre d'un polonais aux députés de la France), была разослана подобно манифесту.

Польскій сеймъ въ Парижѣ 1833 январь. Къ этому времени съѣхались въ Парижъ вызванные *Островскимъ* депутаты, и 22 января, въ залѣ дома *Лафайета*, наскоро приспобленной для засѣданія, *Островскій* занялъ мѣсто маршала, и сеймъ былъ открытъ. Сеймъ долженъ былъ начать съ постановленія о своей законности. Къ большему удивленію, въ собравшихся членахъ обнаружилось несогласіе. Партія *Чарторыйскаго*, которая въ сеймѣ видѣла новое орудіе постояннаго ей противодѣйствія, заявила что сеймъ тогда только можетъ быть признанъ законнымъ, если всѣ засѣдающіе члены, безъ исключенія, сами признаютъ его таковымъ; Островскій же утверждалъ, что для этого достаточно согласія большинства, а три члена представили свое особое мнѣніе, что этотъ вопросъ не долженъ быть возбуждаемъ, такъ какъ онъ однажды былъ утвержденъ постановленіемъ сейма въ Варшавѣ.

Послѣ продолжительныхъ преній, мнѣніе *Островскаго* одержало верхъ, не безъ заявленнаго однакоже протеста приверженцевъ *Чарторыйскаго*, указывавшихъ что постановленія подобнаго сейма не могутъ быть законны, если сами законодатели не соглашаются признать таковымъ свое въ немъ участіе. Памят-

никомъ этого торжественно открытаго сейма сохранился только протоколъ, заключающій утвердительную декларацію возникшаго вопроса.

При всей того времени шаткости правительства *Людовика Филиппа*, оно съ опасеніемъ стало всматриваться во всѣ дѣйствія новыхъ противниковъ, безпокойныхъ незванныхъ гостей, которые стали распоряжаться какъ бы у себя дома и угрожали устройствомъ въ государствѣ государства, и къ тому же государства, стоящаго въ тѣсномъ союзѣ со всей оппозиціей правительству. Все министерство, и въ особенности министръ внутреннихъ дѣлъ *Аргу*, было раздражено эмиграціею, которая, какъ бы издѣваясь надъ слабостью правительства, на постановленіе о продолженіи закона 9 апрѣля отвѣчала адресомъ и созваніемъ сейма.

Распри съ франц. правительствомъ. Правительство Людовика Филиппа постановило удалить изъ Франціи какъ самыхъ безпокойныхъ эмигрантовъ, такъ и весь центральный комитетъ; но безъ энергическаго исполненія, это постановленіе обратилось въ полумѣру. *Губбе, Гофману и Уминскому* было приказано выѣхать изъ Франціи, равно и всѣмъ членамъ центральнаго комитета; но *Воловскій и Моравскій* вышли изъ комитета и остались въ Парижѣ, равно какъ и самые главные дѣятели *Лелевель, Звѣрковскій и Ворцель*, которые доказали, что они въ послѣднихъ засѣданіяхъ комитета не участвовали. Эмиграція постановила «вести свои дѣла въ такой тайнѣ, чтобы французское правительство, не знакомое съ личностями, было поставлено въ тупикъ,—не зная истинныхъ коноводовъ, было бы поставлено въ недоумѣніе кого преслѣдовать, и распространяя строгости на всю эмиграцію, давало бы какъ-бы законный поводъ къ протестамъ и жалобамъ предъ обществомъ на угнетенія невинныхъ изгнанниковъ мѣстною администраціею.»

Правительство Людовика Филиппа было дѣйствительно поставлено въ затруднительное положеніе. Оно видѣло, что существуютъ дѣятельныя тайныя сношенія между эмигрантами и туземными революціонерами, что, потому, существуетъ сильная партія, которая старается возбудить симпатію къ полякамъ въ об-

щественномъ мнѣніи, и что всякія мѣры самосохраненія, предпринимаемыя правительствомъ, порождаютъ новыя неудовольствія ничѣмъ не стѣсняющимися перетолкованіями, которыя клонятся только къ порицаніямъ существующей власти. Правительство терялось, при общественномъ того времени настроеніи Франціи, въ изысканіи благовидныхъ предлоговъ къ избавленію себя отъ эмиграціи. До ушей правительства доходили свѣдѣнія объ огромныхъ вновь замышляемыхъ планахъ всѣхъ европейскихъ революціонеровъ, при особенно дѣятельномъ участіи польскихъ эмигрантовъ; имъ предложили намеками переселиться въ Алжиръ, но они отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Не много болѣе пользы принесло предложеніе *Донъ-Педро*, за которое горячо ухватилось французское министерство, но вся его поддержка португальскихъ предложеній и принятыя имъ мѣры не привели къ желаемому успѣху.

Португальскія предложенія. Въ февралѣ 1833 г. *Донъ-Педро* въ междуусобной войнѣ съ *Донъ-Мигуэлемъ*, думалъ усилить свои войска сформированіемъ польскаго легіона. Кавалеръ *Гама-Махада* былъ посланъ въ Парижъ и обратился къ князю *Чарторыйскому*, считая его главою польской эмиграціи. Князь *Чарторыйскій* былъ съ своей стороны очень доволенъ занять неугомонныхъ эмигрантовъ. До него доходили слухи, что прежніе клубисты готовили какіе то новые обширные замыслы, новыя бѣдствія едва пріютившимся выходцамъ: но онъ понималъ, что при ненависти къ нему большей части старыхъ своихъ противниковъ его вмѣшательство только испортитъ дѣло: онъ отказался отъ прямаго участія и направилъ португальскаго эмиссара къ генералу *Бему*, который уже прежде, по выходѣ за границу, предлагалъ *Донъ-Педро* личныя свои услуги. Бемъ согласился, и для ближайшихъ переговоровъ отправился въ Португалію.

По движеніямъ эмиграціи и замѣчаемой какой-то судорожной ея дѣятельности, французское правительство догадывалось, что что-то важное готовится втиши.

Дабы съ своей стороны побудить эмигрантовъ принять приглашенія привезенныя въ Парижъ кавалеромъ *Гама Махада*,

французское правительство объявило камерѣ депутатовъ 6 апрѣля объ уменьшеніи субсидій польскимъ выходцамъ и что впредь ими будутъ пользоваться только не имѣющіе права на амнистію русскаго правительства 2 ноября (30 октября) 1831 года. Эта декларація произвела страшный взрывъ; центральный комитетъ, поддерживаемый *Лафайетомъ*, *Бинвономъ*, *Фраси и Гарнье-Пажесомъ*, представилъ министерству и въ камеры депутатовъ записки, которыми испрашивалъ:

1) чтобы французское правительство положительно высказало свое мнѣніе о русской амнистіи и,

2) чтобы субсидіи были уплачиваемы въ прежнемъ размѣрѣ и, чтобы комитетъ для ревизіи и контроля ассигнуемыхъ суммъ исключительно былъ составленъ изъ поляковъ.

На эту записку министръ внутреннихъ дѣлъ *Аргу* отвѣтилъ 12 апрѣля, что правительство соглашается на выдачу пособія только тѣмъ, которые переселились въ предѣлы Франціи, а расходъ ассигнуемыхъ суммъ отъ французскаго правительства можетъ быть исключительно подчиненъ только его собственному контролю.

Пока французское правительство переговаривалось съ эмиграціею о легіонѣ для Португаліи, подготовленныя ею затѣи разыгрались плачевно.

Попытки къ общей европейской революціи. Въ теченіи 1832 года эмиграція заботилась устроить правильныя и непрерывныя сношенія съ земляками (1). Эти сношенія должны были заключаться 1) въ доставленіи самыхъ подробныхъ мѣстныхъ свѣдѣній изъ Польши, Западнаго края Россіи, Познани, Галиціи

(1) Первыя сношенія производились съ слѣдующими лицами: Въ *Варшавѣ* съ *Маціовскимъ* и *Мержевскимъ*, членами кредитной коммисіи, бывшимъ офицеромъ *Пржездецкимъ* и *Сейделемъ*; въ *Каменцѣ* съ графомъ Владиславомъ *Красновскимъ*; Въ *Леопольдѣ* съ полковникомъ *Крудзенемъ*, *Горскимъ*, *Слатвинскимъ* и *Макровскимъ*; въ *Познани* съ *Коссецкимъ*, *Рачинскимъ* и *Дзедускимъ*; въ *Гнезнѣ* съ *Адельнау* и въ *Краковѣ* съ *Менцишевскимъ*.

Князь Чарторыйскій употреблялъ для своихъ сношеній еврея *Брезу*.

и Кракова и 2) въ превращеніи въ деньги всѣхъ оставленныхъ эмигрантами имуществъ, которыя могли быть спасены и въ переводѣ капиталовъ за границу. Съ помощью завязавшихся сношеній были сдѣланы и нѣкоторыя подготовленія къ новому мятежу.

Іосифъ Заливскій, подпоручикъ школы подпрапорщиковъ, поднявшій знамя бунта 17 ноября 1830 года былъ полковникомъ въ числѣ эмигрантовъ. На него было возложено вторично поднять Польшу къ мятежу.

По мнѣнію эмиграціи мятежъ 1831 года не удался потому, что Польша расчитывала на свою регулярную армію, которая уступая столь много своею численностью военнымъ силамъ Россіи, окончательно была приведена въ невозможность продолженія борьбы. Не тотъ былъ бы исходъ войны, толковали эмигранты, если бы она была ведена какъ война народная, если бы было поднято все населеніе способное носить оружіе, а войска служили бы только опорными точками возстанія. Въ подобной борьбѣ, веденной по образцу Гверильясовъ, русскія войска, лишенныя отовсюду подвозовъ и снабженій, были бы приведены въ безсиліе, и имъ оставалось бы только одно, поспѣшно очистить Польшу.

Заливскій долженъ былъ, съ сотнями двумя отчаянныхъ, кинуться въ Польшу и начать тамъ партизанскую войну, призывая чрезъ ксендзовъ населеніе къ оружію, и разлить пламя новаго мятежа на театрѣ прежняго, съ прибавленіемъ Галиціи и Познани. Въ тоже время другая горсть поляковъ должна была перебраться во Франкфуртъ-на Майнѣ и, съ помощью нѣмецкой молодежи, возбуждаемой историкомъ Ротекомъ, Винкеромъ и Дютлингеромъ, бывшихъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ парижскими революціонерами,— овладѣть резиденціей сейма германскаго союза и оттуда разлить революцію по всей Германіи.

Депо безансонскихъ эмигрантовъ, въ главѣ которыхъ стоялъ полковникъ *Оборскій*, какъ ближайшее,—должно было переѣхать въ Швейцарію, и въ свободной республикѣ, найдя безопасный

пріютъ, выжидать оттуда дальнѣйшій ходъ событій. Эти эмигранты, въ числѣ 488, должны были устремиться туда, куда потребуютъ обстоятельства. Сильное народное возстаніе въ бывшихъ польскихъ областяхъ и революція по всей Германіи должны были быть сигналомъ для рѣшительныхъ дѣйствій революціонной партіи во Франціи. При единовременно поднятой Франціи, правительству оставалось бы или бѣжать, или идти за общимъ теченіемъ и объявить себя въ главѣ наступательныхъ революціонныхъ дѣйствій на Европу; тогда сильная французская армія явилась бы за Рейнъ покровительницею всеобщаго народнаго возстанія, къ которому примкнули бы италіянцы, поднятые своими карбонарами.

Приготовленія къ революціи дѣлались въ величайшемъ секретѣ и весь планъ долженъ былъ сохраняться въ тайнѣ, пока самыя дѣйствія его не обнаружатъ. Въ концѣ марта начались движенія и дѣйствія: къ 1-му апрѣлю всѣ были на мѣстахъ. По пріѣздѣ уже полковника Оборскаго въ Швейцарію, было обнародовано слѣдующее его воззваніе изъ Безансона, на которомъ было выставлено число 7 апрѣля,—слѣдующій то есть, день, за объявленіемъ сокращенія субсидій.

Соотечественники!

«Долгъ, отчаяніе, общіе интересы, наши сердца, наши чувства, и предопредѣленное свыше назначеніе поляковъ, насъ призываютъ сражаться за свободу Германіи. Вы не можете не раздѣлять нашихъ убѣжденій; если мы не воспользуемся близостью границы, чтобы предпринять эту экспедицію, мы измѣнили бы самимъ себѣ.

Нашимъ предпріятіемъ мы указываемъ народамъ путь ко всеобщей солидарности; мы великодушіемъ платимъ имъ за ихъ неблагодарность.

Оставляя Францію, мы не отдѣляемся отъ польской эмиграціи. Вы всегда найдете насъ готовыми содѣйствовать вамъ; но до восторжествованія революціи, мы смотримъ на васъ какъ на резервъ: и такъ оставайтесь во Франціи, въ ожиданіи тѣхъ успѣховъ, которые увѣнчаютъ наши усилія; но если насъ постигнетъ

гибель, откажитесь отъ насъ, но живите и работайте для нашего святаго національнаго дѣла.“

Президентъ полковникъ Людовикъ *Оборскій.*

Секретарь подполковникъ Михаилъ *Янчковскій.*

Непосвященные въ планы революціи эммигранты недоумѣвали въ своихъ депо: они видѣли какія то безпокойныя ожиданія и совѣщанія своихъ коноводовъ. Первыя газетныя извѣстія и посланіе *Оборскаго* еще болѣе увеличивали это недоумѣніе, пока не разсѣяли его нѣсколько подробнѣйшія извѣстія о повсемѣстной неудачѣ.

Въ платьяхъ простолюдиновъ, 80 эмигрантовъ, въ теченіи марта, пробрались въ *люблинское* воеводство, 15 въ *калишское* и 25 въ *плоцкое.* При первыхъ произведенныхъ безпорядкахъ изъ первой партіи 20 были захвачены правительствомъ, изъ нихъ три были казнены. Искателямъ приключеній осталось искать спасенія въ бѣгствѣ и укрываться въ лѣсахъ; для скорѣйшей поимки лѣсныхъ героевъ выплачивалось крестьянамъ за всякаго взятаго съ оружіемъ по 500 злотыхъ.

Полиція въ Австріи и Пруссіи обратила удвоенное вниманіе на путешественниковъ, особенно съ французскими паспортами, и въ Польшѣ скоро все затихло, кромѣ слѣдственныхъ коммисій судившихъ захваченныхъ. *Заливскій* былъ схваченъ австрійцами и въ строгомъ заключеніи просидѣлъ въ казематѣ до 1848 г.

Покушенія во Франкфуртѣ не были удачнѣе: около сотни революціонеровъ всѣхъ націй прибыли во Франкфуртъ, обезоружили ночью караулы городской стражи, вольнаго города, и завладѣвъ имъ, во всѣ концы Германіи раскинули прокламаціи, призывая сочувствующихъ поддержать безразсудное ихъ дѣло. Но изъ нѣмцевъ никто не тронулся, и прежде нежели Оборскій умѣлъ двинуться изъ Швайцаріи во Франкфуртъ прибылъ баталіонъ регулярныхъ войскъ, отъ приближенія котораго революціонеры разбѣжались.

Поляки въ Швейцаріи. Прибытіе въ Швейцарію въ это время безансонскаго депо и пріютъ, данный ему швейцарскими властями, обратили на себя вниманіе германскихъ дворовъ, у которыхъ завязалась переписка съ швейцарскимъ правительствомъ; отъ него требовали объясненій.

Въ Швейцаріи была своя полонофильская партія. Изъ членовъ тамошнихъ масонскихъ ложъ образовались комитеты съ благотворительною для поляковъ цѣлью въ *Бернѣ*, *Лозанѣ*, *Поректруи*, *Женевѣ*, *Цюрихѣ*, *Гларусѣ*, *Люцернѣ*, *Арговіи* и *Сенъ-Галленѣ* (1). Но если полонофилы готовы были на разныя пожертвованія, то масса населенія, съ своей стороны, начала тяготиться этими гостями, которые не походили на прежнихъ поляковъ—путешественниковъ, щедрою рукою сыпавшихъ золотомъ; эти, напротивъ, сами требовали пропитанія, и, для предупрежденія безпорядковъ, исполнительный совѣтъ долженъ былъ назначить всякому, объявившему себя неимущимъ, пособіе на пропитаніе.

Швейцарское правительство, видя, что ни во внѣшнихъ, ни во внутреннихъ отношеніяхъ пребываніе поляковъ не устраняетъ дѣлъ Швейцаріи, постановило 9-го мая: 1) обратиться къ французскому правительству о дозволеніи полякамъ—эмигрантамъ возвратиться во Францію, 2) распредѣлить ихъ, до полученія отвѣта, по кантонамъ, 3) неимущимъ выдавать пособія, но не болѣе какъ по 6 бацовъ въ сутки, и выдачу эту прекратить со дня полученія разрѣшенія изъ Франціи или одиночнаго выбытія и 4) пригласить эмигрантовъ просить французское правительство съ своей стороны о дозволеніи имъ возвратиться.

Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ швейцарскаго правительства, ему была доставлена отъ германскаго союза дипломатическая нота, отъ 15 мая 1833 года, въ которой было изложено, что германскій сеймъ, обязанный заботиться о сохраненіи общественнаго спокойствія Германіи, имѣетъ право требовать, чтобы дружественныя съ нею державы противудѣйствовали учрежденію въ нихъ притона заговорщиковъ (foyer de conspirateurs), которые возбуждали бы постоянныя опасенія и требовали постоянныхъ мѣръ для отраженія вторженія людей, замышляющихъ произведеніе безпорядковъ. Сеймъ, потому, не сомнѣвается что

---

(1) Замѣчательнѣйшіе сторонники были въ Бернѣ Нейгаузъ, Оттъ, Шпель, Фетшринъ, Ландоръ, Шнейдеръ, Обри и Гюнцигеръ, въ Куртлари президентъ Морель, Аббатъ Кютатъ въ Поректрюи: въ Лозанѣ Монаръ, Рако, Келеръ, Ривіеръ и Руже. я

швейцарское правительство не поставитъ германскій союзъ въ необходимость обратиться къ мѣрамъ, предписываемымъ заботою собственнаго спокойствія, а употребитъ зависящія отъ него средства противудѣйствовать продѣлкамъ поляковъ, проживающихъ въ Швейцаріи, и ясно обнаружившихъ свои замыслы происшествіями, бывшими во Франкфуртѣ 3 апрѣля.

Нота франкфуртскаго сейма испугала эмиграцію; эта нота предъ лицемъ европейскихъ обществъ, разоблачала источникъ волненій, раскрывала затаиваемые замыслы; нужно было удачно увернуться отъ послѣдствій неудачной попытки, произвести оборотъ въ понятіяхъ Европы и отуманить ее. Съ этою цѣлью, поляки 20 мая подали швейцарскому правительству сообразный новымъ обстоятельствамъ адресъ, не стѣсняясь много объ истинѣ. Онъ былъ за подписью полковника *Оборскаго*, 7-ми довѣренныхъ лицъ и скрѣпленъ секретаремъ, для сообщенія документу оффиціальнаго характера, которымъ эмиграція, въ глазахъ европейской публики, а особенно въ глазахъ своихъ земляковъ, усиленно хлопотала придавать какой то правительственный характеръ своимъ постановленіямъ 1).

Огромная была разница въ тонѣ этого адреса, сравнительно съ тѣмъ кичливымъ безапелляціоннымъ воззваніемъ, которымъ поляки собирались облагодѣтельствовать Германію. Выходцы теперь выдавали себя за несчастныхъ, угнетенныхъ Франціею, которые прибыли въ свободную Швейцарію искать пріюта и работы, которыхъ европейскіе кабинеты хотятъ ихъ лишить. Въ опроверженіе взводимыхъ на нихъ обвиненій, они наивно приводили въ оправданіе, что если они прибыли въ Швейцарію не вооруженными, то какіе же могли быть ихъ замыслы на общественное спокойствіе Европы.

„Въ началѣ прошедшаго (апрѣля) мѣсяца,“ читаемъ мы между

---

1) Адресъ 20 мая 1833 года въ Поретрю былъ подписанъ полковникомъ Людвигомъ *Оборскимъ* и Казимиромъ *Пашковичемъ*, подполковникомъ Иваномъ *Лелевелемъ*, Артиллеріи капитаномъ *Карломъ Штольцманомъ*, капитанами Францомъ *Гордашевскимъ*, Феликсомъ *Нововельскимъ*, поручикомъ *Ѳедоромъ Стефанскимъ* и Емерикомъ *Станевичемъ*, скрѣпленъ секретаремъ капитаномъ Константиномъ *Зальскимъ*.

прочимъ въ этомъ длинномъ адресѣ, „горсть поляковъ, преслѣдуемая жестокостями и угнетеніями французскаго правительства, въ своемъ отчаяніи, бросилась въ Швейцарію, далеко не предвидя, что европейскіе кабинеты воспользуются этою рѣшимостью, вынужденною крайностью бѣдствія, чтобы выставить эмигрантовъ опасными правительствамъ. Мы изложимъ вамъ причины нашего прибытія; вѣрные традиціонному гостепріимству, вы приняли несчастныхъ, а великодушіе кантоновъ поспѣшило дать намъ средства къ существованію. Вздохнувъ свободно, послѣ столькихъ преслѣдованій, пользуясь въ Швейцаріи защитою законовъ, въ чемъ Франція намъ грубо такъ отказала,—едва приступили мы къ пріисканію средствъ къ будущему мирному нашему существованію, какъ германскій союзъ, къ крайнему нашему удивленію и крайней нашей горести, придаетъ нашему спокойному здѣсь прибытію видъ вооруженнаго вторженія, приписываетъ намъ какіе-то имъ воображаемые замыслы, обвиняя насъ во франкфуртскихъ событіяхъ 3 апрѣля, взводитъ на насъ какіе-то призраки заговоровъ, усиливается лишить нашего покровительства и заставить васъ, на вашей свободной землѣ, устроить систему инквизиціи“

„Мы видимъ съ радостью, многоуважаемые граждане, съ какою осторожностью вы принимаете эти, ни чѣмъ не доказанныя, обвиненія со стороны германскаго союза. Вы сами могли убѣдиться, что мы прибыли безъ оружія, а потому какой вѣры заслуживаютъ ложныя извѣстія, которыя было угодно распространять на счетъ насъ. Наши враги сильны и опасны. Правительства, хладнокровно смотрѣвшія на нашу бывшую борьбу 1831 года, къ которой насъ вынудило отчаяніе, съ ожесточеніемъ насъ теперь преслѣдуютъ, сначала изъявивъ намъ обманчивое сожалѣніе и предложивъ намъ обманчивое гостепріимство.

„Представители швейцарскаго народа! горсть поляковъ, изгнанныхъ, несчастныхъ, всѣми отвергаемыхъ, испрашиваетъ у васъ покровительства противъ дипломатическихъ преслѣдованій; на васъ полагаемъ мы всю надежду. мы вѣримъ, что вы ей неизмѣните и не предоставите насъ мщенію палачей нашего отечества“.

Неудачи Бема. *Бемъ* въ это время былъ въ Опорто, и тамъ 19 мая заключилъ конвенцію, которая 24-го мая и была подписана *Донъ-Педро*. Статьи этой конвенціи были слѣдующія:

1) «Для службы е. в. королевы португальской, будетъ устроенъ корпусъ войскъ не превышающій 3200 человѣкъ, подъ именемъ легіона королевы.

2) Этотъ корпусъ будетъ имѣть польскихъ начальниковъ, польскій мундиръ и польскія командныя слова, военные законы французскіе, а кокарду португальскую.

3) Всякій, вступающій въ этотъ корпусъ полякъ, получаетъ гражданскія права Португаліи.

4) По взятіи Лиссабона, легіонъ можетъ или оставаться на службѣ Португаліи или прійдти въ другое государство на средства, которыя ея величествомъ будутъ назначены.

5) При легіонѣ должно быть учреждено военное училище.

6) 24 Поляка должны быть приняты въ португальскую морскую школу, и за тѣмъ служить на португальскомъ флотѣ.

7) Всякій офицеръ и рядовой, по окончаніи войны, безпрепятственно получаютъ, если пожелаетъ, отставку.

8) Конвенція должна быть выполнена до 31 іюля 1833 года, въ противномъ случаѣ она перестаетъ быть обязательною.»

Бемъ возвращался въ Парижъ весьма довольный заключенною имъ конвенціею. По его мнѣнію эмиграціи ничего не оставалось желать лучшаго. Бывшіе военные и вся молодежъ, участвовавшая въ шайкахъ, особенно литовскихъ и эмигрировавшая за границу, мечтали, что они будутъ имѣть безбѣдное содержаніе, участвуя въ войнѣ, будутъ поддерживать боевое свое настроеніе, военное училище будетъ разсадникомъ для подготовленія офицеровъ поляковъ, весь отрядъ будетъ готовый—опытный кадръ для скораго образованія, въ случаѣ новаго возстанія, новой польской арміи (обстоятельство весьма важное при утратѣ національныхъ военныхъ регулярныхъ войскъ), наконецъ,—при своихъ собственныхъ морякахъ, эмиграція при первой потребности, закупивъ нѣсколько кораблей, всегда можетъ перенестись моремъ къ берегамъ Самогитіи. Въ Парижѣ ждало Бема и его сообщниковъ разочарованіе.

По возвращеніи въ Парижъ, генералъ *Бемъ* 24 іюня 1833 года, послѣ всѣхъ неудачъ эмиграціи, думалъ угодить ей и издалъ шесть прокламацій; четыре были съ воззваніемъ, въ пятой заключалось изложеніе будущей организаціи легіона, а въ шестой условія для желающихъ поступить въ его составъ.

Центральный комитетъ, былъ въ дурномъ расположеніи послѣ неудачъ въ Польшѣ и во Франкфуртѣ, озлобленъ и на французское привительство—за сокращеніе субсидій, и на *Бема* за его самовольныя сношенія съ *Донъ-Педро*, и на *Чарторыйскаго*. Графъ *Островскій*, все считавшій себя маршаломъ сейма, дога-

дывался, что, въ сношеніяхъ *Бема* съ французскимъ правительствомъ, князь Адамъ стоялъ за кулисами и двигалъ переговорами; мнимый маршалъ немедленно поднялъ на ноги центральный комитетъ,—вліятельнѣйшія личности *Лелевеля*, *Звѣрковскаго* и *Ворцеля*, а для привлеченія на свою сторону литвиновъ онъ наэлектризировалъ *Домейко;* появился рьяный протестъ противъ конвенціи *Бема*; во всѣ депо было сообщено о самовольномъ присвоеніи Бемомъ власти и приглашеніе съ своей стороны ниспровергнуть на первыхъ же порахъ его коварные замыслы.

На *Бема* со всѣхъ сторонъ посыпались ярыя нападки раздраженныхъ эмигрантовъ. «Я вовсе не имѣлъ никакихъ намѣреній посягать на права эмиграціи, отвѣчалъ *Бемъ*. Заключенная мною конвенція обязателъна только для тѣхъ лицъ, которыя сами пожелаютъ поступить въ легіонъ. Это право, полагаю, принадлежитъ мнѣ наравнѣ со всякимъ другимъ выходцемъ. Я надѣялся оказать услугу эмиграціи, большею частью состоящей изъ людей привыкшихъ къ дѣятельной военной жизни. Дѣло *Донны Маріи* есть дѣло конституціонное; кромѣ того оно имѣетъ особенное значеніе,—оно діаметрально противурѣчитъ видамъ и интересамъ Россіи. Образованіе польскаго легіона дало бы намъ средства обойтись безъ милостыни французскихъ субсидій, а легіонъ былъ бы готовъ служить современемъ и дѣлу Польши.»

«По какому праву, возражали противники, генералъ *Бемъ*, никѣмъ не уполномоченный, заключаетъ конвенцію, когда польская эмиграція имѣетъ свой центральный національный комитетъ,— комитетъ, который заботится о ея нуждахъ и интересахъ? Какъ смѣлъ онъ, безъ согласія комитета, вступить въ переговоры съ иностраннымъ дворомъ?»

«Проэктъ вербовки поляковъ въ португальскую службу есть повтореніе прежнихъ дипломатическихъ самообольщеній, которыя столько повредили національному возстанію. Эмиграція не должна оставлять Франціи, — этого сердца европейскихъ политическихъ событій.»

Намеки на *Чарторыйскаго* были слишкомъ ясны, чтобы онъ могъ оставить ихъ безъ возраженія. Онъ написалъ къ *Бему*

письмо, въ которомъ откровенно изъяснялъ свое содѣйствіе къ образованію польскаго легіона для Португаліи и доказывалъ всѣ выгоды этого плана для польскаго дѣла. Съ своей стороны *Бемъ* разослалъ къ эмигрантамъ своихъ эмиссаровъ *Михаловскаго*, *Дзержановскаго*, *Хмелицкаго* и *Урбанскаго* и самъ отправился посѣтить польскія депо. Пріемы, сдѣланные ему и его эмиссарамъ, были различны; въ депо же города Буржа ожесточеніе было такъ велико, что совѣтъ мѣстной эмиграціи послалъ Бему депутацію съ предложеніемъ немедленно выѣхать изъ города, а одинъ изъ этихъ депутатовъ даже выстрѣлилъ въ него изъ пистолета.

Бемъ не только видѣлъ, что разладъ съ комитетомъ препятствуетъ исполненію конвенціи къ назначенному сроку, и что должно отказаться отъ мысли польскаго легіона; но что комитетъ настойчиво ведетъ свои интриги къ тому, дабы удержать во Франціи даже и его приверженцевъ, изъявлявшихъ желаніе, безъ всякой конвенціи, отправиться съ нимъ искать счастія и славы въ Португаліи. Результатомъ всѣхъ этихъ интригъ было то, что Бемъ, съ немногими соотчичами, отправился къ *Донъ Педро* и поступилъ въ отрядъ волонтеровъ, собранный *Эвансомъ* изъ шотландцевъ и ирландцевъ. Въ этомъ отрядѣ *Урбанскій* дослужился до чина полковника, а *Бемъ*, по взятіи Лисабона, съ своими друзьями, перешелъ въ Италію и принялъ участіе въ тамошнихъ междоусобіяхъ.

Генералы *Дверницкій*, *Раморинъ* и *Уминскій*, въ сношеніяхъ съ великимъ парижскимъ комитетомъ, были весьма довольны удаленіемъ *Бема* послѣ франкфуртской неудачи. Въ то время таинственно создавались новые еще обширнѣйшіе планы поднять Европу начиная съ Рейна Италію и южную Францію; въ этомъ предпріятіи эти генералы готовили для себя мѣсто *Бема*, имѣвшаго много своихъ поклонниковъ между эмигрантами: они боялись встрѣтить лишняго и опаснаго соперника.

Проэктъ польскаго легіона. Комитетъ, не смотря на колебанія французскаго министерства, все еще надѣялся на сформированіе польскаго легіона. Министерство съ одной стороны склонялось на его учрежденіе чувствуя, при существовавшемъ

тогда во Франціи броженіи умовъ, что правительство легко можетъ быть поставлено въ то положеніе, что ему европейская война только будетъ якоремъ собственнаго спасенія. Правительство разсчитывало съ одной стороны на выгоду моральнаго значенія легіона относительно Польши, но съ другой стороны министерство опасалось именно того, что имѣли въ виду польскій комитетъ и всѣ революціонеры для подземныхъ своихъ плановъ. Подобный легіонъ былъ бы постоянно и совершенно готовымъ организированнымъ корпусомъ, къ услугамъ и поддержкѣ французской революціонной партіи.

Правительство Людовика Филиппа думало, что побѣдою 6 іюня 1832 г. оно начинаетъ укрѣпляться, и исподоволь начало проводить мѣры для ослабленія враждебныхъ партій. Когда исчезла надежда на удаленіе польской эмиграціи въ Португалію, тогда военный министръ хотѣлъ собрать (localiser) эмигрантовъ и разсѣянныхъ по Франціи безпокойныхъ поляковъ и поставить подъ ближайшій правительственный надзоръ. Въ видѣ опыта, онъ предложилъ комитету составить кадры польскаго легіона, но комитетъ отказался потому, что правительство вмѣняло въ условіе, чтобы поступающіе положительно и письменно обязались служить тамъ, гдѣ будетъ предписано. Но подобныя условія, по которымъ они могли бы быть высланы для дѣйствій въ Алжиръ, но все не улыбались эмигрантамъ, а еще менѣе соотвѣтствовали расчетамъ и предположеніямъ ихъ коноводовъ.

Слишкомъ обширное поприще раскидывалось для плановъ и фантазій коноводовъ польской эмиграціи, чтобы они могли рѣшиться какъ на удаленіе значительной части эмигрантовъ въ Португалію, такъ и на рискованное согласіе образованія французскимъ правительствомъ польскаго легіона по идеѣ предлагаемой Чарторыйскимъ.

Коноводы эмиграціи обмѣнивали услуги польскихъ выходцевъ у европейскихъ революціонеровъ, на ихъ содѣйствія къ частому напоминанію о судьбѣ Польши, разными лже-провозглашеніями о ея бѣдствіяхъ, и тѣмъ къ возбужденію въ общественномъ мнѣніи полонофильскихъ симпатій. А что главные мастера революціон-

-наго дѣла умѣли ловко вести эти козни, и умѣли находить ловкихъ и ретивыхъ подмастерьевъ, въ томъ можемъ убѣдиться, если вспомнимъ, какъ даже русскіе, бывшіе за границею, возвращались оттуда, слѣпо увѣренные въ мнимыхъ угнетеніяхъ поляковъ русскимъ правительствомъ, въ то время какъ руское правительство охраняя спокойствіе населенія, не щадило ему попадавшихся въ руки революціонныхъ агентовъ, и принимало мѣры противъ ихъ продѣлокъ.

Обработывая общественное мнѣніе, коноводы домогались свои интриги усилить и дипломатическими оттѣнками, дабы не упустить ни малѣйшаго средства, которое могло бы споспѣшествовать затѣваемому дѣлу.

Требованія баденской интервенціи. Верховный комитетъ всѣхъ тайныхъ козней велъ обширнѣйшую переписку, *при оказіяхъ*, съ профессорами и журналистами Европы и при этихъ невидимыхъ нитяхъ *Ротекъ*, *Велькеръ* и *Дютлингеръ*, вслѣдствіе порученій посланнаго съ эммисаромъ Игнатіемъ *Домейко* въ засѣданіи баденской камеры, 2 сентября 1833 года, подражая англійскому парламенту, потребовали *интервенціи баденской дипломатіи въ пользу польской національности.*

Савойская экспедиція. Осенью 1833 года особенно были въ ходу приготовленія италіанскія; вмѣстѣ съ экспедиціями Заливскаго и франкфуртскою единовременно должна была подняться и молодая Италія, которая опоздала приготовленіями; прибывшіе поляки въ Швейцарію не теряли надежды. Послѣ первыхъ апрѣльскихъ неудачь они всѣми средствами старались тамъ удержаться, или вѣрнѣе коноводы всѣми силами хотѣли ихъ тамъ удержать: поляки должны были выставить первыхъ бойцевъ для Италіи. Буонаротти находилъ экспедицію преждевременною; италіанскій народъ былъ доволенъ своею судьбою; при всѣхъ усиліяхъ слово tedesco не было ненавистно между народомъ, потому было нужно сперва подготовить народъ къ враждѣ и искусственно поселить въ него новыя желанія; при общественномъ строѣ Италіи затронуть религіозную сторону было невозможно, да клерикальное пособіе потребовало бы своихъ вознагражденій, чтововсе не входило въ

расчеты коноводовъ, стремившихся сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ; Буонарротти не надѣялся на успѣхи воскресныхъ народныхъ изданій, среди малограмотнаго, подъ благодатнымъ небомъ и на роскошной землѣ лѣниваго народа; манифестаціи систематически веденныя по мнѣнію Буонарротти оставались единственнымъ путемъ, которымъ можно-было сдѣлать народъ болѣе воспріимчивымъ къ поддержанію какихъ нибудь внезапныхъ выходокъ; но нетерпѣливый Мадзини надѣялся на свои силы, онъ рекрутировалъ молодую Италію изъ учащейся молодежи и въ молодыхъ италіянскихъ войскахъ, составленныхъ изъ растасованныхъ прежнихъ наполеоновскихъ, по вновь образованнымъ владѣніямъ Италіи. Отъ Альповъ до Сициліи, по всему полуострову, Мадзини группировалъ кружки молодой Италіи, которыя питались тайно провозимыми листами его журнала, издаваемаго въ Марсели. Способъ веденія войны отдѣльными шайками былъ принятъ какъ такой, при которомъ *можетъ проявиться всякое патріотическое вдохновеніе и добродѣтельные порывы не могутъ быть придавлены гнетомъ военныхъ принятыхъ правилъ.* Таково было мнѣніе этихъ пересозданій вѣка, столько же способныхъ къ вѣрному взгляду на военное дѣло, сколько быть государственными людьми и благодѣтелями человѣчества.

Изгнаніе польскихъ коноводовъ. Послѣ кровавой тризны по *Ламаркѣ*, Парижъ нѣсколько притихъ, но Франція была видимо волнуема подземною работою,—по городамъ бывали мятежныя вспышки, особенно въ Ліонѣ. Правительство натыкалось и на неуловимые слѣды польской дѣятельности, и, не находя личностей, принимало мѣры противъ цѣлой эмиграціи. *Лелевель*, *Звѣрковскій* и *Ворцель*, попавъ въ высшіе слои молодой Европы, дорожа пребываніемъ въ Парижѣ, оффиціально выписались изъ числа членовъ польскаго комитета, за ними выбыли и другіе. Комитетъ таялъ, *Моравскій* и *Воловскій* перебѣжали въ лагерь Чарторійскаго и въ первой половинѣ 1833 года комитетъ состоялъ изъ 5-ти членовъ,—генераловъ *Дверницкаго*, *СѣраВскаго*, бывшаго депутата *Ледуховскаго*, *Еловицкаго* и журналиста *Плихты*.

Полиція, найдя средство послѣдовательно ближе ознакомиться съ личностями эмиграціи, указывала правительству болѣе безпокойныхъ и опасныхъ. Въ іюлѣ 1833 года *Ворцелю*, *Пулавскому*, *Чапскому*, *Якацевскому*, *Янушкевичу* и *Грушевскому* было приказано оставить Францію, а въ августѣ было приказано также выѣхать *Лелевелю* и *Ходзько*. Относительно всей эмиграціи были приняты строгости, начавшіяся съ того, что министерство назначило въ каждое депо новыхъ начальниковъ изъ эмигрантовъ, ему рекомендованныхъ партіею *Чарторыйскаго*; новые начальники были весьма дурно приняты, особенно въ *Бурже-ракѣ*, гдѣ вновь присланный, бывшій полковникъ *Подчаскій*, былъ объявленъ измѣнникомъ при первой встрѣчѣ и едва спасся отъ смерти. Эти буйства имѣли послѣдствіемъ, что эмигранты изъ 7 депо были разсѣяны по 136 городамъ и новыя депо были подчинены самому бдительному контролю полиціи: каждый эмигрантъ еженедѣльно былъ непремѣнно обязанъ лично являться въ полицію.

Въ самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ префектурѣ полиціи было устроено особое полицейское отдѣленіе для польской эмиграціи, получившее названіе *центральнаго комитета*— названіе, которымъ правительство хотѣло уронить собственно польскій комитетъ, корчившій изъ себя какое-то учрежденіе самозванца—правительства, безъ владѣній. Французскій полицейскій комитетъ, подъ видомъ повѣрки справедливости присвоиваемыхъ эмигрантами разныхъ прежнихъ своихъ чиновъ и титуловъ, по которымъ они получали вспомоществованія отъ французскаго правительства,— долженъ былъ ближе ознакомиться съ личностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ изъ среды той же эмиграціи агентовъ, которые, продавая свои услуги, сообщали полиціи о разныхъ затѣяхъ своихъ земляковъ. Нѣсколько предварительныхъ замысловъ заставили эмигрантовъ догадаться о тайномъ надъ ними надзорѣ, и они съ своей стороны выставляли *догадчиковъ*, которые въ примыкающихъ къ префектурѣ улицахъ полиціи сторожили тѣхъ изъ земляковъ, которые туда являлись чаще. Полиція однако дозналась и о существованіи этихъ наблю-

дателей, и два изъ нихъ *Василевскій* и *Ласкій* были схвачены и заключены въ февралѣ 1834 года.

Полицейскій комитетъ получалъ донесенія какъ отъ мѣстныхъ властей изъ Ліона, такъ и отъ посольства изъ Швейцаріи, что особенная какая-то глухая дѣятельность тамъ проявляется между эмигрантами; въ началѣ 1834 года загадка разъяснилась.

Савойская экспедиція. Для возстанія Италіи генералъ *Рамарино*, идолъ молодыхъ италіанцевъ, былъ назначенъ для руководства *Мадзини* въ военныхъ распоряженіяхъ. Рамарино, италіянецъ по рожденію, былъ тотъ самый, который съ отдѣльнымъ корпусомъ, закупленный Чарторыйскими послѣ паденія Варшавы, отказался исполнять приказанія польскаго главнокомандующаго и ушелъ сложить оружіе въ Австріи. Рамарино былъ посланъ въ Ліонъ и тамъ, лѣтомъ 1833 года, долженъ былъ вербовать и приготовить шайку, въ то время, какъ другая шайка готовилась, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Мадзини, въ самой Швейцаріи. *Рамарино* было выдано 40,000 франковъ на издержки. «*Мадзини*, пишетъ *Луиблань* (панегиристъ демократическихъ революціонеровъ) устроилъ заговоръ въ Савоіѣ съ изумительною дѣятельностью; онъ вошелъ въ сношенія съ поляками, нѣмцами и даже швейцарскими карбонарами; онъ закупилъ ружья, изучалъ планъ настоящей кампаніи и въ пламенныхъ письмахъ возбуждалъ парижскихъ демократовъ предпринять диверсію. Онъ сдѣлалъ болѣе, чтобы склонить ихъ: онъ указывалъ имъ на негодующую Италію, какъ на побѣдительницу, онъ раздувалъ вѣроятія на успѣхъ съ цѣлью его увеличить и предполагалъ торжество, съ цѣлью достичь его; легко вѣрится тому, чего пламенно жаждетъ. Руководители республиканской партіи въ Парижѣ были готовы на энергическое содѣйствіе савойской экспедиціи; но патріархъ новой карбонаріи—Буонарротти ее осудилъ, какъ слишкомъ смѣлую и запачканную аристократическою примѣсью.»

Получивъ деньги, *Рамарино* не торопился приготовленіями и наконецъ изъ Ліона уѣхалъ въ Парижъ. Нетерпѣливый Мадзини бѣсился на проволочки; тайна могла раскрыться; полицей-

скіе агенты являлись въ Женеву; озабоченное французское посольство предлагало безансонскимъ эмигрантамъ пособія и деньги на путевыя издержки, если они захотятъ вернуться во Францію; многіе соглашались, инымъ приходилось существовать только расчетливою милостынею швейцарскихъ патріотовъ, и они грозили отъѣздомъ; между конспираторами являлось разочарованіе.

Рамарино въ Парижѣ, подъ вліяніемъ своего прежняго патрона *Чарторыйскаго*, еще менѣе былъ настроенъ къ рискованнымъ предпріятіямъ. Отысканный посланными *Мадзини*, *Рамарино* объявилъ имъ, что въ Ліонѣ ничего не приготовлено и возвратилъ изъ 40,000 франк. 10,000 франковъ. *Мадзинисты* однако тѣмъ не удовольствовались и принудили генерала прибыть въ Швейцарію. Кое-какъ составленная экспедиція, въ началѣ 1834 года, при взаимномъ недовѣріи коноводовъ, полгода послѣ предположеннаго времени, испытавъ на первыхъ шагахъ много неудачъ,—наконецъ двинулась въ Савоію двумя колоннами,—одну велъ *Рамарино*, другую полковникъ *Граоскій*. Возмутивъ Савоію, они должны были вторгнуться далѣе, въ Ломбардію, пройдти и поднять всю Италію; нѣсколько дней колонны инсургентовъ гуляли по Савоіи, въ суровое время года. Непривычная къ походамъ, италіянская молодежь едва передвигалась; одни только поляки не унывали, но скоро всѣми овладѣло мрачное раздумье: ни одинъ восторженный крикъ населенія не привѣтствовалъ искателей приключеній; по деревнямъ ихъ встрѣчали только удивленными глазами. *Рамарино* объявилъ что его обманули, что при подобномъ положеніи дѣлъ предпринять что нибудь, значило бы погубить даромъ цвѣтъ италіянскаго юношества. Слова *Рамарино* были сигналомъ къ разсѣянію инсургентовъ; туземцы спѣшили по домамъ, поляки—возвратиться въ Швейцарію; всѣ боевыя дѣйствія ограничились нѣсколькими выстрѣлами, сдѣланными во время фальшивой тревоги. Плачевная экспедиція имѣла и жалкія послѣдствія. Въ Парижѣ *Рамарино* жаловался, что съ нимъ поступили предательски, но еще болѣе явилось противъ него обвиненій въ измѣнѣ, а польскій комитетъ прибавилъ «что надъ нимъ еще тяготѣетъ подозрѣніе относительно его по-

слѣдняго начальствованія въ Польшѣ, что онъ еще не доказалъ невозможности—исполнить предписаніе генералиссимуса о присоединеніи къ арміи, стоявшей у Модлина.

Мятежъ въ Ліонѣ. Революціонеры въ Парижѣ готовили предпріятію *Мадзини* въ Италіи могущественную диверсію во Франціи.

Безъ сомнѣнія революціонная партія во Франціи, усиленная тысячами польскихъ эмигрантовъ, была сильнѣе чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. Тамъ заводчики революціоннаго дѣла подъ знаменемъ Лафайета, подъ руководствомъ Буонаротти, болѣе всего имѣли средства вести дѣло съ успѣхомъ.

Ихъ цѣль была совершеннымъ переворотомъ всего государственнаго и общественнаго устройства, стать прямо въ главы новаго замышляемаго правительства, а средства были къ ихъ услугамъ; одни засѣдали въ палатахъ [1]), другіе давали тонъ журналистикѣ [2]). Первые своими рѣчами могли тормозить правительственную машину, топтать въ грязь своими перетолковываніями всякія мѣры правительства, сколько-бы онѣ для блага страны не были полезны; составляя постоянную оппозицію министерству, порицая всякія распоряженія, они били на то, чтобы уронить правительство, въ глазахъ Франціи и въ публикѣ, посвящаемой газетами во всѣ пренія палатъ, возбуждать недовѣріе къ власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ журналисты, поддерживая ихъ на столбцахъ журналовъ, не щадя самыхъ ярыхъ нападокъ на правительство, проводили новыя свои мечтательныя теоріи, новыя соціальныя идеи, которыя должны перестроить общественный организмъ и льстили грубымъ страстямъ, лукавому властолюбію честолюбцевъ, корыстолюбивымъ и любостяжательнымъ влеченіямъ массъ и грубымъ наклонностямъ къ самоуправству и разгулу черни.

Высшее образованіе, распространенное несоразмѣрно съ тре-

1) Въ числѣ ихъ Горнье-Пажесъ, Могенъ, Войе д'Аржансонъ, Дипонъ Одри де Пюираво, Годефруа Кавеньякъ, Виньертъ.

2) Въ числѣ ихъ Орманъ Карель, издатель журнала le National, Кабе издатель „le Populaire," Капуа Лемеръ и Родде-журнала „Bon sens, Ансельмъ Пететенъ, издатель Precurseur de Lyon.

бованіями страны, доступное и неимущей бездарности, на столько увеличило число людей, презиравшихъ снискиваніе средствъ къ существованію физическимъ трудомъ, что соотвѣтствующая ихъ образованію работа отъ конкуренціи давала скудныя вознагражденія; въ этомъ числѣ было множество личностей по способностямъ и положительнымъ ихъ знаніямъ не соотвѣтствующими той тщеславной самоувѣренности, которая сильно была въ нихъ развита. Недостиженіе самолюбивыхъ желаній, эти люди приписывали неправильному государственному устройству; они не жаловались, по обыкновенію, на судьбу, но, обработываемые журналистикою, стали въ ряды недовольныхъ, полагая что непремѣнно улучшатъ свой личный быть, содѣйствуя государственному перевороту. Вся молодежь, всѣ воспитанники учебныхъ заведеній легко воспламеняемые и увлекаемые, подъ вліяніемъ броженія умовъ, всегда склонные, какъ неопытные юноши, быстро кидаться на всякія либеральныя ученья, питались современною подстрекающею литературою, и стали преимущественно способны быть пушечнымъ мясомъ, какъ выражаются французы, для видовъ коноводовъ, словами и выходками проводить ихъ идеи въ низшіе классы и подготовлять народъ быть воспріимчивѣе къ усвоенію проповѣдей эксентрическихъ журналистовъ.

Къ этому то слою преимущественно принадлежали члены всѣхъ революціонныхъ обществъ, какъ то: *„правъ человѣка, прогресса“* и т. д.; изъ этого слоя, на карбонарскихъ началахъ Буонаротти образовались таинственные кружки, другъ другу незнакомые, которые спускались въ народную чернь и проводили заразу въ понятія. Эти кружки въ данное мгновеніе должны были, послушные приказаніямъ высшей ими невѣдомой власти, руководить и направлять дѣйствія открытаго мятежа. Въ одномъ Парижѣ таинственный верховный комитетъ насчитывалъ до 200 дѣйствующихъ кружковъ, которые распространились по многимъ городамъ Франціи, въ Дижонѣ, Клермонтѣ, Шалонѣ, Сентъ-Этьенѣ, Безансонѣ, Греноблѣ, Люневилѣ, Нанси и другихъ. Общество правъ человѣка (la Société des droits de l'homme) было особенно дѣятельно.

За молодежью наибольшій контингентъ нужно было искать на

въ земледѣльческомъ сословіи, но среди болѣе склонной къ разврату городской черни; города съ болѣе расширенною фабричною промышленностью, могли особенно выставить болѣе бойцевъ для мятежныхъ замысловъ.

Къ большому неудовольствію революціонеровъ, въ войска было труднѣе проводить заразу; командиры въ войскахъ Франціи прошли сквозь продолжительную школу боевой дисциплины и въ головѣ ихъ былъ тотъ складъ, при которомъ не вязалось военное іерархическое повиновеніе съ революціоннымъ братаніемъ конспираторовъ и въ войскахъ сохранялся духъ старыхъ полковъ. Унтеръ-офицеръ былъ именно тотъ классъ въ которомъ революціонеры во Франціи имѣли наибольшее вліяніе, ихъ приманивали офицерскими эполетами и командирскими должностями въ республиканскихъ войскахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ развитыхъ личностяхъ состава войскъ военная слава,—наслѣдіе Наполеона слишкомъ шевелила задушевныя струны старыхъ и молодыхъ вояковъ, чтобы они могли оставаться не чувствительными къ магическому имени; бонапартистовъ было множество; но революція бонапартистовъ могла идти только путемъ, которымъ Наполеонъ въ 1815 году прошелъ отъ Фрежюса до Парижа; не того хотѣлось коноводамъ ни новой Европы, ни новой Франціи; имъ хотѣлось общественнаго переворота, а не орловъ на знаменахъ. Со смертью герцога Рейхштатскаго замерли и всякіе порывы этой партіи.

Обработывая чернь, отуманивши далѣе умы простолюдиновъ и распаляя страсти готовили ихъ къ боямъ на баррикадахъ. Въ то время, какъ печатались цѣлыми тучами народъ подзадоривающія брошюры и народные карты, офанатизированные просвѣщенные члены общества *правъ человѣка*, съ достаточною поддержкою надежды на личныя выгоды, являлись въ праздничные дни въ блузахъ среди народныхъ гульбищъ, и раздавая по усмотрѣнію даромъ или за безцѣнокъ произведенія революціонной печати, разъясняли фабричнымъ работникамъ и мастеровымъ, что живутъ они плохо и бѣдно, потому что хозяева, выжимая изъ нихъ сокъ, поль-

зуются перевѣсомъ своего состоянія и, его умножая потомъ бѣдныхъ, утопаютъ въ роскоши и обиліи.

Они проводили въ простолюдинахъ понятія, что для блага народа нужно такое правительство, которое не остановилось бы предъ такою общественною перестройкою страны, при которой все дѣлилось бы для общаго благоденствія, и фабрикантъ съ рабочими [дѣлился бы своими барышами.]

Исподоволь народъ былъ подготовляемъ къ мятежамъ демонстраціями и манифестаціями; то всѣ портные, то всѣ кузнецы, то всѣ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровые отказывались разомъ отъ работы, шумными толпами настаивая на уменьшеніе времени работъ и съ сокращеніемъ работы на увеличеніе имъ жалованья.

Коноводы въ Парижѣ хотѣли одного—*власти*, а ихъ бойцы готовы были дѣйствовать одинаково во Франціи, Германіи, Италіи, или Польшѣ, не смотря на различія цѣлей, которыми члены революціоннаго комитета прикрывали свои замыслы. Они провозглашали необходимость для Франціи и Германіи государственныхъ переворотовъ, для Италія-ея соединенія, для Польши-отторженія ея бывшихъ областей отъ Россіи, Австріи и Пруссіи, и на всѣ затаенныя побужденія была накинута мантія соціальныхъ реформъ для облагоденствованія человѣчества.

Революціонеры опоздали приготовленіями италіянской экспедиціи къ франкфуртскимъ продѣлкамъ, а возобновленіемъ мятежей во Франціи опоздали къ безцвѣтной прогулкѣ по Савоіи: но слишкомъ много было нетерпѣливыхъ взволнованныхъ умовъ, чтобы отложить до болѣе удобнаго времени,-и воФранціи безпорядки возобновились; частыя манифестаціи подготовляли мятежъ. Альберъ и журналистъ Ансельмъ Пететенъ были главными коноводами. Для послѣдняго толчка, *Кавеньякъ* и *Арманъ Карель*, собираясь изъ Парижа въ Ліонъ, желали чтобы съ ними ѣхалъ—на показъ революціоннымъ знаменемъ, воспѣтый революціоннымъ гимномъ, «сѣдовласый Лафайетъ [1]). Болѣзнь его задержала:» крайне сожалѣю, отвѣ-

---

[1]) C'est Lafayette en cheveux blancs.

чалъ онъ, что не могу лично раздѣлять опасности столь *отважнаго* и *почтеннаго* предпріятія, но я этихъ господъ снабжу письмами, которыя имъ будутъ полезны и уполномочиваю ихъ представиться моими наперстниками.» Въ тоже время изъ Парижа писали въ Ліонъ: «Парижъ, подобно Ліону, не нуждается въ сдерживаньи,—напротивъ онъ сильно нуждается въ подстрекательствѣ; впрочемъ, въ случаѣ надобности, мы васъ поддержимъ.»

Такъ, колебаніями и нерѣшительностью, Людовикъ допустилъ, что дѣйствительно внутри Франціи революціонная партія образовала свое государство. Чувствуя шаткость своихъ правъ на престолъ, онъ хитро соображаемыми изворотами, думалъ на немъ утвердить свою династію, и довелъ до того, что для мнимаго блага будущихъ поколѣній, провозглашаемаго честолюбцами и мечтательными утопистами, современники утратили всякую вѣру въ безопасность настоящаго, въ безопасность ихъ жизни и имуществъ. Работы пріостанавливались, теченіе правильной жизни общества честнымъ спокойнымъ трудомъ было парализировано, и кровь лилась на мостовыхъ городовъ Франціи. Жадно мирное населеніе ждало конца бѣдствій, конца постояннымъ своимъ тревожнымъ волненіямъ. Въ то время какъ внутри страны ученія революціонныхъ коноводовъ развращали народную нравственность и распаляли страсти, внѣ своихъ предѣловъ, униженная Франція теряла всякое значеніе и на ея дипломатическихъ сношеніяхъ того времени отразилось то неуваженіе европейскихъ кабинетовъ, которое было естественнымъ отношеніемъ ихъ къ правительству, не уважающему само себя. Глубоко скорбѣло о томъ большинство, здоровая часть населенія,—въ то время, какъ о революціонившееся меньшинство, вопреки самой Франціи, столь щекотливой ко всему, что касается славы народа, какъ бы радовалось униженію Франціи. Послѣдствія были бы еще печальнѣе, собственно для самыхъ жителей Франціи, если бы подобное теченіе дѣлъ продолжалось долѣе. Въ такую-то школу для окончательнаго своего воспитанія, попала польская эмиграція!

Съ 9 по 13 апрѣля 1834 года четыре дня лилась кровь на улицахъ Ліона. «Отважное и почтенное» предпріятіе заключа-

лось въ томъ, что работникамъ внушили мысль, что они живутъ въ бѣдности, а хозяева—фабриканты богато, что нужно установить другое правительство, которое уравняло бы барыши, и для того работникамъ друзьями народа будутъ розданы ружья, а войска ими приготовленныя не станутъ стрѣлять въ братьевъ, а напротивъ протянутъ имъ руку помощи. Войска штыками брали баррикады, артиллерія громила улицы, гранаты лопались на площадяхъ; даже внутри зданій совершались лютыя убійства въ борьбѣ между ожесточившимся солдатомъ и разсвирѣпѣвшимъ работникомъ; взаимно работникъ и солдатъ упрекали себя въ измѣнѣ и страшныя сцены убійствъ остались на долго памятными жителямъ Ліона. Поляки хвалились, что они выставили самыхъ неустрашимыхъ колоновожатыхъ поднятымъ къ мятежу работникамъ. Одинъ изъ нихъ, Рогинскій, былъ схваченъ въ самомъ азартѣ среди его уличныхъ подвиговъ.

Большинство съ омерзеніемъ отвернулось отъ этихъ сценъ ужасовъ; общественное мнѣніе взяло сторону порядка, мятежи прекратились и только покушеніе на Людовика Филиппа, адская машина Фіески (29 Іюля 1835 года) и выстрѣлъ Алибо (25 Іюня 1836) указывали, какимъ путемъ революціонная партія думала идти далѣе, разочарованная въ успѣхѣ баррикадъ и въ надеждѣ увлечь войска, искушая въ нихъ унтеръ офицеровъ.

Послѣ ліонской бойни, революціонная партія во Франціи затихла; въ затаенной работѣ она принялась набираться новыми силами. За новую работу принялись и польскіе эмигранты, своею трехлѣтнею дѣятельностью заявившіе самыя неотъемлемыя права на званіе дѣятельныхъ союзниковъ современныхъ революціонеровъ.

Козни противъ указа 4 сентября 1834 года. Въ совѣщаніяхъ руководителей молодой Европы коноводы польской эмиграціи пользовались особеннымъ значеніемъ. Они въ своемъ распоряженіи имѣли всегда многочисленныхъ бойцевъ; польскіе эмигранты—были кадры для формированія новобранцами всякихъ мятежныхъ сборищъ; понятно, потому, что коноводы эмиграціи дорожили ея численностью, располагая этими кондотьерами XIX вѣка, готовыми поддержать всякую революцію. Извѣстія изъ

края лѣтомъ 1834 г. поразили польскій комитетъ; онъ понялъ угрожавшую ему опасность и немедленно принялъ свои мѣры.

Указомъ $^{13}/_{25}$ февраля 1832 г. эмигранты были призываемы въ Россію для отвѣтовъ и оправданій при наряженныхъ судахъ. За ихъ отсутствіемъ, коммисіи продолжали свою работу и въ 1834 году ее окончили. Изъ числа арестованныхъ, 23 лица найдены особенно виновными и присуждены къ разнымъ наказаніямъ. Изъ отсутствующихъ особенно виновными было найдено 265 лицъ, заслуживающихъ казнь или каторжныя работы. Эмиграцію извѣщали изъ Варшавы, что для всѣхъ остальныхъ фельдмаршалъ полагаетъ просить амнистію. Коноводы знали, что множество изъ эмигрантовъ какъ были увлечены въ мятежъ, такъ были увлечены и за границу,—большинство—изъ боязни взысканія; имъ надоѣла скудная скитальческая жизнь, многіе тяготились ею. При первыхъ полученныхъ изъ Варшавы свѣдѣніяхъ, комитетъ заставилъ писать всѣ самыя искусныя свои перья; поставили на ноги самыхъ ярыхъ приверженцевъ революціи. Письма и агенты съ готовыми адрессами польскому комитету полетѣли изъ Парижа во всѣ кружки эмигрантовъ—распалить снова ихъ страсти, новыми узами связать ихъ съ эмиграціею, прежде нежели точныя распоряженія русскаго правительства будутъ извѣстны; даже для большаго подзадориванія умовъ былъ сочиненъ лже-манифестъ для поляковъ самый унизительный, который будто-бы уже написанъ въ Петербургѣ, и эмигранты своими подписями, въ теченіи августа мѣсяца, покрыли разосланныя декларація,—всѣ доставленныя обратно въ Парижъ ранѣе обнародованія истиннаго манифеста.

Въ этой декларацiи эмигранты заявляли, что они клянутся въ вѣчной враждѣ и мести русскому царю, что они возвратятся въ отечество не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ, и что въ какое бы время ни послѣдовала первая вспышка, она будетъ сигналомъ общаго возстанія всѣхъ областей бывшей Польши. Были эмигранты, которые въ своихъ письмахъ въ край, заявляли искреннее свое сожалѣніе о поспѣшности въ подписи деклараціи, особенно когда они прочли обнародованную амнистію отъ

4—16 сентября 1834 года, которою, дѣйствительно, кромѣ 265 человѣкъ, найденныхъ главными преступниками, со всѣхъ прочихъ сняты были всякія взысканія за ихъ политическія вины, и объявлено что никакимъ дальнѣйшимъ слѣдствіямъ они болѣе не подвергаются. Названные 265 человѣкъ были приговорены къ изгнанію навсегда изъ предѣловъ Имперіи, а въ случаѣ самопроизвольнаго ихъ возвращенія, они подвергались исполненіямъ приговора судной комиссіи. Въ спискѣ особенно виновныхъ преступниковъ заключалось 126 подпрапорщиковъ бывшей варшавской школы, 1 полковникъ (Скржинецкій), 1 маіоръ, 1 капитанъ, 36 поручиковъ и подпоручиковъ бывшихъ въ рядахъ польскихъ войскъ, 48 нижнихъ чиновъ, 29 студентовъ и учениковъ, 4 журналиста и 24 члена бывшаго польскаго сейма; изъ числа 165— семь были приговорены къ ссылкѣ, 249 къ повѣшенію, въ томъ числѣ Іоакимъ Лелевель, и девять къ отсѣченію головы,—въ ихъ числѣ былъ варшавскій сенаторъ, воевода, членъ администраціоннаго совѣта, князь Адамъ Чарторыйскій.

III.

ФИЗИЧЕСКІЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СѢВЕРО-ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЙ.

Ст. 2-я.

(*Продолженіе.*)

Недавно намъ попалась записка о распредѣленіи населенія по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 9 западныхъ губерніяхъ, составленная по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ. Мы воспользовались этими свѣжими данными, чтобы наглядно представить составные элементы народонаселенія сѣверо-западныхъ губерній.

Губерніи общее число жителей.	По народностямъ.					По вѣроисповѣд.			
	На 100 челов. приходится.								
	Русскихъ.	Поляковъ.	Литовцевъ.	Евреевъ.	Прочихъ.	Православн.	Р. Католик.	Евреевъ.	Прочихъ.
927,446 Могилевская...	85.9	2.9	0.1	10.6	0.4	85.9	3.0	10.6	0.4
1.064,830 Минская.........	78.4	12.1	—	9.2	0.3	72.9	17.6	9.2	0.3
882,446 Гродненская.....	77.8	10.0	0.3	10.7	1.0	54.8	33.4	10.7	1.0
818,885 Витебская.......	64.4	5.2	20.8	8.1	1.3	62.8	27.8	8.1	1.3
903,307 Виленская........	20.5	18.1	51.4	8.6	0.4	24.8	66.2	8.6	0.4
1,017,201 Ковенская........	3.3	2.4	82.2	10.3	1.7	3.4	85.1	10.3	1.1
Итого 5,614,115	54.3	8.6	26.0	10.0	0.9	50.0	39.2	10.0	0.8
Всего въ губер. (*) зап. 10.888,874	66.7	7.8	13.8	10.8	0.8	63.9	24.8	10.8	0.5

(*) Прибавивъ юговападныя губерніи, тоже бывшія долгое время подъ владычествомъ Польши—кіевскую, волынскую и подольскую.

Общій смыслъ этой таблицы совершенно согласуется съ историческими событіями и не противорѣчитъ видимымъ фактамъ.

Преобладающій народный элементъ составляютъ *русскіе*—3,056,631 д. об. п. бѣлорусскаго племени; но русскихъ очень мало въ ковенской губерніи, а въ виленской они уступаютъ другому значительному племени литовскому. Въ прочихъ четырехъ бѣлоруссы рѣшительно преобладаютъ надъ другими, только въ гродненской и минской является оттѣнокъ малороссійскаго племени, которое предъ всѣми другими племенами рѣшительню господствуетъ въ юго-западныхъ губерніяхъ.

За русскими слѣдуютъ *литовцы*—1,475,205 д. об. п. Но ихъ нѣтъ въ минской губерніи, а въ могилевской и гродненской очень мало. Они составляютъ сплошное населеніе — въ ковенской, въ западной половинѣ виленской и въ западномъ углу витебской губерніи, примыкая къ латышамъ остзейскаго края.

На русскихъ и литовцевъ должно смотрѣть какъ на аборигеновъ: они-то, въ данныхъ мѣстностяхъ, составляютъ основныя силы народной массы. Всѣ прочія племена поселялись въ разное время, со времени господства Польши, и изъ нихъ поляки составили верхній слой, или какъ они называютъ себя—*интеллигенцію* края, а евреи, которыхъ тяжелое минувшее западной Россіи рисуетъ не минуемыми спутниками польской интеллигенціи, заняли мѣсто между туземцами-крестьянами и пришлецами—панами тѣхъ и другихъ въ общей массѣ народноселенія.—несравненно менѣе нежели бѣлоруссовъ и литовцевъ: *евреевъ*—559,364 д. и *поляковъ* — 475,455 *). Первые разсѣяны по городамъ и мѣстечкамъ всѣхъ сѣверо-западныхъ губерній и при томъ почти въ одинаковой степени. Поляки тоже разсѣяны болѣе или менѣе значительными группами, составляя незначительную сплошную массу, только въ западной оконечности гродненской гу-

*) И изъ этой цифры едва ли 50 доля настоящіе поляки, переселенцы изъ Польши, всѣ же остальные природные русскіе, называющіеся поляками потому только, что ихъ предки, сдѣлавшись р. католиками, усвоили себѣ и польскую рѣчь, и польскіе обычаи, и польскій шляхетскій характеръ. *Ред.*

берніи. По всей вѣроятности, многихъ литовцевъ въ виленской губерніи причисляютъ къ полякамъ, какъ и въ другихъ губерніяхъ поляками называли всѣхъ бѣлоруссовъ, забывшихъ родную рѣчь и принявшихъ латинство.— Менѣе всего поляковъ въ могилевской и ковенской губерніяхъ, въ витебской ихъ очень мало (42 т.); а напротивъ въ виленской ихъ не много менѣе чѣмъ русскихъ.

Прочіе пришлые элементы *татары, нѣмцы* и другіе выходцы не составляютъ и одного процента.

Въ религіозномъ отношеніи, въ общемъ составѣ народонаселенія сѣверо-западныхъ губерній, преобладающі элементъ составляютъ послѣдователи греко-восточной церкви,—православные: 2,811,114 д. об. п.

Но въ смыслѣ преобладанія массы православныхъ надъ другими послѣдователями первое мѣсто принадлежитъ губерніямъ ближе стоящимъ къ Великороссіи— могилевской (85 %) минской и витебской; въ гродненской — является уже много послѣдователей римско-католической вѣры; затѣмъ римскіе католики рѣшительно преобладаютъ въ губерніяхъ ковенской (85 %) и виленской, найболѣе населенныхъ литовцами, какъ извѣстно обращенными въ латинство интригой пропаганды и насиліями польскихъ королей и нѣмецкихъ рыцарей.

Такимъ образомъ, по этнографическому складу народонаселенія, сѣверо-западныя губерніи распадаются на двѣ не равные группы: къ первой принадлежатъ *четыре* губерніи съ преобладающимъ элементомъ русскимъ и православнымъ: могилевская, минская, витебская и гродненская,—*бѣлорусскія;* вторую группу составляютъ *двѣ* губерніи съ преобладающимъ элементомъ литовцевъ и латинянъ—ковенская и виленская—губерніи *литовскія.*

Если еще обратимъ вниманіе на составъ населенія по состояніямъ въ каждой народности, то получимъ слѣдующія данныя, вполнѣ характеризующія соціальное положеніе, вытекающее изъ прошедшей жизни народныхъ элементовъ страны, испытавшей столько переворотовъ.

Племена.	Общее число душъ обоего пола.	На 100 челов. приходится.			
		Духовенства.	Дворянъ и чиновниковъ.	Городскихъ сословій	Сельскихъ и прочихъ сословій
Русскіе	3.056.631	$0._{8}$	$1._{9}$	$5._{3}$	$92._{0}$
Литовцы	1.475,205	$0._{2}$	$6._{1}$	$3._{9}$	$89._{8}$
Евреи	559.364	$0._{3}$	$0._{02}$	$99._{0}$	$0._{9}$
Поляки...	475.455	$0._{4}$	$34._{0}$	$20._{3}$	$45._{3}$
Прочія племена (нѣмцы, татары)	47.460	$0._{7}$	$18._{9}$	$8._{2}$	$72._{2}$
Всего	5.614.115	$0._{5}$	$5._{6}$	$15._{4}$	$78._{5}$

Сдѣлавъ перестановку рубрикъ въ этой таблицѣ, получимъ для различныхъ состояній слѣдующія данныя относительно племеннаго состава:

Состоянія.	Общее число.	На 100 челов. приходится.				
		Русскихъ.	Литовцевъ.	Евреевъ.	Поляковъ.	Прочихъ племенъ
Духовенства	31.937	$76._{0}$	$12._{1}$	$5._{4}$	$5._{2}$	$1._{3}$
Дворянъ и чиновниковъ......	318.149	$17._{9}$	$28._{4}$	$0._{03}$	$61._{8}$	$2._{8}$
Городскихъ сословій......... ...	866.917	$17._{7}$	$6._{7}$	$60._{9}$	$11._{1}$	$4._{6}$
Сельскихъ и другихъ соловій ...	4.397,112	$64._{3}$	$30._{0}$	$0._{03}$	$4._{8}$	$0._{8}$
	5,614,115	3.055,631	1.475,205	559,364	475,455	47,460

Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ сословія дворянъ, чиновниковъ и городскихъ обывателей гораздо многочисленнѣе, нежели въ какой либо изъ центральныхъ великорусскихъ губерній. Въ рязанской губерніи дворянъ $0._{8}\%$,

а городскихъ сословій 5.₇. Разница съ сѣверо-западными губерніями весьма чувствительная, ибо въ нихъ дворянъ относительно больше въ 7 разъ, а городскихъ сословій болѣе чѣмъ въ два раза. При этомъ замѣчается еще тотъ фактъ—что русскіе преобладаютъ въ сословіяхъ духовенства и сельскихъ обывателей, литовцы въ сословіи дворянъ и сельскихъ же обывателей, поляки въ сословіи дворянъ, евреи—въ сословіи городскихъ обывателей.

Духовенство вообще не многочисленно и отличающееся предъ прочими сословіями глубокимъ образованіемъ; въ немъ преобладаютъ русскіе, отчасти потому, что въ сословіи православнаго духовенства считаются ихъ семейства и лица принадлежащія духовному вѣдомству.

Многочисленное сословіе дворянъ, послѣ духовенства, наиболѣе образованное; но это образованіе, въ западныхъ губерніяхъ, большею частью поверхностное, такъ называемое *свѣтское*. Это сословіе дворянъ обладаетъ большими матеріальными средствами и почти все пропитано преданіями о погибшей шляхетской институціи, надѣлавшей столько зла Польшѣ,— оно состоитъ преимущественно изъ *поляковъ* 62 %; гораздо менѣе литовцевъ, а велико-русскіе дворяне состоятъ изъ чиновниковъ, не связанныхъ съ краемъ никакими традиціями, и имѣющихъ даже весьма слабое понятіе о своемъ положеніи въ странѣ, которую нѣкоторые изъ нихъ, по незнанію отечественной исторіи и этнографіи считаютъ чуждою.

Въ городскихъ сословіяхъ наиболѣе многочисленны *евреи*. Еврея нельзя представить себѣ внѣ города или мѣстечка.

На самомъ дѣлѣ изъ полумилліона евреевъ къ городскимъ сословіямъ принадлежитъ 99 % При разнообразномъ составѣ городскаго населенія они являются рѣшительно преобладающимъ элементомъ (евр. болѣе $^3/_5$).

Наконецъ въ сельскомъ населеніи наиболѣе многочисленны славяно-руссы (бѣлоруссы), а за ними литовцы (Жмудь, латыши); въ общемъ составѣ русскіе и литовцы составляютъ 94 %, т. е. въ сельскомъ населеніи почти нѣтъ евреевъ, весьма не много татаръ и нѣмцевъ и не много славянъ-поляковъ.

Такой разнообразный характеръ племеннаго состава, въ которомъ представителями дворянства служатъ поляки, представителями городовъ-евреи, а крестьянство состоитъ почти исключительно изъ бѣлоруссовъ и литов-

цевъ, проистекаетъ изъ прошедшихъ событій. Чтобы оцѣнить причины такой пестроты разныхъ элементовъ, надобно обращаться къ исторіи. Поэтому въ статистическихъ описаніяхъ сѣверо-западныхъ губерній—изложеніе исторической судьбы народа, не только полезно, но даже необходимо, ибо безъ знанія исторіи трудно уяснить себѣ характеръ современнаго положенія разнообразныхъ частей народонаселенія.

Обширное низменное пространство, покрытое въ IX вѣкѣ необозримыми лѣсами и болотами между Двиною и Припетью, Нѣманомъ и Днѣпромъ, занято было двумя племенами восточныхъ славянъ *дреговичами* и *кривичами;* къ нимъ причисляютъ и *древлянъ*, жившихъ по берегамъ р. Припети, а также *наревьянъ* и *бужанъ.*

По берегамъ Балтійскаго моря, по низовьямъ Вислы, Нѣмана и Западной Двины—обитало латышское или литовское племя, дѣлившееся также на множество группъ, изъ которыхъ болѣе замѣчательны—*куроны, семигаллы, летгаллы, пруссы, судавы, ятвяги, самогиты* и *литовцы. Ятвяги,*—жившіе по обоимъ берегамъ Бобра, до р. Нарева, (въ части гродненской губерніи) и *литовцы*—по берегамъ Виліи (въ нынѣшней виленской губерніи) были ближайшими сосѣдями восточныхъ славянъ.

Въ такомъ положеніи были разные отрасли двухъ различныхъ племенъ славянскаго и литовскаго въ то время, когда варяго—руссы образовали русскую монархію, въ составъ которой въ половинѣ X вѣка вошли всѣ восточные славяне до Буга и Нѣмана.

Таково историческое мнѣніе, утвердившееся между писателями—какъ польскими, такъ литовскими и русскими.

Обращаемся собственно къ минской губерніи, на пространствѣ которой въ древнее время жили *дреговичи,* къ сѣверу отъ нихъ *кривичи,* а къ югу—*древляне.* Мы не можемъ никакъ согласиться съ г. Зеленскимъ, который приводитъ рукописное изслѣдованіе игумена Анатолія о ятвягахъ, жившихъ будто бы по р. Припети отъ Мозыря до Пинска. (*) Догадку, основанную на весьма сомнительныхъ данныхъ, нельзя вводить въ область науки и приводить положеніе давно опровергнутое лучшими польски-

(*) Матеріалы I, 403.

ми и литовскими писателями, отъ Кромера до Ярошевича и Лелевеля, что ятвяги будто бы были чисто славянскимъ племенемъ.

Въ концѣ X вѣка на пространствѣ нынѣшней минской губерніи явились княжества *туровское* и *изяславское*, позднѣе упоминается—въ 1066 г.—о *Минскѣ*, въ 1071 г.—о *Логожскѣ* (м. Логойскъ—борисовскаго уѣзда), въ 1097 г.—о *Пинскѣ*, въ 1116 г.—о *Случескѣ* (Слуцкъ) и *Новогородѣ* (Новогрудкѣ), въ 1128—о *Городно* (мѣстечко пинскаго уѣзда), *Клеческѣ* (м. Клецкъ—слуцкаго уѣзда) и *Борисовѣ;* въ 1147—о *Брягинѣ* (м. Брягинъ, рѣчицкаго уѣзда), въ 1155—о *Мозырѣ*, въ 1224—о *Несвижѣ* (*).

Въ XI и XII столѣтіяхъ, говоритъ г. Зеленскій, на пространствѣ нынѣшней минской губерніи образовались два ряда удѣловъ,—одинъ (сѣверо-восточная часть губерніи) входилъ въ составъ полоцкаго княжества, другіе удѣлы, заключавшіе нынѣшніе уѣзды рѣчицкій, мозырскій, пинскій, слуцкій, новогрудскій (можетъ быть и часть бобруйскаго), постоянно находились въ зависимости отъ князей кіевскихъ. Борьба между кіевскими и полоцкими князьями кончилась, какъ извѣстно въ 1127 г., торжествомъ дома Мономахова, и всѣ удѣльныя княжества въ нынѣшней минской губерніи соединились подъ властію внука Мономахова Изяслава Мстиславича. (**)

Съ этого времени, кажется, исчезаетъ названіе земель дреговичей и кривичей; ихъ замѣщаютъ удѣлы, въ которыхъ сидятъ русскіе князья, ведущіе безпрерывныя междоусобныя войны за обладаніе тѣмъ или другимъ городомъ. Раздробленность удѣловъ дошла до такой крайности, что передъ появленіемъ монголовъ, все пространство минской губерніи, состоящее теперь изъ 9 уѣздовъ, заключало въ то время до 14 удѣльныхъ княжествъ, стремившихся къ независимости и совершенно истощенныхъ въ безпрерывной борьбѣ князей между собою.

Но еще въ началѣ XII столѣтія, а по словамъ Ярошевича и ранѣе, на русскія земли начинаются набѣги дикихъ и воинственныхъ литовцевъ, которые, пользуясь слабостію сосѣдней Руси, раздираемой усобицами, мало—по малу развиваютъ свои силы, крѣпнутъ и выдвигаются

(*) Матеріалы I, 404 и 405.
(**) Матеріалы I, 14 и 405.

на историческую сцену грозными и могущественными завоевателями. Въ половинѣ XII вѣка опустошительный мечь литовцевъ проникалъ до Мозыря, Турова, Пинска и далѣе на югъ, по ту сторону Припети до Владиміра (волынскаго) и Луцка (*), а въ началѣ XIII столѣтія, передъ нашествіемъ монголовъ, Рингольдъ упрочилъ власть свою въ литовскомъ княжествѣ (1235).—Почти въ тоже самое время (1241 г.) окрестности Мозыря, Пинска, Клецка, Слуцка и Новогрудка были опустошены монгольскими ордами.

Однако до временъ *Гедимина*, т. е. до половины XIV столѣтія, зависимость сосѣднихъ русскихъ удѣльныхъ князей отъ литовскихъ была слабая, по причинѣ вторженія монголовъ и несогласій въ землѣ литовской. Даніилъ и Василько съ успѣхомъ отражали оружіе Мендога и не разъ наносили чувствительные удары литовцамъ.

Только *Гедиминъ* (1315—1340), распространивъ свою власть надъ кіевскимъ, черниговскимъ и владимірскимъ княжествами, сталъ именоваться *великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ* и окончательно подчинилъ своей власти нѣкоторыхъ русскихъ князей. Потомки ихъ еще долго не угасали, являясь дѣятелями на поприщѣ управленія различными частями государства, какъ вассалы великихъ князей литовскихъ изъ дома Гедимина. Они становились подъ *хоругвь великаго князя*, наравнѣ съ природными литовскими князьями получали въ управленіе области и, сохраняя въ нихъ вассальную власть, раздавали меньшія части въ полную зависимость.

Такъ положено въ западной Россіи начало феодальной системы. (**)

Съ половины XIV столѣтія, надъ частію Россіи, составившей великое княжество литовское, утверждается, власть потомковъ Гедимина, частію завоеваніями, частью же родственными связями. Но при такомъ переходѣ власти отъ дома Владиміра Св. въ родъ Гедимина оставались неприкосновенными всѣ главныя условія русскаго быта:—*церковь греческая* (православно каѳолическая), *русскій языкъ*, *русскіе обычаи* и *русское управленіе;* безусловная покорность русскаго народа монархической власти

(*) Матеріалы I, 15.
(**) Ярошевичь.

князей, какъ и въ древней Руси, составляла постоянно отличительную черту всѣхъ славянъ, подпавшихъ владычеству Литвы.

Въ сохраненіи условій русской народности клялся князьямъ и боярамъ Гедиминъ, а дѣти его роднились съ русскими князьями, употребляли при виленскомъ дворѣ бѣлорусскій языкъ, исповѣдывали греческую вѣру и удерживали должностныхъ лицъ съ русскими названіями-намѣстниковъ, воеводъ, тіуновъ.—Литва, бывшая на низшей степени гражданскаго развитія, сравнительно съ русскими княжествами, быстро начинала усвоивать коренные русскіе элементы;—завоеватели-меньшинство, въ силу превосходства цивилизаціи, готовы были слиться съ побѣжденными—большинствомъ и образовать одно сильное русское государство, населенное однимъ народомъ, съ одною вѣрою, съ однимъ языкомъ, съ единымъ верховнымъ самодержцемъ:—въ Европѣ, по сосѣдству съ Польшею и меченосцами, готовилась грозная русская стихія.

Въ то время Польша, усиленная Червонной или Галицкой Русью, которую захватилъ по праву сильнаго Казиміръ Великій, переживала періодъ самодержавной неурядицы, когда князья, епископы и бароны ограниченіемъ власти князей, достигли крайней степени разнузданности, а народъ, въ тишинѣ своего труда, терпѣлъ притѣсненія и насилія. Хотя хенцинскій (1331), вислицкій (1347) и другіе сеймы открывали ему доступъ къ представительству, но пакта—конвента съ Людовикомъ Анжуйскимъ окончательно усилили власть рыцарскаго сословія—лехитовъ—шляхты, которая, захвативъ въ свои руки всѣ народныя силы и, въ періодъ отъ 1374 до 1607 г., усвоивъ демократическій духъ скрѣпляетъ разнузданныя силы, и безразсудно попираетъ народную массу; но въ свою очередь, вслѣдствіе удивительной политической бестактности, — шляхта разлагается и переходитъ въ олигархію аристократовъ, приготовившихъ вмѣстѣ съ фанатизмомъ іезуитовъ, паденіе Польши. (*)

Сосѣдство могущественнаго литовско — русскаго княжества пугало шляхетство и папское духовенство, кото-

(*) Лелевель.

рыя успѣли обольстить одного изъ внуковъ Гедимина Ягеллу величіемъ польской короны: въ 1387 году Ягелло получилъ руку Ядвиги, послѣдней изъ дома Пястовъ, принялъ латинскую вѣру и сталъ королемъ польскимъ.

Ягелло, надѣвая польскій вѣнецъ, обѣщалъ въ наслѣдственныхъ своихъ областяхъ ввести р. католическую вѣру и литовско—русскій народъ слить съ польскимъ въ одно цѣлое. Это событіе не только положило преграду дальнѣйшему развитію *русскихъ элементовъ* въ Литвѣ, не только пріостановило ихъ развитіе въ чисто русскихъ земляхъ, но было гибельнымъ предвѣстіемъ насильственныхъ мѣръ къ ихъ подрыву; ибо вся дальнѣйшая исторія литовскаго государства заключается въ стремленіи поляковъ замѣнить православную вѣру латинскою,—русскому языку противопоставить польскій, расшатать всѣ основы русской народности и на всемъ пространствѣ западной Россіи отъ Днѣпра до Буга, Балтійскаго и Чернаго морей—водрузить польское знамя, польскій гербъ, папство, шляхетство, разнузданность нравовъ, своеволіе высшихъ и порабощеніе низшихъ. Однимъ словомъ имъ хотѣлось стереть съ лица земли народности литовскую, бѣлорусскую и малороссійскую не путемъ прогресса, а насильственными пріемами гнета и порабощенія.

И что могла хорошаго сообщить своимъ сосѣдямъ Польша, болѣзненно усвоившая европейскую цивилизацію?—Произволъ шляхты, латинство, искаженіе деревняго славянскаго начала, порабощеніе слабаго, угнетеніе невиннаго? Цивилизація Польши, состоявшая въ необузданномъ своеволіи и роскоши, мало по малу охватила всѣ высшія сословія въ литовскомъ государствѣ, заразила ихъ неукротимыми страстями безначалія, расшатала православную церковь и внесла сѣмена разложенія во всѣ отрасли управленія.

Знаменитою по своей нетерпимости грамотою, данною въ Вильнѣ 20 февраля 1387 г., Ягелло объявилъ римско-католическую вѣру господствующею. Въ силу этой изувѣрской грамоты ренегата право распоряжаться наслѣдственными имѣніями получали, по примѣру *польской шляхты только бояре, исповѣдующіе латинскую вѣру.*

Послѣ городельскаго съѣзда 1413 г., въ Литвѣ и на Руси появился привиллегированный классъ *шляхты*, образо-

вавшейся частію изъ туземцевъ-литовцевъ и русскихъ, частію изъ польскихъ выходцевъ. Прежніе бояре литовскіе и русскіе мало по малу переходили въ низшій классъ; шляхта начала давать названіе бояръ своимъ дворовымъ слугамъ, появились бояре вотчинные, вольные, панцырные, путные и служки, о которыхъ упоминается въ литовскомъ статутѣ и въ старинныхъ актахъ. По проискамъ латинства, учреждена особая православная митрополія; на мѣсто Фотія, ненавидѣвшаго латинство, избранъ Григорій Цимблакъ (1415), ѣздившій на поклоненіе въ Римъ. Потомъ короли стали вводить въ Руси и Литвѣ организацію управленія и суда по образцу Польши: въ 1468 г. положено начало двумъ палатамъ государственнагò совѣта *сенаторской и посольской*, при чемъ входили въ употребленіе провинціальные съѣзды-*сеймики*. Области великаго княжества литовскаго по управленію стали дѣлиться на воеводства, такъ что нынѣшнія сѣверо-западныя губерніи съ 1506 г. входили въ составъ виленскаго, минскаго (1413), трокскаго, новогрудскаго (1500), витебскаго (1506) и брестскаго (1569) воеводствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ учреждались суды *городскіе, земскіе, воеводскіе* и польскія должностныя лица: *воевода, каштелянъ, подскарбій* и т. д.

Со временъ Ягелла стали раздавать городамъ *нѣмецкое* муниципальное право съ должностями войтовъ, бургомистровъ и лавниковъ. Грамотою Казиміра Ягелловича 2 мая 1457 г. запрещено частнымъ владѣльцамъ принимать къ себѣ крестьянъ великаго князя, который съ своей стороны обѣщалъ не принимать въ свои помѣстья чужихъ крестьянъ. Рядомъ съ городскимъ самоуправленіемъ, обезпечивавшимъ право личной свободы мѣщанъ, вводили актъ прикрѣпленія крестьянъ къ помѣщичьей землѣ съ лишеніемъ личной свободы!

Все XV и начало XVI столѣтій прошли въ подготовленіи вліянія Польши на Литву и Русь, и вліяніе поляковъ уже ясно обозначилось какъ во внутреннемъ управленіи, судѣ и расправѣ, такъ и въ гражданскихъ правахъ дворянскаго сословія и въ религіозныхъ нововведеніяхъ; по литовскимъ и русскимъ областямъ расползлось множество латинскихъ орденовъ и разныхъ протестантскихъ сектъ.

Литовско-русскіе князья и вельможи видѣли къ чему клонились дѣйствія поляковъ. Въ предлагаемой съ ними

гражданской уніи они предвидѣли упадокъ самобытности и политическаго значенія и предчувствовали вторженіе поляковъ для занятія высшихъ государственныхъ должностей.

Федька Острожскій, Гастольдъ и Глинскій были представителями оппозиціи литовско-русскихъ вельможъ, старавшихся уничтожить надежды на осуществленіе плана сліянія съ Польшею литовско-русскаго государства. Нерѣдко дѣло доходило до междоусобія; но польскіе короли, начиная съ Казиміра Ягелловича, умѣли разрушать оппозицію частію хитростію, частію льготами: ихъ прельщала не столько польская корона, сколько богатыя наслѣдственныя имѣнія въ Литвѣ и на Руси, которыхъ они не хотѣли потерять, отказавшись разъ навсегда отъ литовскаго княжества.

Не разъ съѣзжались литовско-русскіе чины для противодѣйствія польскимъ притязаніямъ. Особенно часты съѣзды повторялись при Казимірѣ, когда вельможи просили короля назначить имъ особаго государя. Протестъ Глинскаго былъ послѣднимъ проявленіемъ оппозиціи русской аристократической партіи. Послѣ его паденія дѣло соединенія все болѣе и болѣе приближалось къ цѣли, обозначенной Ягелломъ, такъ что по смерти Александра титулы короля польскаго и великаго князя литовскаго соединились въ лицѣ Сигизмунда I и наслѣдника его Сигизмунда II августа.

Въ половинѣ XVI вѣка городельская идея была вполнѣ развита, важнѣйшіе посты въ Литвѣ и на Руси были заняты польскими приверженцами; литовская шляхта не могла оказать сопротивленія соединенію по причинѣ дарованныхъ льготъ, и хотя русскій языкъ былъ еще долго господствующимъ, но польскій уже сдѣлалъ значительныя завоеванія въ высшемъ кругу; православная вѣра была унижена, права ея послѣдователей подорваны въ основаніи, многіе русскіе, соблазненные привиллегіями польской шляхты, приняли протестанство, другіе пристали къ флорентійской уніи, третьи приняли латинство. Соединеніе обоихъ народовъ было выгодно и необходимо для большинства чиновъ государственнаго совѣта. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда представители обоихъ народовъ собрались въ Люблинъ на зловѣщій сеймъ 1569 года.

Извѣстны результаты этого сейма. Не смотря на сопротивленіе гетмана Николая Радзивилла Чернаго, не поѣхавшаго

въ Люблинъ, и другихъ вельможъ, не хотѣвшихъ и слушать о соединеніи съ Польшею и на колѣняхъ умолявшихъ Сигизмунда Августа объ удовлетвореніи ихъ просьбы, унія была кое-кѣмъ подписана.

Этотъ актъ былъ послѣднимъ варварскимъ пріемомъ къ насильственному подавленію въ западномъ краѣ всѣхъ элементовъ русской народности. Съ этого времени польско-шляхетско-католическое вліяніе на литовско-русскій народъ распространялось съ возрастающею быстротою. Уже не одни высшіе литовско-русскіе дворяне вступали въ тѣсныя сношенія съ поляками, но ихъ своеволіемъ заражался весь класъ люда, получившаго право участвовать на сеймахъ. Теперь поляки получили возможность занимать въ литовскомъ княжествѣ различныя должности, владѣть цѣлыми областями и быть правителями народа въ дѣлахъ духовныхъ и мірскихъ.

Дѣйствительно, послѣ люблинской уніи владычество Польши надъ Литвою и Русью отмѣчены въ исторіи насильственными мѣрами съ цѣлью не подрывать только, но искоренять основныя элементы русской народности: вводится *церковная унія*, за которой слѣдовало угнетеніе православнаго населенія; фанатическая нетерпимость латинянъ, руководимыхъ іезуитами, выражается постоянными открытыми преслѣдованіями диссидентовъ; является самоуправство шляхты и пановъ, которые присвоили себѣ право жизни и смерти надъ хлопами; вмѣстѣ съ тѣмъ выводили изъ употребленія русскій языкъ, который въ концѣ XVII столѣтія замѣненъ польскимъ—не только въ домахъ дворянъ, измѣнившихъ вѣрѣ и русской народности, но въ судопроизводствѣ и въ присутственныхъ мѣстахъ.

Передъ паденіемъ Польши, составныя части населенія, особенно въ русскихъ земляхъ, представляли страшную смѣсь—сословныхъ преимуществъ, религіозныхъ убѣжденій, обычаевъ, понятій..... Все вдвинутое насильственнымъ путемъ, все что пришло изъ Польши, вся эта чуждая цивилизація, не только не увеличила нравственныхъ силъ, но разслабила ихъ, раздвоила народности рѣзкими гранями.

Народъ бѣлорусскій отшатнулся отъ пановъ и, стра-

дая отъ ихъ насилія, передавалъ дѣтямъ своимъ и внукамъ враждебное настроеніе ко всему польскому, шляхетскому.

Какъ бы то ни было, но 200 лѣтнее владычество Польши надъ Западной Россіей такъ глубоко въѣлось въ эту несчастную страну, что и теперь остались неизгладимые слѣды полонизаціи на всей поверхности народняго и общественнаго быта. И теперь еще, говоритъ г. Зеленскій, по прошествіи 68 лѣтъ со времени присоединенія западнаго края къ Россіи, языкъ, вѣра и самый составъ населенія, носятъ сильнѣйшій отпечатокъ чуждаго коренному населенію вліянія. (*)

Общій историческій очеркъ, изложенный г. Зеленскимъ довольно сжато, достаточно уясняетъ стремленіе поляковъ и латинянъ ослабить русскую народность усиленіемъ враждебныхъ ей элементовъ. Жаль только, что авторъ уступилъ изъ виду евреевъ, которые въ политическомъ положеніи страны со времени Любинской уніи играли весьма важную роль. Объ нихъ говориться нѣсколько въ статьѣ „о племенахъ“ и во всемъ сочиненіи мѣстами приводятся факты, весьма неблагопріятно рисующіе этотъ народный элементъ. Съ другой стороны, указывая на быстрые успѣхи насильственныхъ вторженій цивилизующихъ верхніе слои западно-русскаго народа, подъ вліяніемъ которыхъ въ дворянскомъ сословіи стиралась русская народность, г. Зеленскій недостаточно, по нашему мнѣнію, выяснилъ причины, почему русская народность такъ хорошо сохранилась въ низшихъ слояхъ населенія. Доселѣ мы еще довольно бѣдны источниками, чтобы представить полную и живую картину народныхъ страданій подъ гнетомъ польскаго владычества. Но достаточно было—бы нѣсколькихъ указаній, чтобы понять, въ какомъ положеніи былъ бѣлорусскій крестьянинъ съ первыхъ временъ владычества польской и ополяченной шляхты.

Не смотря на двухъ—вѣковое владычество Польши, сопровождаемое всѣми способами угнетенія православныхъ и всякаго рода усиліями къ искорененію элементовъ русской народности, коренное населеніе минской губер-

---

(*) Матеріалы I, 36.

ніи, говоритъ авторъ „состоитъ изъ славяно—руссовъ, потомковъ древнихъ дреговичей и кривичей, утратившихъ въ первой половинѣ XII вѣка прежнія свои прозванія и извѣстныхъ, во времена владычества Литвы и Польши, подъ именемъ *бѣлоруссовъ и черноруссовъ*. Послѣднія два прозванія сохранились и въ настоящее время, не смотря на то, что обѣ родныя вѣтви одного и того же имени славянскаго, элемента чисто—русскаго, слились уже до такой степени, что теперь, по нашему мнѣнію нѣтъ уже никакой возможности указать на тѣ характеристическія черты, которыя отличали бы одно народонаселеніе отъ другаго (*)“ Авторъ отказывается провести вѣрное разграниченіе между тѣми и другими, хотя признаетъ возможность разницы въ образѣ жизни, нравахъ, одеждѣ и разговорной рѣчи не только во время владычества Польши, но и теперь. Жаль, что авторъ упустилъ изъ виду разрѣшеніе этого важнаго вопроса,—на основаніи этнографическихъ изысканій, къ чему имѣлась полная возможность. Достаточно было—бы для этого представить образчики народной рѣчи въ разныхъ мѣстностяхъ, выписать нѣсколько народныхъ пѣсенъ, сдѣлать очеркъ обычаевъ и вообще народной жизни.

Мы, конечно, не добиваемся полнаго трактата объ этнографіи, но въ столь серіозномъ сборникѣ матеріаловъ полагаемъ нельзя пройдти молчаніемъ важныхъ этнографическихъ указаній изъ современной жизни. Разъясненіе этихъ вопросовъ въ западной части Россіи чрезвычайно важно, и едва ли можно относиться равнодушно къ русской народности въ странѣ столько времени бывшей подъ тяжкимъ гнетомъ польскаго владычества.

Вся коренная масса населенія (бѣлоруссы, черноруссы и полѣсяне) говоритъ бѣлорусскимъ языкомъ и большею частію исповѣдуетъ православную вѣру. И только дворянство, чиновники, однодворцы и часть мѣщанъ говорятъ по польски и исповѣдуютъ латинскую вѣру,—такъ—что теперь, въ общей массѣ населенія минской губерніи $^7/_{10}$ населенія (въ 1860 г. 708, 457 д. об. п.) исповѣдуетъ

(*) Матеріалы I, 408.

православную, а $\frac{1}{5}$ ч. (170,836 д. об. п.) римско—католическую (*).

Авторъ не признаетъ въ Минской губерніи присутствія поляковъ, какъ особаго племени; часть населенія, которая именуетъ себя поляками, отдѣлилась отъ своего цѣлаго въ силу историческихъ событій, принявъ р.-католическую религію, польскіе нравы, языкъ и обычаи. Такое разложеніе славяно—русскихъ племенъ совершалось постепенно, вслѣдствіе постоянныхъ усилій польскаго правительства и духовенства со временъ городельскаго акта, а еще болѣе послѣ люблинской уніи.

Убѣжденіе въ принадлежности къ польской націи вкоренялось во всѣхъ слояхъ русскихъ семействъ бояръ и дворянъ, которые, прельстившись привиллегіями Ягеллоновъ и возбуждаемые латинской пропагандой, принимали польскіе гербы, измѣняли религіи своихъ предковъ, забывали свой родной языкъ и получая воспитаніе за границей, въ Краковѣ или Варшавѣ, входили въ составъ шляхты. Сперва эта шляхта была ниже польской и даже относилась къ ней враждебно, но когда полонизація въѣлась въ ея организмъ, тогда забылось происхожденіе отъ дворянъ и бояръ русскихъ и православныхъ. Огинскіе, Тышкевичи, Сапѣги, Воловичи и проч. уже не считаютъ себя русскими. По исторіи этихъ русскихъ родовъ можно развѣ только прослѣдить дѣйствительныя, хотя и принудительныя, мѣры польскаго правительства къ ополяченію первобытнаго русскаго края. „Благодаря усердію незабвенныхъ іезуитовъ и римскаго духовенства, р. католичество, этотъ чуждый элементъ, пустило здѣсь сильные корни не только въ высшемъ классѣ, но и въ значительной части простаго народа, бывшихъ уніятахъ (**).“

Собственно польскихъ фамилій, ведущихъ свой родъ отъ выходцевъ поляковъ весьма не много.

Г. Зеленскій, отвергая положительными доводами существованіе поляковъ въ минской губерніи, какъ особаго племени, тѣмъ не менѣе признаетъ, что все высшее р. католическое общество минской губерніи, значительная масса мѣщанъ и нѣкоторое число однодворцевъ и крестьянъ,

(*) Матеріалы I, 41.
(**) Матеріалы I, 411.

исповѣдующихъ латинскую вѣру и говорящихъ по польски, должны быть отдѣлены отъ бѣлоруссовъ; но онъ не опредѣляетъ ихъ числа.

Нельзя отрицать совершившихся фактовъ полонизаціи, которая еще не давно въ той же минской губерніи отразилась рьянымъ сочувствіемъ къ варшавскимъ уличнымъ продѣлкамъ. Нельзя считать русскимъ или бѣлорусскимъ того, кто съ ненавистію презираетъ Россію и все русское!...

По этому Эркертъ считаетъ поляковъ до 116,000, а по таблицамъ министерства внутреннихъ дѣлъ до 150,000 д. или 12%. Стало быть поляковъ сравнительно съ русскими весьма мало.— Бѣлоруссовъ и полѣсянъ въ шесть разъ болѣе, нежели поляковъ.

Православные, какъ мы сказали, тоже составляютъ значительное большинство 72%. Однако эта пропорція справедлива только для низшихъ сословій. Въ сословіи дворянъ и чиновниковъ на 100 православныхъ приходится 239 р. католиковъ. Въ городахъ папистовъ тоже живетъ гораздо болѣе нежели въ селахъ, но въ послѣднихъ преобладаютъ русскія народныя стихіи: въ первыхъ на 100 православныхъ 76, а въ уѣздахъ 23 паписта. Въ минскомъ уѣздѣ латинянъ почти столько же сколько православныхъ; тогда какъ въ рѣчицкомъ на 100 православныхъ только 6, въ бобруйскомъ 8, а въ мозырскомъ 9 р. католиковъ.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ, болѣе благопріятныхъ по свойствамъ физическихъ элементовъ, количественное отношеніе папистовъ вообще значительно (болѣе 35%), тогда какъ въ южныхъ, крайне скудныхъ по свойствамъ своей природы, число ихъ весьма незначительно (9%).

Эти замѣчательныя явленія, выставленныя г. Зеленскимъ такъ рельефно (I, 413 и 414), приводятъ къ тому заключенію, что латинскій элементъ вторгался болѣе тамъ, гдѣ находилъ болѣе приволья къ жизни.

Г. Зеленскій въ минской губерніи считаетъ около 25,000 православныхъ дворянъ (I,415). Все это дворянство, за исключеніемъ ничтожнаго числа чиновниковъ и помѣщиковъ, состоитъ изъ такъ называемой околичной и чиншевой шляхты, живущей отдѣльными околицами и застѣнками, или разсѣянной особыми дворами по помѣщичьимъ землямъ и платящей за занимаемую землю чиншъ или оброкъ. Эта православная шляхта, также какъ и р. като-

лическая, по образу жизни, ни чѣмъ не отличается отъ крестьянъ,—такъ же груба, невѣжественна и безграмотна; однако она пользуется правами потомственнаго дворянства.

Послѣ славянъ православной и римско-католической вѣры, къ которымъ слѣдуетъ причислить до 4,000 великороссовъ (*) старообрядцевъ, поселившихся со временъ Петра Великаго, слѣдуютъ *евреи*, которыхъ число, по удостовѣренію г. Зеленскаго, несравненно болѣе того, сколько показываютъ оффиціальные источники.

Г. Зеленскій, въ опредѣленіи значенія этого чуждаго племени, не увлекается умозрительными взглядами, подобно нѣкоторымъ изъ нашихъ достопочтенныхъ теоретиковъ—статистиковъ и публицистовъ; онъ доказываетъ фактами неоспоримую истину, что евреи въ средѣ славянъ западной Россіи представляютъ замкнутый и даже враждебный Россіи и коренному населенію края элементъ.

Избитая современная фраза „угнетенное положеніе евреевъ,“ сдѣлавшаяся для нѣкоторыхъ господъ аксіомою, есть не болѣе какъ ни на чемъ не основанная фраза. Въ западныя области нынѣшней Россіи евреи начали переселяться съ XII столѣтія изъ Германіи. Въ то время, когда Европа жала и презирала іудеевъ, они находили гостепріимный кровъ у королей польскихъ, князей галицкихъ и литовскихъ. Отъ временъ Витольда и до Сигизмунда Августа, переселенія евреевъ изъ Европы были весьма значительны, вслѣдствіе льготъ, открывавшихъ въ Литвѣ и литовской Руси значительное для нихъ поприще. Мало по малу, съ расширеніемъ правъ, въ руки евреевъ стали переходить капиталы, а съ ними усиливалось ихъ вліяніе на промышленность, торговлю и администрацію. Въ XVI вѣкѣ уже открыто нападаютъ на злоупотребленіе евреевъ, обвиняя ихъ въ поддѣлкѣ товаровъ, монетъ, печатей и т. д. Послѣ люблинской уніи, евреи, въ религіозномъ отношеніи, пользовались большими правами нежели православные; польскіе старосты и магнаты, получая отъ евреевъ деньги, высосанные у крестьянъ, оказывали имъ покровительство и въ судахъ, и на сеймахъ. Евреи мало по малу добивались права торговли въ городахъ, устройства синагогъ, которыя

(*) Откуда г. Эркертъ набралъ болѣе 50,000 великороссіянъ? у г. Зеленскаго объясненія этого факта мы не нашли.

иногда строились на мѣстахъ православныхъ церквей, владѣнія домами, но при этомъ сохраняли свое *кагальное* общинное управленіе, дававшее имъ необыкновенную силу; еврейскія общества были какъ бы отдѣльныя государства въ государствѣ.

До паденія польской республики, евреи до такой степени размножились, что въ исходѣ XVIII столѣтія, въ населеніи нѣкоторыхъ городовъ, стали преобладающимъ элементомъ—элементомъ чуждымъ націи по вѣрѣ, языку, понятіямъ, образу жизни и своему общественному устройству. Понятно было стремленіе русскаго правительства сблизить евреевъ съ туземцами.

Но непрерывнымъ рядомъ узаконеній, имѣвшихъ въ виду благодѣтельныя мѣры для евреевъ, какъ русскихъ подданныхъ, кажется, и до нашего времени не достигнуто цѣли. Къ стыду своему, евреи и теперь не гнушаются называть славянъ западной Россіи, которые отъ нихъ такъ много терпѣли, *своими опасными, случайными сосѣдями!*...

Въ минской губерніи по оффиціальнымъ даннымъ считается около 100,000 евреевъ, до $\frac{1}{10}$ доли всего населенія. Г. Зеленскій доказываетъ, что цифры эти далеко не вѣрны. По 10 ревизіи еврейское населеніе уменьшилось на 22,230 д. об. п. (т. е. почти на $\frac{1}{4}$ ч.); такое уменьшеніе не вѣроятно, это фактъ не оправдываемый никакими данными. Дѣтей до 5 лѣтъ у евреевъ насчитано по той же ревизіи 2.$_2$ %, а у христіанъ 14.$_2$ %. Это фактъ нелѣпый, не только не оправдываемый законами физіологическими и положеніями науки, но противорѣчащій извѣстной плодовитости евреекъ. И такъ перепись о евреяхъ не заслуживаетъ никакого довѣрія: „я убѣжденъ, говорилъ г. Зеленскому одинъ его знакомый бывшій еврей, что изъ трехъ евреевъ мужескаго пола едва одинъ записанъ въ ревизіи (*).“ И потому справедливо замѣчаетъ г. Зеленскій, что при болѣе точномъ исчисленіи народонаселенія, отношеніе евреевъ къ общей массѣ дойдетъ до $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{7}$ и даже $\frac{1}{6}$. По нашему мнѣнію, послѣдняя дробь наиболѣе вѣроятная.

Мы убѣждаемся въ прискорбномъ фактѣ о большой неточности нашихъ ревизій. „Да и зачѣмъ, сказавши правду, еврей станетъ записывать своего сына въ ревизскія

(*) Матер. I, 631.

сказки, если это можетъ повести только къ увеличенію лежащихъ на немъ повинностей, и если безъ паспорта у нихъ можно жить такъ легко и такъ привольно? При томъ въ случаѣ надобности, каждый еврей можетъ получить и десять паспортовъ, только на чужое (вымышленное) имя. Вѣдь говорятъ же, что въ одномъ мѣстечкѣ виленской губерніи, гдѣ считалось около 75 ревизскихъ душъ евреевъ, выдано въ годъ до 500 годовыхъ паспортовъ (*).“

Но мы миримся съ неточностію еврейскаго населенія и, согласно съ выводами г. Зеленскаго, готовы допустить такія положенія: 1) Еврейское населеніе составляетъ $^1/_9$ ч. общаго населенія. 2) Около $^2/_5$ евреевъ живетъ въ городахъ, остальные въ мѣстечкахъ, т. е. евреи разсѣяны по всему пространству запада Россіи, занимая исключительно одни промышленные центры и высшіе административные пункты. 3) На 100 городскихъ жителей приходится не менѣе 60 евреевъ.

Вся торговля въ рукахъ евреевъ; изъ 2105 купеческихъ и мѣщанскихъ лавокъ только *сто* принадлежитъ христіанамъ, остальные 2004 евреямъ.

Болѣе половины евреевъ слѣдуетъ причислить къ разряду мѣщанъ *неосѣдлыхъ*. „Эти несчастныя семейства, неимѣющія ни кола, ни двора, живущія въ грязи и нищетѣ, не знающія, при всей своей охотѣ (?) къ труду, какъ перебиться завтрешній день, по необходимости должны прибѣгать къ разнаго рода предосудительнымъ средствамъ, съ единственною цѣлью удовлетворить свои насущныя потребности (**).“

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что большая часть евреевъ, не имѣя опредѣленнаго занятія, скрывается отъ взоровъ правительства, уклоняется отъ народныхъ переписей—или для избѣжанія рекрутчины, или для уклоненія отъ платежа податей, или просто вслѣдствіе злоупотребленія сборщиковъ податей, рекрутскихъ старостъ и раввиновъ, неограниченно и безапелляціонно управляющихъ судьбами бѣдняковъ въ еврейскихъ обществахъ.

Послѣ приведенныхъ нами фактовъ, взятыхъ на выдержку, кажется есть о чемъ подумать, не увлекаясь идил-

(*) Матер. I, 671 и 672.
(**) Матер. I, 661.

лической фразой, которою бросаютъ намъ пыль въ глаза наши европейскіе гуманисты. Не разъ упрекали насъ эти господа—и русское ихъ эхо—въ нетерпимости къ евреямъ; то-и дѣло изыскиваютъ лучшія мѣры къ поднятію будто бы безпріютнаго племени. Мы могли бы поддаться обаятельнымъ фразамъ западно-европейскихъ политиковъ и философовъ, еслибъ они приняли подъ свое покровительство хотя нѣкоторую долю изъ той массы, которая переполняетъ западныя области Россіи, развивая въ народѣ пьянство, пролетаріатъ и нищенство. Такъ во Франціи въ 1861 г. (*) на 37,386,313 д. об. п. считалось 79,964, евреевъ т. е. одинъ еврей тамъ приходится на 470, въ Англіи же только на 1800, тогда какъ въ сѣверо-западной Россіи одинъ еврей приходится на *девять* душъ об. п.!... Вѣдь это въ 200 разъ болѣе чѣмъ въ Англіи!.. Имѣютъ ли въ западной Европѣ понятіе о такомъ многолюдствѣ евреевъ въ нашихъ западныхъ областяхъ и думаютъ ли они о томъ плачевномъ положеніи, въ которомъ, вслѣдствіе страшнаго многолюдства евреевъ, находятся коренныя племена. Своекорыстный взглядъ массы, считающей каждаго не еврея своимъ врагомъ, котораго не грѣшно обманывать и трудомъ котораго можно жить,—едва ли доступенъ понятію тѣхъ господъ, которые можетъ быть въ цѣлый годъ не встрѣтятъ на улицѣ ни одного еврея! А между тѣмъ въ западной Россіи ими переполнены цѣлые кварталы самыхъ лучшихъ городовъ.

Бѣлорусскіе или литовскіе евреи, чуждаясь христіанъ, смотрятъ на своихъ сосѣдей, трудомъ которыхъ живутъ, какъ на средство, какъ на орудіе, какъ на матеріалъ, годный до тѣхъ поръ, пока въ немъ есть *пища*, потребная для удовлетворенія желудка крайне многочисленной массы. Тогда только, когда сами евреи отвергнутъ свои вѣковые предразсудки, перевоспитаются нравственно, соединятся чистосердечно въ своихъ понятіяхъ съ христіанами; когда вся масса еврейскаго народонаселенія западныхъ губерній усвоитъ русскую національность,—мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Маколеемъ, что справедливо бы-

(*) Journal des Economistes 1865 № 1 Статья о послѣдней 10-й ревизіи, бывшей въ 1861 году.

ло бы желать, чтобы „законодательное учрежденіе, составленное изъ христіанъ и евреевъ, давало законы для общины, состоящей изъ христіанъ и евреевъ.“ Но всѣ бывшія доселѣ попытки, сколько извѣстно, на пути сближенія оставались безплодными, и мы мало вѣримъ въ чистосердчіе тѣхъ евреевъ, которые, прикидываясь передовыми, убаюкиваютъ насъ обѣщаніями!

П. Бобровскій.

(*Окончаніе впредь*).

IV.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА
1863 г. ВЪ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Истинное происшествіе).

Февраль стоялъ ужъ на дворѣ. На пригоркахъ тамъ — и здѣсь уже виднѣлись черныя пятна, которыя какъ то не гармонировали съ окружающей ихъ бѣлою массою снѣга. Въ этотъ мѣсяцъ мятели, вьюги не много утихли, солнце чаще и теплѣе начало глядѣть на землю и черныя пятна на бѣломъ фонѣ, съ каждымъ днемъ, даже съ каждымъ часомъ, увеличивались въ количествѣ и объемѣ. Не весело было глядѣть тогда на природу: что то въ родѣ траура представляла она взору наблюдателя.

Въ одинъ изъ такихъ прескверныхъ февральскихъ дней двѣ черныя точки двигались по узенькой проселочной дорогѣ, ведущей въ село Г..

Оставимъ на время эти черныя точки двигаться по той же дорогѣ, пока онѣ перестанутъ быть черными точками, пока онѣ прймутъ настоящій свой видъ.

Въ это время въ домѣ фермера Анд...., въ селѣ Г., происходило слѣдующее:

—„Вотъ какое теперь настало время! — опасно даже выглянуть за ворота: всякаго теперь нужно бояться, всякій выдаетъ себя за повѣтанца и дѣлаетъ что ему угодно, говоритъ дерзости самыя наглыя, беретъ, что захочется, человѣку не позволяютъ даже и одного слова сказать въ свою пользу. Признаюсь, я

гораздо больше боюсь повстанцевъ,—не смотря на то, что я самъ полякъ,—чѣмъ козаковъ. Козаки сами ничего не будутъ дѣлать безъ воли начальника, а начальникъ все таки власть открытая, законная,—все таки больше смыслитъ, болѣе благороденъ, чѣмъ простой необразованный буянъ. А поляки?.. у нихъ послѣдній оборвышъ, бѣжавшій изъ тюрьмы бродяга бушуетъ на чемъ свѣтъ стоитъ, грабитъ, что ему угодно; можетъ даже, по своему крайнему невѣжеству, ни за что-ни-про что, лишить васъ жизни,—во имя будто-бы народнаго дѣла. Понимаетъ ли этотъ сбродъ бродягъ, нищихъ подмастерій разнаго рода, что это такое за народное дѣло? Эхъ, Боже мой! какъ иногда люди сходятъ съ ума, а повстанцевъ я иначе не могу назвать, какъ съумасшедшими!

Сказавъ это, почтенный фермеръ задумался.

Надобно сказать, что Анд... не любилъ заявлять своихъ убѣжденій предъ другими, да и люди, въ средѣ которыхъ онъ жилъ (я разумѣю сосѣднюю шляхту), и съ которыми постоянно сталкивался, по своему узкому-доморощенному взгляду не стоили того, чтобы заявлять предъ ними такія мысли, какія высказывалъ обыкновенно онъ самъ передъ собою. Высказывая единственно самому себѣ свои убѣжденія, г. Анд... конечно, надолго задумывался; о чемъ онъ думалъ въ подобныхъ случаяхъ, не знаемъ. На этотъ разъ думы его прерваны были внезапнымъ крикомъ жены его:

— Ахъ! Боже мой, что это такое?—казаки у насъ на дворѣ!

Мужъ приблизился къ окну—посмотрѣть на гостей.

— Нѣтъ, моя милая, я долженъ сообщить тебѣ вѣсть болѣе печальную: это передовые повстанцевъ.

Слово повстанцы, какъ громомъ, поразило всѣхъ присутствующихъ. Самое сильное дѣйствіе произвело оно на жену священника, гостившую въ это время у почтенныхъ фермеровъ. Нѣсколько минутъ находилась она въ какомъ то оцѣпенѣніи, потомъ упала на колѣна и вскричала отчаяннымъ образомъ.

— Пощадите меня, ради Бога, хоть на одну минуту: дайте мнѣ возможность въ послѣдній разъ проститься съ мужемъ, съ дѣтьми, а тамъ... она жалобно застонала.

Бѣдная женщина, напуганная прежде разсказами фермера о безчеловѣчныхъ поступкахъ повстанцевъ, въ настоящую минуту сочла себя окончательно погибшею: она не воображала выйдти изъ этого дома живою.

— Успокойтесь, пожалуста,—это только передовые; еще можно спастись, утѣшала жену священника пани Анд...

Дѣйствительно, подъ окнами домика фермера разъѣзжали только два человѣка, вооруженные, какъ казалось, ружьями и револьверами. Сквозь окно трудно было узнать повстанцы ли это или козаки; наступающіе сумерки дѣлали незамѣтными конфедератки, по которымъ можно узнать повстанца издали. Но гости сами не замедлили дать знать о себѣ.

— Эй! кто здѣсь живетъ? крикнули они оба вмѣстѣ.

— Паночку, тые, што пріихали пытаются, хто тутъ живе, сказала служанка вбѣгая въ комнату.

— Кто же это пріѣхалъ,—казаки или повстанцы? торопливо спросилъ служанку фермеръ.

— Не видаю, проше пана, муситъ повстанци; бо говорять по паньску.

Анд... вышелъ на дворъ и спросилъ пріѣхавшихъ: кто они и чего имъ угодно.

— Будьте готовы, у васъ сейчасъ будетъ Рогинскій съ своимъ отрядомъ, отвѣтили передовые. Сказавъ это, всадники поскакали прямо въ село. Жена священника, оправившись немного, поспѣшила домой.

— Что же такъ скоро возвратилась? соскучилась, вѣроятно, безъ меня, сказалъ священникъ, довольный скорымъ возвращеніемъ жены: а я собирался приготовляться къ обѣдни.

— Очень жаль, что ты еще не приготовился къ обѣдни, по крайней мѣрѣ готовъ былъ бы...

— Къ чему? къ обѣдни? еще приготовлюсь,...теперь всего только семь часовъ.

— Ахъ не успѣешь... сейчасъ пріѣдутъ...уже передовые тутъ.

— Кто? что это ты говоришь? объясни пожалуста, скорѣе! говорилъ торопливо удивленный священникъ.

— Рогинскій сейчасъ будетъ у насъ, ужъ квартермистры пріѣхали, я ихъ видѣла, когда была у Анд...

Надобно было видѣть священника, чтобы судить какое впечатлѣніе произвело на него это извѣстіе.

Долго стоялъ онъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, не говоря ни слова,— наконецъ сказалъ, съ увлеченіемъ:

— Спасайся, другъ мой, съ дѣтьми! пусть я одинъ умру! А мать гдѣ?... сестры?...

Уходите въ садъ... тамъ васъ не найдутъ... А я буду здѣсь,... пусть...

— Умоляю тебя, другъ мой, спасайся ты, вопила жена; жизнь твоя нужна: у тебя мать, жена, дѣти, сестры. Что мы всѣ будемъ дѣлать безъ тебя?!! Меня, быть можетъ, пощадятъ хоть ради дѣтей,... я умолю ихъ, а тебя непремѣнно убьютъ... повѣсятъ. Уходи, ради Бога, если только, хоть сколько нибудь любишь насъ, вопила жена, ломая себѣ руки.

Самоотверженіе супруговъ прервано было необыкновеннымъ шумомъ, происходившимъ на дворѣ. Шумъ, говоръ, звукъ оружія, страшный лай собакъ, съ яростію бросившихся на непріятелей, крикъ слугъ, уходившихъ куда попало, пронзительный свистъ караульныхъ,—все это составило странный гулъ, все это наводило панический страхъ на душу мирныхъ обитателей села, заброшеннаго въ чащу лѣсную.

Но молодые супруги ничего этого не слыхали. Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ красивой наружности и, быстрымъ, испытующимъ взоромъ окинулъ всю комнату.

Взоръ его остановился на блѣдномъ священникѣ, который, облокотясь на спинку дивана, устремилъ на гостя неподвижный взоръ.

— Ужъ не испугался ли ксендзъ?—напрасно!—сказалъ протяжно и покровительственно панъ довудца.

„Добрый вечеръ! мое ушанованье; нехъ бендзіе похваліоны,“ привѣтствовали хозяевъ дома входившіе одинъ за другимъ повстанцы.

— А вы куда лѣзете? крикнулъ довольно сердито Рогинскій, замѣтивъ, что вся честная компанія, даже лапотники, освобожденные изъ пружанской тюрьмы, толкаются въ дверяхъ: отправляйтесь на кухню, тамъ ваше мѣсто!

Выслушавъ такой непривѣтливый приказъ пана довудцы, толпа потянулась, насупившись, опять за двери. Осталась только самая знать: адъютантъ, казначей, да еще нѣсколько членовъ „народоваго жонда.“

— Г. Вержбицкій! обратился Рогинскій къ своему адъютанту: прикажите, пожалуста, этой черни не бушевать здѣсь, а то она готова заварить здѣсь кашу.

— Между тѣмъ молодые супруги успѣли уже нѣсколько разъ

взглянуть на гостей. Наконецъ, свыкшись нѣсколько съ неожиданностью явленія, они поняли въ чемъ дѣло, и устремили вопросительный взоръ на нежданныхъ посѣтителей.

— Будьте покойны! батюшка, напрасно вы тревожитесь, сказалъ Рогинскій, подходя важно къ священнику.

— Я и безъ того спокоенъ, сказалъ пріободрившійся хозяинъ, но что вамъ угодно, господа?

— Очень немногое: согрѣться и поѣсть что нибудь, отозвался сиплымъ голосомъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Распоряжайтесь сами какъ знаете—я не хочу исполнять незаконныхъ приказаній.

Настало общее молчаніе. Инсургенты, какъ будто не хотѣли прибѣгать къ насилію, да и на лицѣ каждаго ясно замѣтно было внутреннее безпокойство. Боялись ли они преслѣдованія русскихъ, или желали скорѣе утолить голодъ—не знаемъ; только они попеременно поглядывали то на хозяевъ, то въ окно.

Въ это самое время выстрѣлъ караульнаго произвелъ между ними страшное смятеніе. „До брони"! крикнулъ Рогинскій; всѣ схватились за оружіе и выбѣжали на дворъ. На вопросъ довудцы: что значитъ этотъ выстрѣлъ, караульный отвѣчалъ, что кто-то прокрадывался между обозомъ и не отвѣчалъ на его окликъ. Начались розыски; искали довольно долго, но никого не нашли. Возвратившись въ комнату, Рогинскій обратился съ слѣдующею рѣчью къ священнику, который въ ихъ отсутствіе всталъ съ дивана и началъ въ раздумьѣ ходить по комнатѣ.

— Батюшка! вы должны сейчасъ же удовлетворить нашимъ требованіямъ: отправляйтесь въ кладовую и приносите все, что у васъ есть для утоленія голода. Назначьте пять человѣкъ караульныхъ, пусть они сопровождаютъ батюшку въ кладовую, обратился Рогинскій къ своему адъютанту.

Чрезъ нѣсколько минутъ пять вооруженныхъ человѣкъ стояли уже у крыльца; священника заставили взять фонарь и, въ сопровожденіи караульныхъ, отправиться въ кладовую.

По уходѣ его, инсургенты стали разсуждать о незнакомцѣ, который осмѣлился пробираться между ихъ возами и который успѣлъ скрыться неизвѣстно гдѣ. Одни подозрѣвали въ немъ шпіона, подосланнаго русскими и совѣтовали скорѣе убираться отсюда; другіе говорили, что караульному, вѣроятно, что-то причудилось и что объ этомъ не слѣдуетъ толковать;—словомъ, много сдѣлано было предположеній на этотъ счетъ. На самомъ же

дѣлѣ напугавшій часоваго былъ не кто иной, какъ Давидъ Журъ. Журъ былъ сынъ бѣднаго рыбака. Сначала отецъ и сынъ вмѣстѣ ловили рыбу, вмѣстѣ варили ее гдѣ нибудь на островкѣ озера и вмѣстѣ ѣли; а потомъ Давидъ самъ долженъ былъ ловить рыбу, чтобы пропитывать старика — отца, который уже не въ силахъ былъ заниматься ремесломъ своихъ предковъ. И скучно и страшно было Давиду одному ночью разъѣзжать по озеру. Хотя онъ былъ и нетрусливаго десятка, однакожъ крикъ совы, подобный дѣтскому плачу, свистъ летящаго кулика, или жалобный вопль проголодавшагося зайца не разъ заставляли его дрожать подобно осиновому листу. Не долго, впрочемъ, Давиду пришлось гулять по мутнымъ водамъ озеръ.—Отецъ его скоро умеръ, и онъ, бросивъ „батьковское" ремесло, поступилъ въ услуженіе къ священнику. На долю выпала двойная служба: онъ былъ кучеромъ и исправляющимъ должность камердинера. И молодцомъ высматривалъ Давидъ въ кучерскомъ нарядѣ!—Не одна дѣвушка, бывало, заглядится на Давида, когда онъ, въ праздники, послѣ обѣда, въ сюртукѣ съ блестящими пуговицами, въ армякѣ на опашку и въ шапкѣ на бекрень, расхаживаетъ по селу и, легкимъ наклоненіемъ головы, отвѣчаетъ на низкіе поклоны знакомыхъ. Живя у священника, Журъ крѣпко полюбилъ добраго молодаго барина (священническагѣ сына), того самаго, который теперь, окруженный караульными, вышелъ изъ дому и молодой баринъ любилъ кучера и камердинера своего отца за его веселый нравъ, а прислуга—за сказки, которыми производилъ онъ фуроръ въ слушателяхъ всякій вечеръ. Но счастіе не долго везло Журу; его взяли въ рекруты. Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось въ семействѣ, у котораго Давидъ былъ кучеромъ и камердинеромъ. Число членовъ семейства увеличилось, иныхъ—не стало. Многое измѣнилось и въ характерѣ Давида. Онъ утратилъ прежнюю свою веселость; любилъ иногда кутнуть,—и выучился хвастать самымъ отчаяннымъ образомъ. „Да батюшка," говорилъ однажды Давидъ, возвратясь на родину: „Мы видывали виды: и въ Туреччинѣ, и въ Нѣметчинѣ, и въ Хранціи и въ заморскихъ городахъ мы бывали и чуда чудныя видывали. „А въ географіи, вѣрно не былъ?" спросилъ, шутя, священникъ, замѣтивъ, что Давидъ прихвастнулъ маленько. „Да — какъ не быть!" отвѣтилъ съ гордостію Журъ: да мы географію—то эвту штурмомъ брали."—Во всякомъ случаѣ, Давидъ былъ честный малый: первый спѣшилъ къ обѣднѣ, или къ вечернѣ, послѣдній выхо-

дилъ изъ церкви и поворачивалъ не въ корчму,—кутить сейчасъ послѣ Богослуженія онъ считалъ большимъ грѣхомъ,—а къ священнику поговорить о семъ о томъ.

Вотъ этотъ то самый Давидъ Журъ, завидѣвъ конвоируемаго священника, пробирался между обозомъ повстанцевъ и произвелъ между ними такое смятеніе. Пробирался же онъ не изъ пустаго любопытства, а съ цѣлію, какъ онъ выражался, сослужить службу своему батюшкѣ, который, по мнѣнію его, находился въ большой опасности. Дѣйствительно, онъ выкинулъ такую штуку, за которую могъ бы поплатиться жизнію. Вотъ въ чемъ состояла эта штука. Повстанцы, какъ мы выше видѣли, не нашли Давида: онъ скрылся между дровами, откуда наблюдалъ за дѣйствіями инсургентовъ. Вообразивъ, что священника ведутъ на смерть, онъ выскочилъ изъ своего убѣжища, перелѣзъ черезъ заборъ и затрубилъ на манеръ военный въ трубу, нарочно для этого имъ захваченную при выходѣ изъ дома; потомъ крикнулъ во все горло „взводъ стрѣлковъ впередъ!... заходи.. и. и.“! Трудно представить, какое смятеніе произвела между повстанцами эта хитрая выдумка Жура. Караульный прежде всего далъ сигналъ, который означалъ близкую опасность; повстанцы, какъ угорѣлые, бросились вонъ изъ комнаты къ повозкамъ, захвативъ съ собою кто что успѣлъ: иной забылъ шапку, другой тулупъ, третій калоши. Уже они готовы были до *лясу*, какъ вопросъ: куда уходить занялъ всѣхъ; они не знали съ какой стороны угрожаетъ опасность. Съ этою цѣлію немедленно отправлены были разъѣзды, которые чрезъ нѣсколько времени возвратились и объявили что все благополучно, что нѣтъ никакой опасности. Тогда только они пришли къ заключенію, что это, вѣроятно, штука того самаго незнакомца, который прокрадывался между ихъ возами, и который скрылся неизвѣстно куда.

— Сыскать мнѣ его сейчасъ! я его... я его!... кричалъ сердито Рогинскій.

Уже подчиненные готовы были исполнить волю начальника; но кто-то посовѣтовалъ не терять напрасно времени на безцѣльные розыски и убираться скорѣе, потому что, въ самомъ дѣлѣ, могутъ настигнуть русскія войска. Совѣтъ былъ принятъ: повстанцы опять отправились въ домъ священника перекусить на скоро что нибудь. Между тѣмъ Давидъ былъ уже въ бѣдной, полуразвалившейся избенкѣ Михея.

— Охъ, дѣдушка Михей, охъ! *ратуй!* сказалъ Давидъ, вбѣгая въ избу.

— Што это такое съ тобою? спросилъ съ участіемъ старикъ.

— Схавай мене, диду, бо полякы мене шукаютъ. Тутъ онъ разсказалъ Михею обо всемъ случившемся.

— Охъ, Боже муй, Боже муй! Такого глумленья надъ людьми не було, якъ у насъ буды пранцузы! Заштожъ воны хочуть повисити нашого батюшку,—нашого соколика?! произнесъ Михей, глубоко тронутый разсказомъ Давида.

Настало молчаніе. Михей сидѣлъ на „покути" 1) и глубоко задумался.

Покамѣстъ Михей думаетъ, скажемъ кое что о немъ.

Михей былъ самый честный и смышленый человѣкъ во всемъ селѣ, всѣ относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. На мірскихъ сходкахъ голосъ его былъ сильнѣе всѣхъ, даже въ частныхъ семейныхъ спорахъ многіе обращались къ нему за совѣтомъ и посредничествомъ.

Зная такое вліяніе Михея на „міръ," Давидъ и обратился къ нему въ настоящемъ трудномъ случаѣ.

— Давидъ, а Давидъ.

— А што, дѣдушка!

— Сходи, ты, братко, до старосты, да попросы іого, штобы іонъ зобравъ въ мою хату добрыхъ людей,—сказалъ вполголоса старикъ, какъ бы боясь, что бы кто нибудь не подслушалъ его словъ. Чрезъ нѣсколько времени старшина, сотскій, десятскіе, да еще многіе другіе собрались въ избу Михея.

— Стыдно намъ, браткы, такъ недбаты о своемъ батюшкѣ: метежникы хочуть повиситы іого, а мы тульки дывимося, штобы насъ незачепалы... стыдно... стыдно! кончилъ Михей.

— А што же мы подіемъ? спросилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— А што подіемо,... треба ратоваты, продолжалъ старикъ.

— Якъ же ратоваты? јоны съ хувіямы, съ пуштолитами, а у насъ ничего нема, јоны побьють насъ, сказалъ староста.

— Не вельмы и побьютъ,... јоны теперь пьяные,... можно мышичкомъ (потихоньку) добратыся до ихъ и гуртомъ напасты на ихъ.

1) Кутъ, уголъ подъ образами:

— Ой, ни! ныць съ того не буде, несправымся ты зъ имы, сказалъ староста.

— Справимся, чи несправимся, а все рувно придеться пропадаты. Думаешь што тоби добре буде, якъ воны забьютъ нашого батюшку? Не думай! воны тогды зачнуть насъ вертаты на свою виру и, хто не захоче приняты ихъ виру, воны будутъ биты и ризаты того. А я думаю, што нашъ хрищеный народъ не звхоче приняты ихъ виру.

— Правда твоя, батьку! да штожъ порадышь діяты? отозвалось нѣсколько голосовъ.

— А што, треба напередъ кого небудь послаты, нехай довидается, што робять мятежники и чи воны доправды думають повиситы батюшку.

Выборъ палъ на Давида и онъ съ охотою отправился... На окликъ караульнаго: „а кто идетъ!" Давидъ отвѣчалъ: „парубокъ батюшки" и такимъ образомъ свободно прибылъ въ домъ священника. Въ сѣняхъ на порогѣ попался ему на встрѣчу дьячекъ, который тоже пришелъ узнать, что дѣлаютъ повстанцы; у него распросилъ о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ поляковъ и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, поспѣшилъ въ избу.

— А што, што чуты? спросили въ одинъ голосъ всѣ находившіеся въ избѣ.

— Дьякъ казавъ, што полякы гуляють, и не думають вишаты батюшку.

— А штожъ ты казавъ, што батюшку повелы вишаты? спросилъ Михей.

— Гето воны, бачь, боялись, штобы онъ не утюкъ и затымъ не хотилы іого одного пустыты въ свиронъ, а я подумавъ, што іого повелы вишаты.

— Ну, слава тоби, Господы! воскликнули всѣ вмѣстѣ.

Чрезъ нѣсколько времени изба Михея опустѣла, всѣ разошлись по домамъ.

Между тѣмъ въ домѣ священника мятежники еще пируютъ. По краснымъ носамъ и по соловьинымъ глазамъ можно было догадаться, что не одна уже рюмка прошла честную компанію. Не трудно догадаться о чемъ толковали или точнѣе безъ толку кричали пьяные шляхтичи. „Польша и Литва будетъ наша, вся Европа за нами,... виватъ Польска... пусть живетъ народовый жондъ... пусть живетъ нашъ довудца"!! слышалось попеременно, то въ томъ, то въ другомъ углу. Пусть реветъ эта пьяная

шляхта, а мы между тѣмъ обратимся вотъ къ этому кружку, который о чемъ-то серьозно разсуждаетъ и въ которомъ участвуетъ священникъ.

— Какъ у васъ, батюшка, не хватаетъ настолько соображенія, чтобы противиться намъ! Вѣдь вы увѣрены, что рано или поздо, Польша и Литва будутъ наши и что, слѣдовательно, вы, съ своими будете въ рукахъ нашихъ, сказалъ казначей.

— Я въ свою очередь удивляюсь, сказалъ священникъ, начавшій горячиться, какъ у васъ настолько не хватаетъ соображенія, чтобы поднимать оружіе на Россію, которая, если только захочетъ, можетъ въ одну минуту стереть васъ съ лица земли.

— О батюшка, будьте осторожны, обдумайте прежде то, что хотите говорить, сказалъ довольно серьозно казначей.

— Я сказалъ, кажется, очень обдуманно.

— Какъ! обдуманно? посмотримъ, что вы запоете, когда Франція, Англія, Австрія двинутся на васъ, кричалъ сердито казначей.

— Старую пѣсню поете!... Не впервые намъ сталкиваться съ Европой!...

— Да, вы, кажется, намекаете на двѣнадцатый годъ!! Чтоже двѣнадцатый годъ? ничего! произнесъ казначей, съ неудачно сочиненною гримасой.

— Конечно, двѣнадцатый годъ, самъ по себѣ, годъ обыкновенный.

— Полно, полно, батюшка! сказалъ казначей, вставая съ кресла. Я вамъ вотъ что скажу: вы очень хорошо сдѣлаете, если вмѣстѣ съ своими прихожанами примете унію и будете дѣйствовать съ нами за одно. Я это говорю вамъ, какъ бывшій другъ вашего отца.

— Странно, что другъ отца предлагаетъ сыну измѣну и вѣроотступничество!...

— Ну, если вы не хочете, мы сами заставимъ вашихъ прихожанъ принять унію, сказалъ казначей.

— Не только васъ, но даже и ангела, если бы онъ явился во плоти и убѣждалъ измѣнить правой вѣрѣ, мои прихожане не послушаются...

— Да и вы сами будете уніятомъ.

— Напрасно вы такъ утвердительно говорите.

— Ну, а что вы скажете, если мы вамъ обѣщаемъ мѣсто каноника? вмѣшался адъютантъ.

— Ничего.

— По чему такъ?

— Потому, что мнѣ кажутся смѣшными слова ваши.

— Оставьте, пожалуйста, ваши споры, сказалъ Рогинскій, который, во все продолженіе ужина, одинъ сидѣлъ на диванѣ.

Жалко было смотрѣть на этого молодаго человѣка, когда онъ, опустивъ голову на грудь, о чемъ-то глубоко задумался. Лице его приняло невыразимо печальное выраженіе. Глубокіе вздохи, которые вырывались изъ груди его, давали право думать, что тяжело ему было справиться съ своею совѣстію. Какъ бы желая освободиться отъ тревожныхъ мыслей, Рогинскій по временамъ вставалъ съ дивана, подходилъ къ фортепьяно и вторилъ на немъ какую-то унылую пѣсеньку. Схватившись послѣдній разъ съ дивана, онъ подошелъ къ адъютанту и сказалъ повелительно:

— Распорядитесь къ отъѣзду! пора...

— Батюшка, обратился Рогинскій къ священнику: здѣсь живетъ фермеръ Анд.?

— Здѣсь!

— Г. Вер.! пустъ Андр. придетъ сюда.

Чрезъ нѣсколько времени Андр. явился.

— Вы г. Андр.? спросилъ Рогинскій вошедшаго фермера.

— Я!

— Мы не расположились въ вашемъ домѣ потому, что у васъ тѣсное помѣщеніе. Графъ О. предувѣдомилъ насъ объ этомъ. Но вы не думайте отдѣлаться отъ насъ ничѣмъ. Пришлите сейчасъ же пару лошадей и удобную повозку!... слышите? говорилъ Рогинскій, ударяя на каждомъ словѣ.

— Помилуйте! какъ же я несчастный фермеръ, буду безъ лошадей.

— Ступайте, говорятъ вамъ!

— Помилуйте! какъ же это?...

— Г. казначей!... возмите нѣсколько человѣкъ и отправляйтесь къ Анд.: возмите у него пару лошадей, удобную повозку и пріѣзжайте сюда.

Чрезъ нѣсколько времени повозка и лошади стояли предъ домомъ священника.

Мятежники начали прощаться съ хозяевами.

— Не поминайте лихомъ, сказалъ Рогинскій священнику.

— Не зачѣмъ поминать и добромъ грабителей, хотѣлъ было сказать священникъ, да удержался.

Мятежники уѣхали.

Домъ священника, по отъѣздѣ инсургентовъ, представлялъ неописанную картину. Полъ покрытый толстымъ слоемъ грязи, табачный дымъ, облаками носившійся по комнатамъ, мебель, разбросанная въ безпорядкѣ, остатки съѣстнаго, валявшіеся по полу, на столахъ, клочки бумаги, недокурки сигаръ, папиросъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ,—все это наводило на душу молодыхъ супруговъ невольную думу. Долго стояли они по срединѣ комнаты, посматривая, то другъ на друга, то на хаосъ, царствующій въ комнатахъ, потомъ какъ бы по данному сигналу, бросились, въ одно мгновеніе, въ объятія другъ другу.

На встрѣчу мятежникамъ по той же дорогѣ мчалась пара сѣрыхъ, запряженная въ небольшія санки. Весело было лошадямъ мчать легонькія сани, весело было и на душѣ сѣдоковъ. Кучеръ Андрюшка весело посвистывалъ на лошадей и затягивалъ свою любимую пѣсеньку. „чумаченько пье, въ іого грошие" и проч.

— Баринъ, завернутый въ шубу, по временамъ какъ-то пріятно улыбался, глаза его не блуждали въ разныя стороны, но находились въ одномъ и томъ же положеніи, какъ будто заглядѣлись на что нибудь. Да, онъ какъ бы созерцалъ то, что рисовало его воображеніе. Въ такія минуты особенно непріятно, когда кто нибудь тревожитъ насъ, когда кто нибудь обращается къ намъ съ своею рѣчью. Непріятно было А. Ш. когда кучеръ Андрюшка обратился къ нему съ вопросомъ.

— Баринъ! а баринъ! отъ чего это такъ звѣздочки на небѣ сотрясаются-что твой осиновый листъ?... Баринъ молчалъ.

— Баринъ! ни какъ уснулъ?... а, баринъ!

— Чего? отозвался весьма неохотно, даже съ какою то досадою,

— Никакъ, баринъ, вы уснули?

Баринъ опять не отозвался.

— Ишь-ты его,—соня какая! бормоталъ Андрюшка.

Между тѣмъ мятежники приближались къ нашимъ путникамъ. Уже до ушей Андрюшки долетали какіе-то безсмысленные звуки, но онъ пока не обращалъ на нихъ вниманія; въ головѣ его рѣшался важный вопросъ: отъ чего это баринъ не отвѣчаетъ ему? Но вотъ Андрюшка началъ пристально поглядывать въ даль:

онъ то приподнимался съ козелъ, то наклонялся въ сторону, и все къ чему то присматривался.

— Баринъ! крикнулъ потомъ Андрюшка и не дожидаясь отвѣта, хватилъ барина за полу.

— Что тебѣ... вскричалъ А. Ш. съ досадою. Но въ это время окликъ передовыхъ: кто ѣдетъ?—какъ громовой ударъ раздался въ ушахъ обоихъ. Никто не отвѣчалъ на вопросъ.

— Кто ѣдетъ? повторили передовые.

Опять молчаніе.

— Кто ѣдетъ? отвѣчай!... стрѣляю.

— Я, произнесъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ А. Ш.

— Кто же ты?

— Я... я... здѣшній!

Чрезъ нѣсколько времени А. Ш. ѣхалъ уже, повѣся голову, вмѣстѣ съ мятежниками, и ѣхалъ не въ своей повозкѣ и не съ Андрюшкой, а въ чужой, окруженный незнакомыми ему лицами, которые вооружены были съ ногъ до головы. Читатель самъ легко представитъ себѣ положеніе плѣнника, среди вооруженныхъ незнакомцевъ, когда мы ближе познакомимся съ нимъ.

А.. Ш... сынъ приходскаго священника. Уволенный изъ средняго отдѣленія семинаріи, онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ духовнаго званія. Какъ дворянинъ, онъ свободенъ былъ отъ необходимости въ теченіи шести мѣсяцевъ избрать себѣ родъ жизни,—и потому располагалъ собою свободно. Въ послѣднее время онъ занималъ какую то должность у лѣсничаго помѣщика Б... и другихъ.

Помѣщикъ Б. былъ честный, дряхлый старикъ и имѣлъ большое семейство. Дочери его были первыя красавицы въ уѣздѣ. Довольно имъ было явиться на балъ, чтобы мужчины были веселѣе, чтобы оркестръ гремѣлъ стройнѣе, чтобъ игра была пріятнѣе, словомъ, чтобы балъ былъ въ разгарѣ.

— Въ одну изъ этихъ дочерей помѣщика Б. А. Ш. былъ влюбленъ по самое нельзя.

О ней онъ думалъ, когда ѣхалъ на встрѣчу мятежниковъ, о ней онъ думалъ, когда, такъ пріятно самъ себѣ улыбался, о ней онъ думалъ, когда не отвѣчалъ на вопросы Андрюшки;—воспоминаніе о ней дѣлало невыносимымъ положеніе посреди вооруженныхъ незнакомцевъ. Любила и она А. Ш., какъ любятъ женщины, пренебрегшіе всѣмъ, что мѣшаетъ ихъ любви: и неров-

ностію состоянія и совѣтами родныхъ, знакомыхъ, словомъ всѣмъ всѣмъ на свѣтѣ.

Ш. не даромъ думалъ, что разлученъ навсегда съ своею возлюбленною; что ему не суждено уже больше слышать ея голосъ, даже сказать ей послѣднее прости.

На другой день вѣсть о несчастіи, постигшемъ А. Ш..., быстро разнеслась по сосѣдству. Многіе проливали о немъ горячія слезы. Плакала старушка мать о потерѣ единственнаго сына, плакали родственники о потерѣ любимаго роднаго, горько плакала и Маша Б. о потерѣ своего возлюбленнаго... Ш... былъ близкій родственникъ и другъ священника, посѣщеннаго недавно паномъ Рогинскимъ.

— Отъ чего я не задержалъ ихъ хоть на полчаса? онъ бы не встрѣтился съ ними... онъ былъ бы спасенъ... онъ былъ бы завтра, у меня... отъ чего они раньше не выѣхали отъ меня?... это Давидъ замедлилъ ихъ отъѣздъ,.. вопилъ отчаянно священникъ. Оставимъ о. Д. плакать о потерѣ своего родственника и друга, а обратимся къ Машѣ Б...

Слезы Маши раздирали душу всякаго, самая черствая натура не могла бы устоять противъ этихъ слезъ. Самъ Франческо Ченчи-герой романа Гверацци,—этотъ извергъ человѣчества, который услаждался злодѣяніями, которому несчастные стоны не только чужихъ, но и собственныхъ дѣтей, доставляли какую-то адскую усладу,—самъ, говорю, Франческо-Ченчи, не устоялъ бы противъ этихъ слезъ.

— Папенька! другъ мой?! родной мой! Пошли ты къ нимъ пусть они возвратятъ его. Пусти меня,—я сама пойду къ нимъ,— я вырву его изъ рукъ ихъ... Вѣдь онъ не полякъ,—зачѣмъ же они его взяли?“ Ахъ, повстанцы!... И она лишилась чувствъ.

Въ одинъ жаркій лѣтній день, длинный рядъ повозокъ тяжело тащился по песчаной дорогѣ,—по той самой, по которой,— помните, читатель,—двигались двѣ черныя точки. Въ повозкахъ лежали раненные подъ Горками, окровавленные повстанцы, ихъ везли въ К... больницу.

— Г. офицеръ! нѣтъ ли между раненными А. Ш.? спросилъ о. Д..., когда раненныхъ везли чрезъ село Г...

— Узнай!—сказалъ офицеръ фельдшеру.

— Вотъ тамъ, сказалъ фельдшеръ, указывая на послѣднюю повозку...

Дѣйствительно въ ней лежалъ блѣдный, окровавленный А. Ш., смертельно раненный въ ночной стычкѣ русскихъ съ разбитыми повстанцами. Онъ кричалъ: я русскій! я плѣнникъ; но вопли его заглушались громомъ выстрѣловъ, и пуля попала въ лѣвый бокъ, а другая въ плечо Ш...

Ничего онъ не сказалъ о. Д., когда тотъ подошелъ къ нему; но во взорахъ несчастнаго онъ прочиталъ все; въ нихъ отражалось все состояніе его души. Несчастный только простоналъ, подавая окровавленную рубаху священнику:

— Возьми ее, братъ, и отдай матери... проговорилъ онъ съ трудомъ и началъ страшно стонать.

Повозки двинулись; священникъ долго провожалъ ихъ глазами и потомъ, съ глубокой грустью на сердцѣ, пошелъ домой. Ш., конечно, былъ оправданъ: но онъ имѣлъ уже нужду въ оправданіи только на судѣ Божіемъ."

С....скій.

Краткій очеркъ военныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ въ кіевскомъ военномъ округѣ въ 1863 году.

Когда въ предѣлахъ Царства Польскаго и въ прилегающихъ къ оному губерніяхъ виленскаго военнаго округа обнаружилось вооруженное возстаніе, тревожное состояніе умовъ польскаго населенія юго-западнаго края также усилилось. Подготовленное дѣятельною и искусно веденною пропагандою, возбужденное ловкими и не останавливающимися ни предъ какими средствами агитаторами, молодое поколѣніе польскаго дворянства и разнокалиберной шляхты дошло до такой степени, увлеченія, что рѣшилось на безумное намѣреніе—произвести вооруженное возстаніе въ средѣ русскаго населенія кіевской и волынской губерній; въ краѣ, гдѣ громадное большинство населенія составляютъ русскіе, проникнутые съ давнихъ временъ непреодолимою ненавистію къ полякамъ, вслѣдствіе причинъ историческихъ, оставившихъ неизгладимые слѣды въ памяти народной. Дѣти помѣщиковъ, которые, благодаря былому польскому владычеству, такъ произвольно захватили владѣльческую власть надъ русскимъ, православнымъ населеніемъ, шляхетская челядь, эти паразиты польскаго дворянскаго напыщеннаго быта, осколки бездомовной польской шляхты и прочіе члены революціонной партіи взялись за оружіе среди населенія, ненавидящаго всѣ эти элементы и по историческимъ воспоминаніямъ, и по недавнимъ общественнымъ и соціальнымъ отношеніямъ. Но еще передъ тѣмъ, желая воспользоваться великимъ событіемъ 19-го февраля, мятежники имѣли

намѣреніе распространить въ средѣ крестьянскаго населенія края недоразумѣнія и ложные слухи, извращающіе смыслъ правительственныхъ постановленій; но на первыхъ же порахъ наткнулись на здравый смыслъ малоросса и непоколебимую вѣрность его законному правительству. Низкая уловка, порожденіе презрѣннаго іезуитизма, не удалась. Народъ сразу отшатнулся отъ агитаторовъ и, вмѣсто воспособника, весьма естественно, сталъ неумолимымъ врагомъ возмутителей, преслѣдуя ихъ наравнѣ съ войсками. Прошло нѣсколько дней и вооруженный мятежъ былъ подавленъ; со времени перваго появленія шаекъ мятежниковъ (отъ 26-го—27-го апрѣля 1863 года), въ кіевской губерніи чрезъ 8 дней, а въ волынской чрезъ 20 дней, не осталось ни одного вооруженнаго мятежника.

Еще въ началѣ польскаго мятежа, часть войскъ кіевскаго военнаго округа была сосредоточена въ сѣверо-западномъ углу онаго, съ цѣлію содѣйствовать подавленію мятежа въ сопредѣльныхъ частяхъ люблинской и гродненской губерній и для воспрепятствованія шайкамъ мятажниковъ, формировавшимся въ Галиціи, прорваться въ предѣлы округа. Прочія войска, предназначенныя для охраненія предѣловъ округа и подавленія мятежа, были расположены частію въ кіевской губерніи, гдѣ, при содѣйствіи мѣстнаго населенія, шайки мятежниковъ были уничтожены еще до окончательнаго ихъ сформированія и въ главнѣйшихъ пунктахъ волынской губерніи; здѣсь, благодаря близости Галиціи, мятежникамъ удалось прорваться въ нѣкоторыхъ пограничнихъ пунктахъ и нѣсколько болѣе продлить тревожное положеніе края, но и здѣсь, по истеченіи короткаго времени, вооруженный мятежъ былъ совершенно подавленъ.

Для послѣдовательности обзора, сначала приведемъ свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ въ кіевской, затѣмъ въ волынской губерніи.

Въ *кіевской губерніи* первыя шайки образовались въ сѣверныхъ уѣздахъ: въ кіевскомъ, радомысльскомъ, васильковскомъ и сквирскомъ, и уже потомъ были обнаружены въ прочихъ уѣздахъ губерніи.

Первая шайка образовалась въ ближайшихъ окрестностяхъ Кіева, изъ поляковъ этого города, въ ночь на 27-е апрѣля; она была два раза настигнута войсками, высланными изъ г. Кіева, при с. *Романовкѣ* и *Бородянкѣ*, гдѣ потерпѣла сильное пораженіе.—Мятежники потеряли болѣе 30 человѣкъ убитыми и 120 плѣнными и значительное количество оружія. Остатки шайки успѣли разсѣяться по окрестнымъ лѣсамъ и впослѣдствіи соединились съ шайкою радомысльскаго уѣзда, вмѣстѣ съ которою, 1-го мая, были совершенно истреблены въ Верхолѣскихъ лѣсахъ, отрядомъ войскъ маіора Кашнева, высланнымъ изъ г. Радомысля: при этомъ мятежники потеряли болѣе 40 человѣкъ убитыми и ранеными, 60 человѣкъ плѣнными, весь обозъ съ 17 лошадьми, оружіе и боевые припасы. Послѣ этихъ пораженій,

новыхъ шаекъ не появлялось ни въ кіевскомъ, ни въ радомысльскомъ уѣздахъ.

Въ васильковскомъ уѣздѣ образовалось четыре шайки, по преимуществу въ имѣніяхъ графовъ Браницкихъ. Первая шайка, сформировавшаяся въ селѣ Шамраевкѣ 26-го апрѣля и усилившаяся въ теченіи двухъ дней, 28-го апрѣля была настигнута при с. *Узинѣ* командою 6-го сапернаго баталіона (въ числѣ 80 человѣкъ) и, при содѣйствіи крестьянъ, совершенно уничтожена: шайка потеряла 16 человѣкъ убитыми и ранеными, а остальные 76 человѣкъ положило оружіе. Другая шайка—Ясинскаго, сформировавшаяся 26-го апрѣля въ Житныхъ горахъ, усилившись, двинулась въ Таращанскіе лѣса, но у с. Кривы была открыта разъѣздомъ улановъ, подъ начальствомъ поручика Шверина, и, при содѣйствіи прибывшаго эскадрона улановъ подначальствомъ ротмистра Минкевича, при сел. *Кисловкѣ* совершенно уничтожена: мятежники потеряли 18 человѣкъ убитыми, 6 плѣнными и обозъ; остальные же были перехвачены крестьянами, предводимыми мировымъ посредникомъ Масловымъ. Третья шайка появилась у с. *Ковалевки* и ограбила нѣсколько окрестныхъ селеній; но 30-го апрѣля была поголовно забрана въ числѣ 52 человѣкъ, крестьянами с. Гребенки, которые, подъ предводительствомъ волостнаго старшины Ивана Шадуры, безъ помощи войскъ перевязали мятежниковъ. Четвертая шайка, 27-го апрѣля, показалась въ с. Плесецкомъ, въ числѣ 25 человѣкъ. Для уничтоженія ея была послана саперная рота 5-го баталіона; но шайка, бросилась въ радомыльскій уѣздъ, на границѣ котораго въ с. *Соловіевкѣ*, была остановлена крестьянами, которые, бросившись на вооруженныхъ мятежниковъ разбили ихъ на голову. Мятежники потеряли 21 человѣкъ убитыми и ранеными, оружіе и значительный запасъ подложныхъ грамотъ напечатанныхъ золотыми буквами.

Въ сквирскомъ уѣздѣ образовались двѣ шайки: одна въ с. Терешкахъ, другая въ с. Верховкѣ, которыя направились въ житомірскій уѣздъ (волынской губерніи), соединившись на пути слѣдованія. 28 апрѣля шайка эта была настигнута отрядомъ войскъ (двѣ роты) у с. *Хроповичъ*. Послѣ небольшой перестрѣлки, въ которой мятежники потеряли 6 человѣкъ убитыми и часть оружія, шайка успѣла скрыться въ лѣсахъ, откуда пробралась въ житомірскій уѣздъ, гдѣ напала на сел. *Ивницы;* но крестьяне этого селенія дружно встрѣтили мятежниковъ, разбили шайку, при чемъ мятежники потеряли 3 убитыми и 16 плѣнными; остатки шайки разсѣялись.

Въ таращанскомъ и каневскомъ уѣздахъ, 27 апрѣля, были обнаружены двѣ значительныя шайки, числительностію до 700 человѣкъ, которыя скрывались въ лѣсахъ въ окрестностяхъ селеній Луки и м. Богуслава, на границахъ обоихъ уѣздовъ. Шайки эти, соединившіяся подъ начальствомъ Лукьяна Воли (бывшій саперный офицеръ Зелинскій), 28-го апрѣля были атакованы отрядами полковниковъ Жукова и Жеребцева близъ сел. *Луки*

и совершенно разбиты: мятежники потеряли 65 человѣкъ убитыми, 2 раненными и 10 плѣнными; предводитель шайки, успѣвшій уйти, захваченъ крестьянами; прочіе разсѣялись въ разныя стороны. На другой день, 29-го апрѣля, была уничтожена, отрядомъ маіора Гессе, въ Турчинномъ лѣсу, небольшая шайка, шедшая на соединеніе съ вышепомянутымъ скопищемъ; мятежники потеряли убитыми 19 человѣкъ и значительное количество оружія и боевыхъ припасовъ.

Въ бердичевскомъ уѣздѣ, въ концѣ апрѣля, появилось нѣсколько шаекъ, которыя, сформировавшись въ лѣсахъ, имѣли цѣлію соединиться; но, послѣ сильнаго пораженія одной изъ бандъ въ 300 человѣкъ, 28-го апрѣля, въ окрестностяхъ Бердичева, при с. *Солотвинѣ*, мятежники бросились въ липовецкій уѣздъ. Встрѣченные отрядомъ войскъ, направленнымъ противъ нихъ изъ г. Липовца, и преслѣдуемые войсками, высланными изъ г. Бердичева, мятежники, въ числѣ до 400 человѣкъ, были окружены у с. *Малинники* (бердичевскаго уѣзда) и, атакованные, 3 мая, драгунами, истреблены: они потеряли 42 человѣка убитыми, 75 плѣнными; остальные разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ и перехватаны крестьянами.

Вскорѣ затѣмъ, 5-го мая, значительная шайка Вишневскаго и Врублевскаго, пытавшаяся пробраться изъ овручскаго въ радомысльскій уѣздъ, была настигнута на границахъ обоихъ уѣздовъ отрядомъ маіора Пржевальскаго, при с. *Москалевкѣ*, и окончательно истреблена: мятежники потеряли до 70 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными и весь обозъ; остатки шайки разсѣялись.

Повидимому, мятежники имѣли намѣреніе, по сформированіи небольшихъ шаекъ въ различныхъ частяхъ губерніи, соединиться въ болѣе крупныя банды и затѣмъ, переходя съ мѣста на мѣсто, волновать край и фактически поддерживать вооруженный мятежъ. Но, встрѣтя враждебный отпоръ со стороны сельскаго населенія края, настойчиво преслѣдуемые войсками и понеся сильныя пораженія, въ которыхъ мятежники потеряли главныхъ своихъ руководителей, остатки шаекъ разсѣялись въ разныя стороны; часть ихъ была переловлена, прочіе же изъявили добровольную покорность.

Послѣ истребленія мятежниковъ, 5-го мая, при Москалевкѣ, подвижныя колонны, не смотря на тщательные поиски, не обнаружили ни одного вооруженнаго мятежника. Спокойствіе было водворено въ предѣлахъ губерніи въ теченіе 8 дней.

По приблизительному разсчету, мятежники, кромѣ плѣнныхъ, взятыхъ войсками и крестьянами, потеряли въ бывшихъ дѣлахъ до 350 человѣкъ убитыми и ранеными. Потеря войскъ простиралась: 12 человѣкъ убитыми (одинъ офицеръ) и 42 человѣка ранеными (2 офицера); всего 54 человѣка.

Въ *волынской* губерніи главныя скопища мятежниковъ образовались около 26-го апрѣля на пространствѣ между городами:

Заславлемъ, Новградъ-Волынскомъ, Житоміромъ и Староконстантиновомъ; менѣе же значительныя шайки появлялись, въ разное время, въ уѣздахъ овручскомъ и острогскомъ.

Въ овручскомъ уѣздѣ, въ концѣ апрѣля, появилась небольшая шайка, состоявшая почти исключительно изъ польскихъ помѣщиковъ; шайка эта была открыта 30 апрѣля полусотнею казаковъ и уничтожена.

Въ то же время уничтожена небольшая шайка (въ 60 человѣкъ), сформировавшаяся во владиміро-волынскомъ уѣздѣ; почти всѣ мятежники забраны въ плѣнъ войсками.

Около 12 мая появилась шайка въ острогскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ с. Плужно. Посланныя туда войска настигли эту шайку у с. *Мякоты*. Мятежники, занявъ островокъ, окруженный непроходимымъ болотомъ, приготовились къ оборонѣ. Войска (рота Орловскаго полка), подъ выстрѣлами мятежниковъ, перебрались на островокъ, по наброшеннымъ жердямъ, и совершенно уничтожили шайку: 22 человѣка было убито, а большая часть остальныхъ погибла въ болотахъ.

Но главнѣйшимъ скопищемъ мятежниковъ была многочисленная шайка Ружицкаго, который еще въ концѣ апрѣля, пользуясь незначительнымъ числомъ войскъ въ центральной части волынской губерніи, успѣлъ сосредоточить весьма значительную банду близъ Полоннаго, въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ. Высланный противъ этого скопища отрядъ войскъ (двѣ роты стрѣлковъ и три сотни казаковъ), подъ начальствомъ флигель-адъютанта Казнакова, 5-го мая настигъ мятежниковъ у с. *Мирополя*, гдѣ нанесъ ей сильное пораженіе: въ происшедшемъ дѣлѣ мятежники потеряли болѣе 150 человѣкъ убитыми, до 70 плѣнными, значительное количество оружія и обозъ. Главная часть разбитой шайки, подъ предводительствомъ Ружицкаго, бросилась въ подольскую губернію и по пути отступленія соединилась съ значительною бандою Цѣхоньскаго. Преслѣдовавшій банду отрядъ флигель-адъютанта Казнакова настигъ мятежниковъ, 10 мая, близъ с. *Миньковцы*, и нанесъ имъ новое пораженіе, не смотря на весьма стойкую оборону: мятежники потеряли болѣе 100 человѣкъ убитыми и 56 плѣнными. Ружицкій, съ остаткомъ шайки, простиравшейся до 750 человѣкъ, остановленный на пути отступленія въ подольскую губернію и преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ войсками, былъ принужденъ избрать обратное направленіе и бросился на сѣверо-западъ, къ границамъ Галиціи. Во время быстраго отступленія шайка Ружицкаго потерпѣла двукратное пораженіе: у с. *Лисинце* (14 мая) и у с. *Салиха* (15 мая), потерявъ въ этихъ дѣлахъ болѣе 150 человѣкъ убитыми, 62 плѣнными и большую часть обоза. Наконецъ, въ ночь на 17-е мая, благодаря чрезвычайно быстрому движенію, Ружицкій съ остатками своей шайки успѣли перейти галиційскую границу, гдѣ до 350 человѣкъ мятежниковъ сдались австрійскимъ войскамъ, а остальные и главный предводитель спаслись бѣгствомъ.

После бѣгства Ружицкаго, въ волынской губерніи водворилось совершенное спокойствіе; шаекъ въ краѣ не существовало. Но чрезъ мѣсяцъ были произведены попытки вторженія въ волынскую губернію сильныхъ бандъ польскихъ мятежниковъ изъ Галиціи.

Первая попытка была произведена 19-го іюня. Болѣе чѣмъ 2000 человѣкъ внезапно заняли м. *Ридзивиловъ*. Атакованные войсками (двѣ роты и эскадронъ драгуновъ), мятежники были разбиты на голову и отброшены въ Галицію: при этомъ они потеряли болѣе 100 человѣкъ убитыми, въ томъ числѣ предводитель, Городынскій, 96 плѣнными и значительное количество оружія.

Во второй разъ мятежники, въ числѣ около 300 человѣкъ перешли границу между Матовскимъ и Лучицкимъ пограничными постами владиміръ-волынскаго уѣзда и успѣли углубитьс въ страну. Преслѣдуемая отрядомъ войскъ, подъ начальствомъ маіора Кашинцева, шайка была окружена у с. *Бубнови* и почти совершенно истреблена: мятежники потеряли до 75 человѣкъ убитыми и 40 плѣнными; значительная часть, изъ числа разсѣявшихся по лѣсамъ, взята въ плѣнъ крестьянами, а остальные успѣли пробраться обратно за границу.

Послѣдняя попытка мятежниковъ вторгнуться въ волынскую губернію была произведена 20 октября, у с. Жажарь, въ числѣ около 1500 чел., подъ предводительствомъ графа Комаровскаго. Отрядъ войскъ, занимавшій м. *Порѣцкъ*, выступилъ изъ онаго для преслѣдованія мятежниковъ, которые, узнавъ объ очищеніи названнаго мѣстечка войсками, скрылись обратно въ Галицію и, пользуясь очертаніемъ границы, быстро двинулись впередъ и заняли м. Порѣцкъ, до прибытія войскъ, еще ввечеру 21 октября. Возвратившійся отрядъ войскъ успѣлъ только отхватить часть аріергарда мятежниковъ. Вскорѣ затѣмъ изъ г. Владиміра прибылъ на подкрѣпленіе отрядъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Цитлядзева; но, по случаю наступившей темноты, начальникъ отряда отложилъ атаку до утра. Между тѣмъ, въ ночь, мятежники очистили мѣстечко и отправились обратно въ Галицію; при этомъ авангардъ отряда полковника Цитлядзева, успѣвшій настичь аріергардъ банды, нанесъ большой уронъ мятежникамъ и захватилъ небольшое число плѣнныхъ и значительный обозъ. Остатки разсѣявшейся шайки сдались, въ числѣ до 500 человѣкъ, австрійскимъ войскамъ.

Послѣ поименованныхъ попытокъ, въ волынской губерніи было водворено полное спокойствіе.

По приблизительному разсчету, во всѣхъ дѣлахъ съ войсками въ предѣлахъ волынской губерніи, мятежники потеряли убитыми и ранеными до 800 человѣкъ, кромѣ весьма значительнаго числа плѣнныхъ, а также раненыхъ, успѣвшихъ перебраться чрезъ границу. Потеря войскъ въ вышепомянутыхъ дѣлахъ

состояла: убитыхъ 35 человѣкъ (одинъ офицеръ) и ранеными 101 человѣкъ (3 офицера) всего 136 чел.

Кромѣ поименованныхъ дѣлъ, войска кіевскаго военнаго округа содѣйствовали къ подавленію мятежа въ пограничныхъ предѣлахъ люблинской и гродненской губерній. Въ пяти дѣлахъ, въ которыхъ эти войска принимали участіе, они потеряли 5 человѣкъ убитыми и 16 ранеными, всего 21 человѣкъ.

(*Военный Сбор.* № 3).

Вѣсти изъ Велижа.

Бѣлоруссія, мало-по-малу, совокупными усиліями русскаго правительства и общества русскаго, дорогою цѣной купившаго право вѣры въ будущее единой Руси,—великой и не терзаемой тайною крамолой предателей,—поднимающаяся изъ вѣковаго посрамленія, еще долго не можетъ и не должна быть оставлена безъ дѣятельной помощи, безъ разумной заботливости о благѣ ея сыновъ. Иначе, все что теперь начинаетъ оживать, но еще неспособно своими силами стать твердо на родную почву и грозно постоять за святыя, честныя преданія старины русской, снова охилѣетъ, опутанное врагами, которые ждутъ, притаясь, и надѣются, создавъ недоразумѣнія, спутать доброе согласіе земли съ Царемъ и снова раскинуть свои губящія тенета.

Первое благо,—основа всякаго блага, народное русское просвѣщеніе не можетъ еще быть пріобрѣтаемо, безъ помощи правительства, усталымъ вѣрнымъ населеніемъ западной Руси, столь много пережившимъ въ послѣднее время и съ такою боязнью внимающимъ мрачнымъ угрозамъ отступниковъ, только по наружности примиряющихся съ матерью-Русью. Вездѣ, гдѣ еще уцѣлѣлъ старый соръ, во всякомъ темномъ углѣ, дѣло народнаго образованія подвергается такимъ стѣсненіямъ, которыя въ состояніи убить въ народѣ наклонность къ грамотности не вполнѣ еще сознательную, и готовность къ пожертвованіямъ для ея пріобрѣтенія. Полагая, что обществу небезполезно ознакомиться съ темными сторонами этого дѣла не изъ такого, особенно-подробнаго, отчета, при составленіи котораго имѣлись бы въ виду различныя соображенія, болѣе или менѣе вредящія ясности, я, на этотъ разъ, приведу относящіяся къ дѣлу выписки изъ писемъ ко мнѣ о Велижѣ.

„Въ Велижѣ, съ давняго времени, существуютъ уѣздное и приходское училища, которыя давно бы пора, преобразовавъ, сдѣлать полезными для народа. Есть и женское училище, но оно доступно только для дѣтей купеческаго сословія. Мѣщанки или учатся попольски дома, или остаются безъ первоначальнаго образованія. Вѣрованія мѣщанства составляютъ какую-то дикую смѣсь православія съ папизмомъ. Мѣстное духовенство старается излечить этотъ застарѣлый нравственный недугъ, но его усилія увѣнчаются успѣхомъ только тогда, когда ученье-свѣтъ разсѣетъ тьму, охраняющую пока въ женскомъ поколѣніи привязанность къ уніи.

„Велижскій училищный совѣтъ, принявъ во вниманіе эту настоятельную потребность женскаго образованія въ городѣ, въ общемъ собраніи, зрѣло обсудивъ дѣло, постановилъ: отнестись въ мѣстную городскую думу съ запросомъ, не признаетъ ли она удобнымъ открытіе дѣвичьяго народнаго училища на счетъ общества; при этомъ было заявлено о готовности законоучителя и наставниковъ православнаго исповѣданія безмездно преподавать въ предполагаемомъ училищѣ. Дума получила отношеніе, прочитала и положила подъ спудъ.

„Вслѣдствіе стараній велижанъ, г. начальникъ витебской губерніи предписалъ велижской думѣ созвать въ свое присутствіе православное общество и разсудить объ учрежденіи дѣвичьяго училища и изысканіи источниковъ для его содержанія. При этомъ предполагалось, что не обременительно было бы для велижанъ обратить на это дѣло $1/_{10}\%$ съ оцѣночной суммы стоимости ихъ недвижимыхъ въ чертѣ города имуществъ. Казалось, что это предложеніе давало благопріятное рѣшеніе дѣлу. Вышло, однако, иначе, ибо рѣшеніе зависѣло отъ головы, по обычному у насъ порядку, а голова, г. Игнатій Хрулевичъ не раздѣлялъ съ лучшими русскими горожанами мнѣнія о пользѣ для Велижа русскаго дѣвичьяго училища.

„Прежде нежели сдѣлано распоряженіе о созваніи общества, противники предложенія обѣгали городъ, уговаривая неграмотное мѣщанство отнюдь не дозволять и рѣчи объ училищѣ, увѣряя, что, по его основаніи, на жителей падетъ новый налогъ до 3 рублей въ годъ съ души. Посему, когда, наконецъ, общество собрано было въ думѣ, г. Хрулевичъ, не сказавъ ни слова въ пользу учрежденія училища, что онъ, безъ сомнѣнія, обязанъ былъ сдѣлать предварительно, не объяснивъ темной

толпѣ, что новаго обременительнаго побора не будетъ, началъ громко читать предложеніе г. начальника губерніи. Не успѣлъ онъ прочесть и двухъ строкъ, какъ изъ толпы, въ которой были и пьяные, послышались шумныя заявленія: „Не нужно училища! не надо!“ Г. Хрулевичъ продолжалъ чтеніе, не смотря на то, что возгласы повторялись...

„Находившійся въ думѣ, для заявленія о своемъ желаніи, въ качествѣ домовладѣльца, участвовать въ пожертвованіи на училище и о готовности преподавать въономъ безмездно законъ Божій, мѣстный священникъ, отецъ Михаилъ Высоцкій, сознавая свою обязанность вывести толпу изъ заблужденія, въ которое она была вовлечена, обратился къ ней съ приличными вразумленіями, но безъ успѣха. Неудачно было и обращеніе къ ней мѣстнаго исправника г. Воейкова, присутствовавшаго также въ качествѣ домовладѣльца. Затѣмъ, по приказанію г. Хрулевича, составленъ былъ наскоро приговоръ, отъ имени всего общества, въ отрицательномъ смыслѣ, то-есть, что училище не нужно. Подписанъ приговоръ наиболѣе неграмотными. Купечество и нѣкоторые, не боявшіеся Хрулевича, мѣщане отказались подписаться—и, чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, именно въ началѣ декабря 1864 года, вошли къ начальнику губерніи съ докладною запиской, что вопросъ о дѣвичьемъ училищѣ рѣшенъ неправильно, къ общему прискорбію, подъ вліяніемъ головы р. католика, и что это училище для Велижа необходимо.

„Безспорно, кажется, что оно необходимо для города съ 5,926 жителями и наиболѣе необходимо именно для этой легко увлекаемой и обманываемой толпы, которая изъ боязни мнимаго обременительнаго побора отказалась отъ его. Надо надѣяться, что дѣло, однако, будетъ направлено на прямой путь, судя по той готовности, съ которою г. начальникъ губерніи всегда спѣшитъ содѣйствовать благоустроенію училищъ въ витебской губерніи. Г. Воейковъ, съ разрѣшенія его превосходительства, открылъ подписку въ пользу училища, по которой собрано уже до 200 рублей“.

Грустное впечатлѣніе производятъ на всякаго такія и столь часто повторяющіяся извѣстія. Но нельзя исцѣлять болѣзнь, не познавъ ея. Вызывать, поощрять просвѣщеннымъ вниманіемъ должно такія заявленія мѣстнаго образованнаго общественнаго слоя, которыя, знакомя съ темными сторонами общаго хода

дѣлъ у насъ, указываютъ на лучшіе, дѣйствительные способы къ устраненію недоразумѣній и къ немедленному искорененію причинъ, могущихъ принять гибельные размѣры зловѣщей неурядицы. *Николай Виноградовъ.*

Вильно
15-го Марта 1865 г.
(Москов. Вѣд.)

О гоненіяхъ на православныхъ въ ковенской губерніи отъ польскихъ мятежниковъ, въ 1863 году.

Къ грустному сказанію о страданіяхъ православнаго духовенства въ ковенской губерніи отъ польскихъ мятежниковъ [1]), присовокупляемъ слѣдующее письмо о томъ же предметѣ, доставленное изъ Ковна [2]), отъ 7 іюня 1863 года въ редакцію «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

Кровавыя событія, совершившіяся въ Царствѣ-Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ Россіи, обратили на себя вниманіе всей Европы. Всѣ газеты дали имъ мѣсто на своихъ страницахъ, и каждая изъ нихъ говоритъ про эти событія съ своимъ особеннымъ взглядомъ на оныя, показываетъ особенныя причины кровопролитія и готовитъ ему по своимъ взглядамъ послѣдствія. Мало того. Большая часть иностранныхъ періодическихъ изданій, основываясь на извѣстіяхъ, ложно сообщаемыхъ революціонными польскими листками, искажаетъ факты, необдуманно и не благородно поноситъ и извращаетъ лучшія и благодѣтельнѣйшія распоряженія русскаго правительства, поноситъ и многострадальную въ Литвѣ православную церковь.

Литовская православная церковь молчала. Въ ея единственномъ органѣ, «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», мы встрѣчали только нѣсколько извѣстій о послѣднихъ событіяхъ, которыя коснулись ея служителей и всего православнаго народонаселенія Литвы и не могли не отозваться жгучею болью въ любящемъ сердцѣ каждаго, благоговѣющаго предъ святынею своей вѣры и церкви. Мы со всѣми православными не терпѣ-

---

1) Сказанія эти, по временамъ, были помѣщаемы въ нашемъ журналѣ за 1863—64 г. и продолженіе ихъ будетъ въ слѣдующихъ книжкахъ. *Ред.*

2) Это сообщено изъ Ковна; слѣд. обстоятельства, здѣсь описанныя, не могутъ относиться ко всѣмъ мѣстностямъ литовской епархіи. *Ред.*

ливо ждемъ полныхъ и болѣе разнообразныхъ извѣстій отъ собратій нашихъ... Съ своей стороны считаемъ святымъ долгомъ высказать то, что мы слышали и слышимъ вокругъ себя и чему были свидѣтелями.

Народъ польскій, а съ нимъ и политики Европы представляютъ одну главную мысль, которая управляетъ возстаніемъ. Не наше дѣло разбирать политическія стремленія и цѣли народа .. Но во главѣ возстанія и едва ли не главнымъ его руководителемъ стоитъ р. католическое духовенство, вооруженное, вмѣсто оружія искупленія, знаменія жизни, — оружіемъ смерти и пагубы. Но вокругъ насъ повсюду слышатся его хулы на православіе, его проклятія всему православному и русскому. По неволѣ придешь къ мысли и скажешь: нѣтъ, не однѣ политическія цѣли въ виду возставшаго народа. Эта жестокая вражда ко всему православному, проповѣдуемая р. католическимъ духовенствомъ, проистекаетъ изъ другаго, нечистаго источника. Вопросы политическіе въ Польшѣ неразрывно связаны съ вопросами религіозными. Умѣющіе пользоваться всѣмъ для достиженія своихъ цѣлей клерикалы потому и стали во главѣ мятежа, чтобы успѣшнѣе преслѣдовать свои любимыя мечты о владычествѣ р. католичества, — мечты, которыя стоили столько крови православной церкви въ западной и южной Россіи.

Три года назадъ начались первыя политическія демонстраціи. Одновременно съ этимъ въ римско-католическихъ костелахъ послышались проповѣди, въ которыхъ порицалось православіе, поляки призывались къ защитѣ своей вѣры и церкви, будьто бы попранной православіемъ. Проповѣдуя въ храмахъ открытую вражду къ православію, духовенство р. католическое стало пользоваться всѣми случаями, чтобы дѣйствовать на воображеніе и разжигать страсти народа... Плодомъ этаго были публичныя оскорбленія духовенства православнаго, прерваніе общественныхъ связей р. католиковъ съ православными, запрещеніе воспитывать дѣтей отъ смѣшенныхъ браковъ въ православной вѣрѣ, оскорбленіе женщинъ православныхъ, не носящихъ траура... Но погибельная искра еще тлѣла подъ пепломъ...

10 генваря произведена была рѣзня солдатъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ Ковнѣ съ 10 на 11 генваря въ одинадцать часовъ ночи слышали тихій звонъ, — а въ это время никакого звона по ихъ уставу не должно быть, — на колокольнѣ монастыря монахинь бернардинокъ. Церковь латинская первая объявила на-

роду, что тлѣвшая искра уже сдѣлалась гибельнымъ пламенемъ. Въ костелахъ слышнѣе и открытѣе послышались воззванія духовенства къ защитѣ гонимой р. католической вѣры и возмущающія душу хулы и проклятія на православную церковь. Православная вѣра называема стала язычествомъ, отступничествомъ отъ Бога, поганою схизмою. Между раскольниками [1]) пронеслась молва, что, если они примутъ сторону мятежниковъ и перерѣжутъ православныхъ, р. католическое духовенство дастъ имъ полную свободу вѣроисповѣданія и подаритъ всѣ православныя церкви. Въ обществахъ открыто начали высказывать мнѣнія, составленныя и поддерживаемыя духовенствомъ, что у православныхъ не та Матерь Божія, которая у р. католиковъ, что православные не чтятъ пренепорочной Дщери Іоакима и Анны, послышались наглыя насмѣшки надъ предметами и догматами православія. Въ одномъ изъ учебныхъ заведеній дѣти глумились надъ православною иконою [2]) ...... 11 генваря въ ковенской гимназіи православный законоучитель, по приглашенію начальства, совершилъ освященіе новоустроенныхъ зданій гимназіи; на другой день р. католическій законоучитель совершилъ „*переосвященіе*." По свидѣтельству добросовѣстнаго очевидца, больно было видѣть неуваженіе, съ которымъ присутствовали дѣти при совершеніи обряда православной церкви... Но было ли обращено на это вниманіе,—отъ кого слѣдуетъ,—допрошенъ ли былъ ксендзъ и пригласившіе его, по какому праву они издѣвались такъ нагло надъ святостію православія,—это не извѣстно... И это не единственный примѣръ такого поруганія. Къ ковенскому православному кладбищу шла погребальная процесія. Ксендзъ, ѣхавшій въ экипажѣ, не только не снялъ шапки и не сдѣлалъ крестнаго знаменія предъ св. крестомъ, который несъ православный священникъ; но, сдѣлавъ гримасу, отвернулся. Въ толпѣ, сопровождающей процессію, было много р. католиковъ, и священникъ слышалъ вопросы на польскомъ нарѣчіи: „ужели

1). Раскольниковъ очень не мало въ ков. губ.

2) Я былъ обрадованъ сужденіями объ этомъ двѣнадцатилѣтняго мальчика. Случайно попросивъ у меня уясненія одного вопроса о св. иконахъ, онъ въ заключеніе нашей бесѣды сказалъ: „Богъ у насъ наказалъ одного ученика, который смѣялся надъ православными. Прежде онъ имѣлъ отличные балы, а теперь далеко хуже. Богъ не благословилъ его." Дай Богъ, чтобы и все юное поколѣніе воспитывалось въ такой вѣрѣ и уваженіи къ христіанству.

это ксендзъ?" Другой собратъ его вошелъ въ кладбищенскую церковь во время панихиды. Снявъ шапку въ самой церкви (предъ церковію устроенъ притворъ, въ которомъ находится св. икона), онъ облокотился на перила клироса, осмотрѣлъ кругомъ внутренность храма и молящихся; усмѣхнулся, увидѣвъ символическое коливо, и поспѣшно вышелъ изъ храма. На Жмуди, обличая въ проповѣди пьянство (которое говорятъ для повстанцевъ разрѣшается теперь ксендзами), проповѣдникъ сказалъ: „идите негодные къ схизматикамъ, ихъ вѣра одобряетъ пьянство, они всѣ пьянствуютъ. Прокляты они, проклята ихъ вѣра."—Подобные примѣры безчисленны, такъ что невѣроятнымъ кажется, если увидишь р. католика въ храмѣ православномъ, полагающаго съ благоговѣніемъ крестное знаменіе, если услышишь доброе слово о православіи отъ духовнаго сына этихъ непримиримыхъ враговъ православія......

Предавая поруганію святыню вѣры православной, духовенство р. католическое возстало всею силою лжи и фанатизма противъ православнаго духовенства, какъ главнаго представителя православія и вооружило противъ него р. католическое общество. Православному священнику трудно пройти нѣсколько улицъ города, чтобы не встрѣтить нѣсколькихъ взглядовъ презрѣнія и ненависти, не услышать браннаго „попъ проклятый," не получить оплеванія. Кажется, что эта ненависть стала безусловною необходимостію, символическимъ знакомъ р. католичества, потому что въ ней стараются воспитать и юное поколѣніе. Намъ разсказывалъ очевидецъ, что дѣти одного частнаго виленскаго пансіона, встрѣтивъ во время гулянья по городу двухъ православныхъ священниковъ, всѣ плюнули и отвернулись. Православный законоучитель ковенской гимназіи въ самомъ корпусѣ публично, открыто, подвергся насмѣшкамъ и поруганію.

Чтобы разорвать связи р. католическаго народонаселенія съ православнымъ, духовенство р. католическое запрещаетъ сношенія съ православными, посѣщеніе храмовъ православныхъ, подъ опасеніемъ проклятія, которымъ заклеймены схизматики-русскіе. Оно всѣми силами ухищреній и лжи старается воспрещать брачные союзы православныхъ съ р. католиками, затрудняетъ совершеніе брачныхъ обысковъ умышленнымъ несообщеніемъ брачныхъ документовъ, и вступающимъ въ браки съ православными грозитъ всѣми муками ада. Люди лучшаго круга заглушаютъ самыя дорогія привязанности сердца, чтобы не быть предметомъ

насмѣшекъ и презрѣнія общества, находящагося подъ вліяніемъ духовенства. Люди простые, бѣдные, для которыхъ брачный союзъ есть единственное условіе ихъ независимаго существованія, не слушаютъ безумныхъ угрозъ своихъ пастырей—крамольниковъ. Но гибельное вліяніе этихъ пастырей отравляетъ ихъ семейную жизнь. Женившихся или вышедшихъ за мужъ за православныхъ лишаютъ благодатныхъ утѣшеній во время исповѣди,— стращаютъ смущенную совѣсть вѣчною погибелью имъ и потомству ихъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого вліянія бываютъ семейныя раздоры, плохое воспитаніе дѣтей, ни то въ духѣ православія, ни то въ духѣ р. католичества. Вліяніе угрозъ бываетъ такъ сильно, что нѣкоторые бѣгутъ р. католичества и укрываются въ материнскомъ лонѣ православной церкви. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ два солдата приняли православіе потому, что всѣ р. католическіе духовники ихъ грозили проклятіемъ за вѣрность ихъ своему долгу... .. Бывали примѣры, что и свѣтлыя отъ природы души едва освобождаются отъ тяжелаго впечатлѣнія этихъ угрозъ только послѣ долгаго подвига молитвы и самоуглубленія. Одна католичка, вышедшая за мужъ за православнаго, для успѣшнѣйшаго воспитанія дѣтей въ вѣрѣ отца ихъ, и сама проникнувшись духомъ истиннаго православія, присоединилась къ православной церкви. Когда потомъ мужъ ея, любившій выпить и прежде, распился болѣе, бѣдная женщина едва не впала въ отчаяніе, считая свое несчастіе наказаніемъ Божіимъ за замужество съ православнымъ и принятіе самою православія, потому что это пророчили ей р. католическіе духовники. Вѣра въ милосердіе Божіе и молитва матери многочисленнаго семейства исцѣлили мужа ея отъ его моральнаго недуга. Другая женщина чтобы быть допущенною къ исповѣди, должна была переходить отъ духовника къ духовнику. Каждый изъ нихъ предлагалъ ей прежде всего вопросъ: за кѣмъ она замужемъ? получивъ чистосердечный отвѣтъ — за православнымъ, ее гнали отъ себя съ страшными проклятіями. Напуганная, растерянная, преслѣдуемая проклятіями несчастная не знала, что дѣлать, пока милосердіе Божіе не послало ей добросовѣстнаго пастыря, который успокоилъ бѣдную душу. Да утѣшитъ и его милосердіе Божіе въ его предсмертныя минуты за добросовѣстное служеніе душамъ человѣческимъ!

Чтобы успѣшнѣе воспитать простой народъ въ ненависти къ православному духовенству и вообще ко всему православно-

му и русскому, и не допустить его освободиться отъ гибельнаго вліянія р. католическаго фанатизма, духовенство р. католическое употребляетъ всѣ средства, чтобы воспрепятствовать заведенію сельскихъ школъ и обученію мальчиковъ православными наставниками въ духѣ и намѣреніяхъ правительства. Принявъ (какъ и необходимо) на себя великое дѣло образованія сельскаго простаго населенія, духовенство р. католическое это великое дѣло большею частію поручало наемникамъ, своей, всегда порядочной по числу, дворнѣ, или церковнику, — людямъ безъ всякаго основательнаго образованія, но напитаннымъ непримиримымъ фанатизмомъ. Этими-то людьми оно хотѣло исполнить благія намѣренія правительства объ образованіи народа. Народъ, жаждущій просвѣщенія, спѣшилъ къ нимъ съ своими дѣтьми; и чтоже? тамъ, неумѣющимъ Богу молиться, внушается прежде всего ненависть ко всему православному и русскому, какъ будьто эта ненависть должна служить основаніемъ народнаго образованія въ р. католичествѣ.... И эти дѣти, подобно воспитываемымъ въ городскихъ общественныхъ заведеніяхъ, выбѣжавъ однажды изъ своей школы и замѣтивъ на базарѣ православнаго священника, съ насмѣшкой кричали: попъ! Фактъ этотъ много говоритъ въ пользу усердія наставника—ксендза въ воспитаніи дѣтей по духу современнаго р. католичества! Гдѣ сельскія школы открыты палатою государственныхъ имуществъ, вліяніе р. католичества силится подорвать довѣріе народа къ наставникамъ изъ православныхъ; гдѣ это трудно, прибѣгаютъ къ угрозамъ. Крестьянамъ съ церковныхъ каѳедръ запрещается отдавать дѣтей въ казенныя сельскія школы. И они, по неволѣ, со слезами отнимаютъ послѣднихъ, боясь висѣлицъ и пожаровъ, которыми такъ часто распоряжались ксендзы..... Но дѣло бываетъ и хуже. Недавно наставники нѣкоторыхъ училищъ изъ россіенскаго и тельшевскаго уѣздовъ прибыли въ Ковно, чтобы самимъ избѣжать висѣлицъ, а можетъ быть и болѣе жестокой и страшной смерти.... (1) Но всѣ козни латинскаго духовенства и возставшей шляхты были безсильны вооружить простой народъ. Слиш-

(1) До насъ дошли слухи, что нѣкоторыя лица изъ русскихъ же, вопросъ— кому быть учителями простаго народа, рѣшили же въ пользу духовенства и даже оффиціально признали духовенство неспособнымъ къ этому дѣлу. Грустно встрѣчаться въ Литвѣ съ такими лицами; и, если это убѣжденіе раздѣлять лица вліятельныя—жаль бѣднаго народа! Легко писать и судить о комъ бы то ни было, сидя въ кабинетѣ. Но что сдѣлали бы эти судіи, бу-

комъ свѣжи еще его раны, которыя наносили ему его владѣльцы. Народъ оставался вѣренъ Престолу, откуда льются на него милость и правда, уважалъ святость православной церкви и ея служителей. Онъ инстинктивно привязался къ нимъ, хотя не вездѣ хорошо понимаетъ бесѣду ихъ (напр. жмудины), привязанъ къ русскимъ, которые не били его, не разорили его семействъ, не глумились надъ невинностію дѣвъ его, не попирали всѣхъ правъ его человѣческихъ.... Напрасно помѣщики обѣщали народу отдать земли безъ выкупа, напрасно подтверждали эти обѣщанія ксендзы. Чутье народа не вѣрило искренности своихъ прежнихъ недруговъ, не вѣрило справедливости своихъ пастырей, вооруженныхъ револьверами, обагренныхъ кровію человѣческою.... За ними шла мелкая, безтолковая шляхта, развратная и буйная дворня и всѣ бродяги и бездомные, которымъ нечего терять; а народъ на всѣ возмутительныя воззванія отвѣчалъ кроткимъ молчаніемъ и свою сокровенную мысль и чувство обращалъ къ пастырямъ православнымъ. Крестьяне одной мѣстности ковенскаго уѣзда собрались толпою къ православному священнику просить совѣта, какъ поступать имъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. На вопросъ священника, почему они не обращаются къ своему ксендзу, они всѣ сказали: „наши ксендзы за одно съ панами играютъ въ карты и бунтуются. Мы имъ не хочемъ служить. Просимъ васъ, духовный отче, научить насъ.“

дучи въ положеніи бѣднаго семинариста наставника, который долженъ жить въ краю, гдѣ (напр. на жмуди) на одного русскаго 150 и болѣе р. католиковъ, который не видя вокругъ себя ни одного дружескаго взгляда, не имѣя даже, по малочисленности и отдаленности церквей, утѣшенія помолиться Богу въ храмѣ въ каждый праздникъ, долженъ непрерывно вести ожесточенную борьбу съ р. католичествомъ, собирать дѣтей въ школу, какъ птица собираетъ птенцевъ въ часъ бури, и для полученія скуднаго жалованья отправляться за нѣсколько десятковъ верстъ въ уѣздный, а иногда и губернскій городъ, и тамъ въ передней присутствія ждать выдачи этаго жалованья по нѣскольку дней?... И только бы ждать.... Но они молчатъ, трудятся, несутъ терпѣливо и безропотно свой крестъ тяжелый; и эта любовь къ нимъ простаго народа и его довѣренность служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ ихъ успѣховъ и пользы, приносимой ими обществу. Будучи, въ прошедшемъ январѣ (1863 г.), въ уѣздахъ новоалександровскомъ, вилкомірскомъ, я былъ изумленъ, утѣшенъ успѣхами дѣтей и ихъ развитостію, и удивлялся только тому, какъ могли наставники при столькихъ препятствіяхъ пріобрѣсть мальчиковъ и столько успѣть съ ними? (*)

(*) Замѣтка эта равно какъ и вся статья относится къ 1863 году,— теперь же на Жмуди все перемѣнилось къ лучшему. Ред.

На стражѣ этихъ паствъ — безъ пастырей стояли немногіе русскіе, съ ихъ пламенною любовію къ вѣрѣ, уваженіемъ и преданностію закону и благу общества. Они были помѣхою, препятствіемъ въ исполненіи злыхъ замысловъ враговъ этой вѣры, закона и блага общественнаго. И послѣдніе поспѣшили сдѣлать ихъ мучениками, чтобы ихъ могилами доказать народу торжество и справедливость своего дѣла.

Становой приставъ россіенскаго уѣзда Филиппъ Билима—Пастернаковъ, (1) шестдесятилѣтній старецъ на возвратномъ пути изъ Россіенъ заѣхалъ по приглашенію въ м. Скавдвиляхъ къ знакомому ксендзу. Когда они сѣли кушать чай, ксендза потребовали въ костелъ крестить младенца. Между тѣмъ шайка, бывшая въ сосѣднемъ лѣсу, узнавъ о пріѣздѣ Пастернакова, ворвалась въ домъ, схватила старца и повлекла его на шоссе къ шлагбауму, чтобы повѣсить. Но снурокъ сорвался и повѣшенный упалъ на землю. Сбѣжавшаяся толпа евреевъ съ плачемъ просила пощады мученику, и онъ самъ съ раздирающимъ душу воплемъ просилъ разстрѣлять его, а не подвергать позорной висѣлицѣ...... Ужасъ такъ былъ великъ, что одна еврейка, услышавшая эти вопли, чрезъ три дня умерла. Но изверги снова подняли вверхъ тѣло мученика, сказавшаго имъ: „*вамъ отдаю тѣло, а Богу душу.*" Совершая таинство, ксендзъ услышалъ крики въ мѣстечкѣ и выбѣжалъ изъ храма. Но старецъ уже былъ мертвъ, ксендзъ вымолилъ помилованіе только пятисотскому, котораго ждала участь Билимы—Пастернакова. Повѣшеннаго старца подъ страхомъ смерти запрещено было снимать съ висѣлицы. Несчастная вдова только чрезъ три дня съ помощію военнаго отряда предала землѣ тѣло мученика.

„Не снимать его! посмотримъ, придутъ ли, спасутъ ли его русскіе," говорили убійцы. Какъ напоминаетъ эта сцена другую, отдаленную вѣками, сцену, гдѣ подобные же изверги, окружая крестъ величайшаго Праведника, Распятаго ими, говорили съ звѣрскимъ торжествомъ: „посмотримъ, придетъ ли Илія спасти Его!"

---

(1) Послѣ смерти Пастернакова осталась пятидесятилѣтняя вдова и такихъ же лѣтъ сестра покойнаго больная и дряхлая. У вдовы живутъ еще двѣ дочери дѣвушки, изъ которыхъ одна—калѣка. Всѣ онѣ остаются безъ всякихъ средствъ къ существованію и живутъ у чиновника Сергѣя Филиппыча Билимы— Пастернакова, сына покойнаго въ г. Ковнѣ (*).

(*) Всѣ эти сироты получили вспомоществованіе и пожизненную пенсію отъ правительства. Ред.

16 апрѣля повѣшенъ въ мѣстечкѣ Вижунахъ вилкомірскаго уѣзда, имѣнія графа Эдуарда Чапскаго, тамошній пятисотскій Филиппъ Лебедевъ, молодой человѣкъ съ душою кроткою и доброю. Лебедевъ не далъ ни малѣйшаго повода къ жестокому мщенію. Поступившій на службу только въ мѣсяцѣ генварѣ и обвороженный ласковымъ пріемомъ жителей, онъ отдался имъ всѣмъ своимъ симпатическимъ сердцемъ, не подозрѣвая преступныхъ замысловъ противъ правительства, и что готовятъ ему его новые друзья — предатели. Человѣкъ всею душею преданный отчизнѣ и престолу, онъ со всѣмъ жаромъ и откровенностію благородной души высказывалъ свои народныя убѣжденія и вѣрованія и защищалъ права закона и Монарха.

16 апрѣля, возвратившись домой изъ поѣздки по порученію начальства, онъ былъ схваченъ двумя крестьянами, которымъ подъ страхомъ смерти приказано было взять его, а за исполненіе обѣщано было два рубля награды... Два рубля за жизнь человѣка!.. Пусть потомство запомнитъ эту роковую цѣну. Напрасно несчастный отдавалъ мужикамъ, его ведшимъ, все свое имущество: угроза была такъ страшна, что они не осмѣлились ослушаться. Напрасно жена просила защиты у помѣщика и именемъ неба и земли заклинала не губить невинно двухъ несчастныхъ... Жену прогнали, а его повели въ лѣсъ, гдѣ уже ждала своей жертвы шайка, повѣсили и даже не позволили предать замученное тѣло землѣ по христіански... Совершивъ смертоубійство, изверги въ дикомъ торжествѣ говорили: „вотъ хотя одного попадзюка повѣсили!" (1) Бѣдная вдова только на четвертый день предала землѣ тѣло мученика подъ деревомъ, на которомъ былъ повѣшенъ.

Къ чести человѣчества и среди этой поражающей ужасомъ картины явилось одно свѣтлое лицо, которое успокоиваетъ взволнованную душу. Почти семидесятилѣтній старецъ, ксендзъ о. Т...., достойнѣйшій другъ покойнаго Лебедева при жизни, и по смерти его не забылъ его ранней могилы. Каждое утро и вечеръ во все время своего пребыванія въ Вижунахъ жена покойнаго видѣла старца на колѣнахъ предъ могилою ея бѣднаго мужа... Имя его? Но за чѣмъ намъ имя его? Истинное величіе души не ищетъ похвалы.

---

(1) Филиппъ Лебедевъ былъ единственнымъ сыномъ шестидесяти—лѣтней вдовы, просвирни вилкомірской церкви Александры Васильевны Лебедевой.

4-го апрѣля повѣшенъ пятисотскій Семенъ Легченко. Жена несчастнаго увѣряла, что убійцы давали ему жизнь съ условіемъ принять р. католичество. Но онъ отвергъ предложеніе, предпочитая смерть мученика позорной жизни.

Кромѣ того повѣшенъ наставникъ субочскаго сельскаго училища, вилкомірскаго уѣзда, Викентій Смольскій и погибъ эйрагольскій наставникъ ковенскаго уѣзда Константинъ Котлинскій. Подробности о смерти ихъ не извѣстны.

Много и другихъ лицъ погибло за свою крѣпкую любовь и вѣрность престолу и вѣрѣ. Гдѣ былъ случай и возможность, необузданная жестокость достигала того, что нужно было только малѣйшее подозрѣніе въ сношеніяхъ или въ благорасположенности къ русскимъ, довольно носить имя русскаго, быть православнымъ, чтобы быть признану достойнымъ позорной смерти. Но къ намъ не дошла вѣсть, что бы кто нибудь изъ погибшихъ, умирая, не благословлялъ своей вѣры и св. дѣло, за которое они погибли....

Жестокости, которыя позволяютъ себѣ инсургенты, коснулись и православнаго духовенства. Намъ сообщило лице, достойное полнаго довѣрія, что къ священнику поддубисской церкви, о. Григорію Пигулевскому, ворвался однажды вооруженный повстанецъ. О. Григорій молился, приготовляясь къ священнодѣйствію за все христіанство .. Вошедшій подошелъ къ о. Григорію и грозилъ убить его, жену и малолѣтняго сына и сжечь церковь. „Не трать заряда, спокойно и кротко отвѣчалъ служитель Божій. Убей кулакомъ беззащитнаго; но помни, что кровь, пролитая невинно, будетъ взывать къ Богу объ отмщеніи.“— Преступникъ остолбенѣлъ. Совѣсть заговорила. Схвативъ руку о. Григорія, онъ поцѣловалъ ее и заплакалъ. Бѣдному о. Григорію приходилось уже не разъ проводить ночи подъ открытымъ небомъ и прятаться, какъ преступнику. Священникъ брацлавской церкви, новоалександровскаго уѣзда, о. Анзельмъ Лечицкій, семидесятилѣтній старецъ, по усильнымъ просьбамъ своихъ прихожанъ, долженъ былъ уѣхать изъ дома и только являлся въ приходѣ для совершенія требъ и богослуженія, потому что смерть его была уже рѣшена... Пока что въ ковенской губерніи нечестіе еще не обагрилось кровію служителей Божіихъ.

Но состояніе православнаго сельскаго населенія плачевно Страхъ, наведенный разсказами о жестокихъ мукахъ, которымъ подвергаются схваченные инсургентами, такъ великъ, что пра-

вославные крестьяне сами не знаютъ, что предпринять для своей защиты и очень часто являются за утѣшеніями и совѣтами. Внѣшнее устройство быта православнаго сельскаго населенія ковенской губерніи увеличиваетъ непріятность и опасность ихъ положенія. Кромѣ весьма малаго числа казенныхъ крестьянъ, (1) остальное православное сельское населеніе принадлежитъ къ различнымъ городскимъ обществамъ ковенской и сосѣднихъ губерній, не имѣетъ постоянной осѣдлости, а живетъ на земляхъ помѣщиковъ р. католиковъ, или бобылями и рабочими между домохозяевами различныхъ сословій и вѣроисповѣданій. Не имѣя осѣдлости и необходимо завися отъ владѣльцевъ, православное сельское населеніе должно ежегодно перемѣнять свое мѣстожительство, и, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ и лишеніямъ кочеваго быта, должно разработывать пустыри, ютиться между лѣсовъ и болотъ отдѣльными семействами на разстояніи другъ отъ друга нѣсколькихъ верстъ. (2) Тайные агенты революціоннаго комитета и духовенства проникаютъ и въ эти пустынныя односелья и стращаютъ всѣхъ русскихъ изгнаніемъ и истребленіемъ; (3) вооруженное духовенствомъ р. католическое населеніе преслѣдуетъ ихъ на каждомъ шагу, осмѣивая вѣру, ругаясь надъ пастырями, предрекая гибель православію. Резъединенные другъ отъ друга, окруженные врагами они не могутъ, не подвергаясь опасности, дѣлать взаимныхъ совѣщаній и, въ случаѣ опасности, получить взаимную помощь и защиту; они не могутъ имѣть и отрадной надежды умереть, если потребуютъ ихъ жизни, за вѣру и Царя, при своихъ братьяхъ по вѣрѣ...... (4) Наводя страхъ на православное населеніе распространеніемъ угрожающихъ лож-

---

(1) Изъ всѣхъ православныхъ приходовъ ковенской губерніи, только вилкомірскій и ново-александровскаго уѣзда брацлавскій приходы имѣютъ казенныхъ крестьянъ $\frac{1}{2}$ прихода, въ другихъ приходахъ они составляютъ $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{7}$ часть прихода.

(2) Въ ковенскомъ напр. приходѣ это разстояніе неменѣе 4 или 5 верстъ.

(3) Въ 1863 году православные крестьяне просили совѣта, какъ поступать имъ, бросать ли все хозяйство, или оставаться, ждать смерти, потому что къ нимъ являются постоянно неизвѣстныя лица и говорятъ, что всѣ русскіе должны переселиться въ Москву, или погибнутъ въ Литвѣ.

(4) Мы, пастыри этихъ бѣдныхъ дѣтей нашихъ, надѣемся что правительство обратитъ особенное вниманіе на бѣдственное состояніе право-

ныхъ извѣстій о водвореніи польскаго владычества въ Литвѣ, духовенство р. католическое, чтобы сильнѣе взволновать народъ, вооружилось наконецъ богохульствомъ, прибѣгло къ вымысламъ

славнаго сельскаго населенія ковенской губерніи. Горько состояніе всего вообще православнаго народа въ Литвѣ, но въ ковенской губерніи хуже, чѣмъ гдѣ нибудь. Въ гродненской и виленской губерніяхъ православное народонаселеніе живетъ большею частію цѣлыми деревнями, пользуется землею отъ казны, или по новому положенію пріобрѣло право пользованія помѣщичьею землею, имѣетъ всѣ выгоды, которыя доставляетъ человѣку постоянная связь съ обществомъ. Въ ковенской губерніи нѣтъ этаго. Въ губерніяхъ виленской и гродненской открыто священниками много училищъ, и мы утѣшались уже успѣхами дѣтей, про которыя сообщили намъ добрые люди. У насъ нѣтъ и не будетъ подобныхъ училищъ, пока православное сельское населеніе не получитъ какой либо осѣдлости, не сольется въ одно цѣлое, потому что при теперешнемъ бѣдственномъ его положеніи духовенство не имѣетъ возможности открывать училища, и всѣ усилія нѣкоторыхъ добрыхъ пастырей къ открытію ихъ остались безуспѣшными (*). А жажда свѣта и науки томитъ нашихъ бѣдныхъ мужичковъ и православный священникъ съ грустью и болью сердца долженъ выслушивать его жалобы на «темноту его», на всѣ бѣдствія и страданія, которымъ подвергаетъ его окружающее многочисленное населеніе. Напр. у одного помѣщика собралась шайка. Православные поселяне, арендующіе у него земли, донесли объ этомъ военному начальнику. Помѣщикъ приказалъ ихъ прогнать съ своей земли. Благодареніе Богу, что они нашли высокаго покровителя въ... Жаль бѣднаго народа; онъ заслужилъ лучшую долю своими долгими страданіями, своею возможною вѣрностію истинному православію, при всѣхъ искушеніяхъ отъ окружающихъ его раскольниковъ и р. католиковъ.

Вслѣдствіе особеннаго въ ковенской губерніи положенія православнаго сельскаго народонаселенія, и отношенія православнаго духовенства къ прихожанамъ совершенно другія чѣмъ въ остальной Литвѣ. Православному священнику, имѣющему даже нѣсколько десятковъ прихожанъ, рѣшительно не возможно слѣдить за ними такъ, какъ этого требуетъ его святой долгъ (**). —Въ храмѣ Божіемъ онъ видитъ только не многихъ ближайшихъ (въ верстахъ 10, 15, 20 и даже 35) и то въ нарочитые годовые праздники; остальные, по отдаленности своей, не бываютъ въ храмѣ годъ, два года(***). —Для совершенія таинства исповѣди священникъ долженъ дѣ-

*) И это относится къ 1863 г.—но теперь, заботливостью учебнаго округа, повсюду учреждаются и во ковенской губерніи сельскія школы въ духѣ русской народности. Ред.

(**) Угнетаемые бѣдностію, отчужденные другъ отъ друга, одичавшіе въ пустынномъ одиночествѣ, окруженные фанатизмомъ р. католичества и раскольничества, люди эти бываютъ глухи и къ задушевному слову своего пастыря.

(***) До 1840 года въ нынѣшней ковенской губерніи были слѣдующія православныя церкви: сурдекскій монастырь, пожайскій, православный

о чудесахъ, какъ видимыхъ знакахъ Божественной помощи и покровительства поднятому мятежу. Нелѣпая вѣсть о чудѣ, будто бы бывшемъ въ Царствѣ Польскомъ, о которомъ писали газеты, послужила основаніемъ къ вымыслу другихъ, подобныхъ сказокъ. Въ народѣ ходитъ молва, что и въ вилкомірскомъ уѣздѣ шестнадцати-лѣтней пастушкѣ явились съ неба Божіи посланники, принесшіе вѣсть, что Самъ Богъ беретъ на Себя дѣло Польши и его защиту. Одинъ изъ этихъ посланниковъ назвалъ себя кардиналомъ. Смѣшно и грустно слышать всѣ бредни, достойныя средневѣковыхъ временъ, которыми теперь стараются воодушевить христіанъ для борьбы съ христіанами.

Обманывая суевѣрный народъ разсказами о чудесахъ и призывая его къ благодарной молитвѣ за эти явленія небеснаго покровительства, агенты революціоннаго комитета и ксендзы повторяютъ простому народу извѣстные нелѣпые манифесты, напечатанные за границею, разукрашивая оные вымыслами

лать 200 и болѣе верстъ, чтобы найти бездомныхъ бобылей, которые ежегодно мѣняютъ свои жилища, находясь въ услуженіи то у раскольниковъ, то у р. католиковъ. И тогда только православный прихожанинъ слышитъ слово о вѣрѣ и молитву церкви, видитъ своего пастыря, когда послѣдній самъ пріѣдетъ къ нему. (*) Религіозное чувство сельскаго православнаго населенія вообще очень неразвито. (**)

только съ 1833 года, ковенская приходская церковь, устроенная въ 1825 г. Православные были раздѣлены между сими церквами и двумя приходами трокскаго уѣзда виленской губерніи въ м. Евье и м. Кронахъ. Какъ тутъ было развиться теплому религіозному чувству, когда, случалось, прихожане жили отъ церкви за 120 верстъ...

(*) Для обученія ихъ молитвамъ духовенство посылаетъ церковниковъ. Но и эта мѣра по причинѣ отдаленности, бездомства и поражающей бѣдности не приноситъ ожидаемой пользы; а гдѣ одно лице-слуга православный, а цѣлая семья раскольники или р. католики, тамъ невозможно никакое обученіе. Жаль бѣднаго народа! Но исправить это несчастное положеніе, пробудить его отъ дремоты и оцѣпенѣнія не по силамъ православному духовенству, потому что для этаго нужно перевернуть весь бытъ этаго населенія. Это дѣло требуетъ сильнѣйшихъ дѣлателей. Пастыри ждутъ ихъ зова и помощи.

(**) Бываютъ примѣры, что и между, такъ сказать, отчужденными людьми встрѣчаются личности съ высокою вѣрою и теплою любовію къ церкви. Недавно одинъ ковенскій священникъ отправился за 30 верстъ для исправленія духовныхъ требъ. Прихожане видѣли въ немъ ангела утѣшителя и крестились при встрѣчѣ съ нимъ. И не мудрено. Эти люди четыре мѣсяца не были въ церкви, боясь оставить одинокія жилища, которыхъ некому защищать.

самой дикой фантазіи. Въ одно и тоже время на Жмуди пронеслась молва, что правительство русское посылаетъ схизматиковъ-поповъ перекрещивать всѣхъ р. католиковъ на „русскую собачью вѣру";—кто будетъ ослушникомъ, того будутъ мучить и убивать. Нѣтъ чувства выше и дороже чувства религіи. И мы слышали, что и простой народъ, хранившій упорное молчаніе, поднялся, когда его друзья—предатели сказали ему, что его вѣра будетъ попрана.— Въ шайкахъ было много крестьянъ; цѣлыя деревни опустѣли. Нѣкоторыя убійства православныхъ совершены крестьянами. Народъ теменъ... Проклятіе Божіе падетъ на голову тѣхъ, которые во имя религіи заставляютъ его проливать невинно кровь человѣческую.!

Грустно, горько высказывать все, что дѣлаетъ современное р. католичество, во имя Искупителя и съ его любовію и уваженіемъ къ правамъ христіанства и человѣчества, которыя оно проповѣдуетъ въ революціонныхъ воззваніяхъ и предъ легковѣрною Европою. Но нельзя и не отозваться на эти возмущающія душу явленія, чтобы не быть презрѣннымъ измѣнникомъ вѣры и правды, завѣщанныхъ землѣ Искупителемъ. Не впервые кипитъ эта брань; Кровію и слезами записали свою двувѣковую исторію Литва, Бѣлоруссія и Украина. И гдѣ лилась кровь православная, тамъ былъ ксендзъ.! Не даромъ и теперь мы слышимъ хулы православію, и въ числѣ мучениковъ встрѣчаемъ имена невинныхъ православныхъ священниковъ. Не даромъ газеты Европы повторяютъ извѣстія о письмѣ папы къ Государю съ просьбою о покровительствѣ и о воззваніи его къ р. католическимъ державамъ о защитѣ угнетеннаго якобы р католичества. Это роль, заученная вѣками! Не православіе ищетъ угнетенія и порабощенія р. католичества, а р. католичество посягаетъ на святость и права православія. Какъ же молчать намъ?... Но не для суда надъ р. католичествомъ и не для проклятій ему мы должны говорить. Пусть судъ и проклятія останутся дѣломъ нашихъ враговъ несправедливыхъ и неумолимыхъ. Любовію и молитвою къ Богу Искупителю, Утѣшителю и Просвѣтителю, молитвою и любовію заплатимъ врагамъ нашимъ за пролитую кровь братій нашихъ и за всѣ наши слезы и страданія. Могуча сила любви и молитвы. А примѣръ духовника, выслушавшаго кротко исповѣдь и успокоившаго душу женщины, которую гнали его собратья, и молящійся старецъ надъ могилою мученика Лебедева, говорятъ намъ, что и среди р. католическаго духовенства есть благо-

родныя личности, чуждыя ненависти къ намъ собратій своихъ. Будетъ время, когда и всѣ эти пастыри—крамольники, а съ ними и весь народъ, жаждущій крови нашей, поймутъ не разгаданную Россію и ея святую церковь и всю низость несправедливой своей ненависти, и примирятся во имя Искупителя... Буди, буди! скажемъ мы съ тайнозрителемъ судебъ Божіихъ, и съ вѣрою, что только ненависть ада не сокрушится отъ теплоты любви во Христѣ. Но во имя Того же Искупителя православнымъ надлежитъ быть и кроткими, яко голубіе, и мудрыми, яко змія.

С. С. З....

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Циркулярное предложеніе г. виленскаго, ковенскаго, гродненскаго и минскаго Генералъ-Губернатора и Главнаго Начальника витебской и могилевской губерній, гг. губернаторамъ, отъ 5 мая 1865 года, за № 861.

Вступивъ въ управленіе Высочайше ввѣреннымъ мнѣ краемъ, я считаю долгомъ обратить вниманіе всѣхъ лицъ, служащихъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, на важность и значеніе ихъ занятій. Съ ними тѣсно связано не только прочное устройство быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, но и дальнѣйшее устройство края въ прочихъ отношеніяхъ, на указанныхъ уже основаніяхъ.

Первое и самое важное мѣсто въ ряду предпринятыхъ правительствомъ мѣръ устройства быта крестьянъ занимаетъ выкупная операція, отъ успѣшнаго окончанія которой зависитъ опредѣленіе правъ крестьянъ на землю и установленіе правильной денежной повинности; по этому я вполнѣ разсчитываю на испытанную преданность повѣрочныхъ коммисій, а въ бѣлорусскихъ губерніяхъ мировыхъ съѣздовъ, къ порученному имъ столь важному дѣлу и прошу ихъ, а также и мировыхъ посредниковъ, употребить всѣ усилія къ успѣшному и правильному ходу крестьянскаго дѣла на совершенно точномъ основаніи всѣхъ доселѣ установленныхъ правилъ и указаній предмѣстника моего графа Михаила Николаевича Муравьева. Покорнѣйше

прошу ваше превосходительство сообщить губернскому по крестьянским дѣламъ присутствію, чтобы оно въ свою очередь способствовало къ успѣшному ходу какъ выкупной операціи, такъ и занятій уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ и мировыхъ посредниковъ, вниманіе которыхъ должно быть вполнѣ обращено на правильное развитіе крестьянскаго общественнаго управленія, какъ основанія всей совершающейся реформы, соблюдая при этомъ самое строгое и неуклонное исполненіе Высочайше утвержденныхъ положеній 19-го февраля 1861 года и послѣдующихъ правительственныхъ распоряженій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ, милостивый государь, доставлять мнѣ всѣ установленныя предмѣстникомъ моимъ свѣдѣнія о ходѣ выкупной операціи, во ввѣренной управленію вашему губерніи.

Подписалъ: Генералъ-Адъютантъ *Фонъ-Кауфманъ*.

Протоколъ засѣданія кіевскаго свято-Владимірскаго братства 15 апрѣля 1865 года.

1., Члены свято-Владимірскаго братства, раздѣляя общую скорбь о смерти Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича, общимъ единодушнымъ мнѣніемъ положили въ настоящее собраніе: въ память этаго столь печальнаго событія воспитывать въ духовныхъ училищахъ одного изъ лучшихъ поселянскихъ учениковъ церковно—приходскихъ школъ, и притомъ сироту. Единственное,— что положено сему воспитаннику въ обязанность, это всегдашняя память и молитва о душѣ Государя Наслѣдника Цесаревича. По окончаніи же курса воспитаннику предоставляется полная свобода въ выборѣ званія и мѣста службы.

2., Обсуждая программу протоіерея Оглоблина, касательно возвышенія народной нравственности въ здѣшнемъ краѣ, совѣтъ братства обратилъ вниманіе на вліяніе фабрикъ и промышленныхъ заводовъ на нравственность народа. Не отрицая значенія фабрикъ и промышленныхъ заводовъ для мѣстной торговли, братство почитаетъ своимъ долгомъ указать обществу на дурную въ нравственномъ отношеніи сторону этихъ коммерческихъ учрежденій. Дознано, что фабрики и заводы производятъ самую силь-

ную порчу въ нравахъ рабочаго класса. Грубый развратъ, несоблюденіе воскресныхъ и праздничныхъ дней, пьянство, воровство и употребленіе бранныхъ словъ — обычныя явленія между рабочими; а къ глубокому сожалѣнію, эти пороки изъ фабрикъ, какъ изъ центровъ, распространяются по сосѣднимъ мѣстечкамъ, селамъ и выселкамъ. Желая, по возможности, положить преграду развитію этаго нравственнаго зла, члены братства признали необходимымъ, съ одной стороны обратиться отъ имени председателя братства, ради общей пользы, къ г. начальнику края съ просьбою, чтобы онъ вмѣнилъ въ долгъ управляющимъ заводами и фабриками наблюдать, какъ за соблюденіемъ гигіеническихъ условій, такъ и сохраненіемъ нравственности рабочихъ; съ другой стороны, братство обращается съ своею просьбою и ко всѣмъ имѣющимъ вліяніе на управленіе фабриками, употребить тѣ мѣры, которыя въ ихъ рукахъ, къ искорененію пороковъ и разврата въ работающихъ на фабрикахъ. Вмѣстѣ съ этимъ рѣшено обратиться, чрезъ духовную консисторію, къ священникамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть фабрики, чтобы и они усугубили свой надзоръ и свое нравственное вліяніе на рабочихъ, такъ какъ это составляетъ ихъ прямой долгъ и непосредственную обязанность. Впрочемъ находя, что священникъ самъ по себѣ не можетъ сдѣлать столько добра, сколько бы онъ сдѣлалъ при поддержкѣ своихъ болѣе вліятельныхъ прихожанъ, свято-Владимірское братство приглашаетъ и вообще *всѣхъ* священниковъ и *всѣ* приходы къ возобновленію сельско — приходскихъ братствъ. Труды и дѣятельность нашихъ дѣдовъ и отцевъ братчиковъ будутъ образцемъ и примѣромъ церковнымъ братствамъ.

3., Отпущено 300 р. сер. на покупку и разсылку по школамъ—книгъ, и отдѣльно 50 р. сер. на покупку изданныхъ г. Каллистратовымъ прописей для церковно-приходскихъ школъ.

Наконецъ 4., желая успѣха благому предпріятію г. Башуцкаго, издавшаго „икону, въ молитвенное памятованіе совершившагося тысячелѣтія Россійскаго Государства и уничтоженія въ немъ крѣпостной зависимости,“ свято-Владимірское братство съ охотою открываетъ у себя подписку на означенное изданіе, удостоенное Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія и разрѣшенія святѣйшаго синода.

Корреспонденція въ „Московскія Вѣдомости“ изъ Шавель и Бреста.

Никакъ я не думалъ, что и въ настоящемъ 1865 году мнѣ придется писать изъ Шавель. Когда я писалъ мое послѣднее письмо, помѣщенное въ № 106 *Московскихъ Вѣдомостей* за прошлый годъ, мнѣ казалось, что слѣдующія письма мои будутъ долетать къ вамъ и приносить разнаго рода извѣстія изъ Ковна или Вильны, Гродна или Варшавы, изъ этихъ покрытыхъ сѣдиною древности и увѣнчаяныхъ подвигами русскихъ воиновъ городовъ. Но, увы! надежда не сбылась. Насталъ 1865 годъ, а мнѣ снова пришлось писать изъ этого грязнаго захолустья. Но, что же писать, какими вѣстями порадовать васъ, мои соотечественники? Сказать, что у насъ все тихо и спокойно, это не новость. Это давно избитая фраза, которую и повторять не слѣдовало бы. Но сказавъ, что „у насъ все тихо и спокойно“, я хочу показать на сколько эта фраза можетъ быть примѣнена къ нашему захолустью и его польскому обществу; о чемъ оно въ настоящее время толкуетъ, на сколько мы въ теченіе года освободились изъ-подъ ненавистнаго польскаго гнета, и можемъ ли мы, наконецъ, съ полнымъ сознаніемъ довѣриться ходу дѣлъ: грустно и тяжело повторить и теперь, какъ въ истекшемъ году, что наше захолустье далеко еще не вполнѣ образумилось. Что послѣднее возстаніе было безуміе, только раззорившее страну и стоившее ей тысячи жертвъ, такъ судили и судятъ весьма немногіе. Большинство—шляхта, ксендзы и женщины, не теряютъ, какъ кажется, надежды на возстановленіе *ойчизны*. Рѣдко кто изъ нихъ выскажется, что „все кончено!“ Въ нихъ все еще есть проблески какой-то и на что-то надежды. Иначе, чѣмъ объяснить низкія выходки ксендзовъ, которые, черня насъ русскихъ передъ простымъ народомъ и внушая ему нелѣпыя понятія, что русскіе гонители вѣры и barbarzyncy, что они немного лучше евреевъ, въ то же время проповѣдуютъ, хотя и тайно (должно-быть во имя ojczyzny?), строжайшій постъ по средамъ, пятницамъ и субботамъ? Къ чему всѣ тѣ вымыслы, всѣ тѣ пуфы и небылицы, которые, Богъ знаетъ кѣмъ, такъ злонамѣренно распространяются среди простаго народа жмудиновъ? Изъ множества разсказовъ приведу хоть одинъ. Разсказываютъ, что будто бы одной десятилѣтней дѣвочкѣ-полькѣ, въ то время когда она находилась въ полѣ, явились чуднымъ об-

разомъ (свалились съ неба въ повозкѣ) три фигуры, головы которыхъ были въ вѣнцахъ и солнечномъ сіяніи. Онѣ подозвали къ себѣ дѣвочку, и приказавъ ей идти и возвѣстить всѣмъ, что видѣла, прибавили: „Польша избавится изъ-подъ власти москалей, и католическая вѣра будетъ господствующею, только потерпите.“ Мнимую дѣвочку будто бы потомъ возили къ начальству, которое силой хотѣло заставить отказаться отъ видѣннаго ею; но она осталась непреклонна. Какова дичь! Впрочемъ, простой народъ, жмудины, у которыхъ ксендзы своею нескромною жизнію, поборами, запрещеніями и насиліемъ потеряли почти всякое уваженіе, не только не вѣрятъ этимъ мнимымъ явленіямъ, но даже многіе смѣются надъ ними. Вотъ фактъ: однажды какъ-то мнѣ пришлось быть въ деревнѣ; я разговорился съ хозяиномъ дома о религіи и прочемъ, и вотъ что онъ мнѣ передалъ: „годовъ пять тому назадъ,“ началъ поселянинъ, „одинъ честный и религіозный жмудинъ, поднимая поле, нечаянно, нашелъ кубышку съ золотомъ. Часть денегъ онъ роздалъ по костеламъ, часть на бѣдныхъ, а остальныя взялъ себѣ; этими послѣдними рѣшился воспользоваться ксендзъ-духовникъ. Зная религіозное настроеніе нашедшаго деньги поселянина, онъ подговорилъ къ себѣ въ товарищи и помѣщника, и его работника, который зналъ гдѣ лежатъ деньги, и переодѣвшись съ нимъ въ святыхъ, вечеромъ рѣшился обокрасть мужичка. Выбравъ удобное время, когда въ домѣ находился только отецъ съ сыномъ, святотатцы пришли къ религіозному мужичку въ домъ. При входѣ въ двери комнаты, они остановились, и въ то время, когда испуганные святымъ явленіемъ крестьянинъ и сынъ пали ницъ, ксендзъ, разказавъ поселянину гдѣ, когда и какъ онъ нашелъ деньги, приказалъ своему товарищу идти въ чуланъ и принести горшокъ съ деньгами, будто бы для благословенія и умноженія ихъ четверицею. Крестьянинъ и сынъ молчали. Между тѣмъ ксендзъ подошелъ къ лежавшему подлѣ отца на землѣ сыну, взялъ его подъ руку, и положивъ поперекъ отца (какъ здѣсь говорятъ, кжижемъ, т. е. крестомъ), началъ читать молитвы, по окончаніи которыхъ отдалъ приказаніе не вставать до своего возвращенія, вышелъ на дворъ и скрылся. Отецъ съ сыномъ, пролежавъ на землѣ болѣе часу и видя, что святые не возвращаются, встали и тотчасъ же бросились въ сѣни; но святотатцевъ нигдѣ уже не было. Убѣдясь въ обманѣ, поселянинъ началъ розыски воровъ, которые впрочемъ вскорѣ были открыты.“ Но, по словамъ крестьянина

янина, дѣло это было не только замято ксендзами, но и самъ обокраденный былъ строго наказанъ за богохульство. Подобнаго рода исторіи можно слышать довольно часто; ихъ разказываютъ многіе поселяне безъ малѣйшаго стѣсненія.

Но и среди крестьянъ еще уцѣлѣли фанатики, которые вѣрили и вѣрятъ малѣйшему нелѣпому слуху, лишь бы только онъ былъ не въ пользу русскихъ. Особенно замѣтно это среди членовъ бывшаго легецкаго, нынѣ кирьяновскаго общества. Не далѣе какъ 1-го августа 1864 года, по указанію одного русскаго поселянина, въ Бѣлозоришскомъ лѣсу была открыта шайка разбойниковъ въ 15 человѣкъ. По произведенному послѣ дознанію оказалось, что она цѣлыя двѣ недѣли проживала въ $1\frac{1}{4}$ верстахъ отъ деревни Бѣлозоришекъ, крестьяне которой не только знали, но и кормили бродягъ, а между тѣмъ среди ихъ не нашлось ни одного, который бы далъ знать о бродягахъ. Дорого впрочемъ поплатилось за этотъ поступокъ упомянутое общество. Лишась своего прежняго названія—Легецкое и получивъ новое—Кирьяновское, въ память убитаго въ этомъ дѣлѣ православнаго поселянина, оно (сосѣднія съ Бѣлозорищскимъ лѣсомъ околицы) должно было уплатить 2,525 руб. контрибуціи, часть которой, 25 р. сер., по распоряженію главнаго начальника края, поступила въ награду унтеръ-офицеру Өеодосію Михайлову; 500 р. выдано женѣ и дѣтямъ убитаго, а остальные 2,000 р. первоначально назначены были на сооруженіе православной часовни тамъ, гдѣ палъ за вѣру и отечество поселянинъ; но такъ какъ это оказалось по разнаго рода причинамъ неудобнымъ, то только 100 съ небольшимъ рублей ассигновали на сооруженіе въ томъ мѣстѣ памятника, а остальная сумма поступила въ пользу пострадавшихъ отъ мятежа.

Приведенныхъ фактовъ, кажется, достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о настроеніи умовъ нѣкоторыхъ членовъ польскаго общества. Однако, не смотря на подобнаго рода выходки, поляки день и ночь ждутъ снятія военнаго положенія, вывода изъ края русскихъ войскъ и возвращенія всѣхъ сосланныхъ. Не дай Богъ этого поворота, а еще болѣе вывода войскъ. Мы отъ души пожалѣли бы, если бы Жмудь, начавшая освобождаться изъ-подъ гнета полонизма, начавшая почти вся, благодаря тѣмъ же солдатамъ, которые теперь стоятъ по деревнямъ, лепетать по-русски, свыкаться съ русскимъ народомъ, его обычаями и нравами, вновь должна была подчиниться чуж-

дому польскому элементу, отъ котораго хотя мало-мальски очистится край, и пожалѣли бы тѣмъ болѣе, что къ стыду нашему, многіе присланные сюда русскіе еще такъ неопытны, такъ довѣрчивы, что сами легко подчиняются польскому вліянію.

Русскій.

ИЗЪ БРЕСТА.

7-го февраля происходило въ Брестѣ открытіе народнаго училища. Въ 12 часовъ утра, по предварительно разосланнымъ приглашеніямъ, собрались въ домъ, занимаемый нынѣ народнымъ училищемъ, всѣ начальствующіе, должностные, военные и гражданскіе чины и жители; совершено было благодарственное молебствіе съ водоосвященіемъ, затѣмъ брестскимъ соборнымъ протоіереемъ о. Василіемъ Серно-Соловьевичемъ произнесено было ученикамъ назидательное слово, и, послѣ многолѣтія Царствующему Дому, учащимъ и учащимся и окропленія присутствовавшихъ и окропленія училища святою водой, избранный брестскимъ обществомъ депутатъ по народному училищу, В. А. Филковъ, пригласилъ всѣхъ въ другую комнату, гдѣ была приготовлена закуска. Здѣсь депутатъ Филковъ провозгласилъ первый тостъ за здоровье и многолѣтнее царствованіе Государя Императора, сопровождавшійся звуками русскаго народнаго гимна. Потомъ штатный смотритель брестскаго дворянскаго училища, П. А. Бецкій, послѣ краткой рѣчи, въ которой изобразилъ цѣль и пользу учрежденія народныхъ училищъ, соревнованіе имъ всего русскаго народонаселенія, покровительство оказываемое имъ главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края, заботливость и попеченіе о нихъ нынѣшняго попечителя виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилова и благодѣтельное участіе брестскаго военнаго начальника полковника Леонова при составленіи подписки мѣщанскимъ христіанскимъ обществомъ, предложилъ одинъ за другимъ два тоста; первый, за здоровье главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, покровителя народнаго образованія, второй—за здоровье попечителя виленскаго учебнаго округа. Кромѣ того общество пожелало послать двѣ телеграммы слѣдующаго содержанія:

1) Главному начальнику края: „Военные и гражданскіе чины и жители Бреста, по случаю открытія обществомъ народнаго училища, пьютъ здоровье вашего высокопревосходительства, какъ покровителя народнаго образованія“.

2) Попечителю виленскаго учебнаго округа: „Брестское общество, по случаю открытія народнаго училища, пьетъ здоровье вашего превосходительства, какъ главнаго начальника этого учрежденія.“

Эти телеграммы, за подписью военнаго начальника, немедленно были посланы по назначенію; на нихъ получены слѣдующіе отвѣты:

1) Отъ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края: „Прошу благодарить отъ меня военныхъ и гражданскихъ чиновъ и жителей Бреста за выраженный мнѣ привѣтъ. Муравьевъ.“

2) Отъ попечителя виленскаго учебнаго округа: „Прошу достойное общество принять глубокую признательность за честь, мнѣ оказанную. Я увѣренъ, что училища, при просвѣщенной заботливости и отеческомъ покровительствѣ русскаго общества, принесутъ пользу народу и пріобрѣтутъ довѣріе. Нѣтъ учрежденія болѣе благодарнаго и вознаграждающаго, какъ народныя училища! Корниловъ.“

Кромѣ упомянутыхъ, было предложено еще много тостовъ, между коими первое мѣсто заняли: за здоровье мѣстнаго губернатора, за процвѣтаніе брестскаго народнаго училища, за военнаго начальника полковника Леонова, любимаго и вполнѣ уважаемаго всѣмъ обществомъ (этотъ тостъ провозглашался три раза); за брестское мѣщанское христіанское общество и за депутата В. А. Филкова, принявшаго живое и дѣятельное участіе какъ въ устройствѣ, такъ и въ блестящей обстановкѣ вновь открытаго училища. Между тостами, полковникъ Леоновъ предложилъ присутствовавшимъ сдѣлать вспомоществованіе беднѣйшимъ мальчикамъ новооткрытаго училища, не имѣющимъ необходимой одежды, и первый подалъ примѣръ, положивъ на тарелку деньги. Собрано было 71 руб.. которые тутъ же переданы были г. Филкову съ просьбой употребить ихъ на одежду бѣднѣйшимъ ученикамъ. Наконецъ, была открыта подписка въ пользу народнаго училища, и эта подписка дала 65 рублей.

Помѣщеніе училища состоитъ изъ четырехъ большихъ комнатъ, прекрасно меблированныхъ и снабженныхъ всѣми необходимыми училищными принадлежностями; изъ нихъ двѣ назначены собственно для училищныхъ занятій, а остальныя двѣ отданы учителю народнаго училища: первыя украшены двумя образами въ серебряныхъ вызолоченныхъ окладахъ и портретомъ нынѣ царствующаго Государя Императора въ золоченной рамѣ.

Житель Бреста.

Корреспонденція въ „Виленскій Вѣстникъ“ изъ Ковна.

Нѣтъ ничего отраднѣе для русскаго заброшеннаго судьбою въ здѣшнюю сторону, какъ видѣть и убѣждаться, что добрыя русскія начала прививаются и здѣсь и находятъ для своего осуществленія самую благодарную почву. Если и нельзя еще поручиться, что проходитъ время тайной, подземной польской работы, то по крайней мѣрѣ уже очевидно, что она принуждена уступить мѣсто явнымъ, благотворнымъ вчинаніямъ представителей здѣсь русскаго элемента. На мѣсто упраздненныхъ напр. польскихъ школокъ, *тайно* проводившихъ въ народъ мрачное начало фанатизма и нетерпимости, появились и появляются русскія народныя училища съ *явною* просвѣтительною цѣлію любви и единенія жмудскаго народа съ связаннымъ съ нимъ исторически народомъ русскимъ. По мѣрѣ того какъ администрація переходила въ вѣрныя руки и увеличивалось число людей русскихъ, безпристрастный наблюдатель ясно замѣчалъ постепенное проявленіе принесенныхъ ими животворныхъ началъ. Такъ между прочимъ недавно ковенская палата государственныхъ имуществъ удачно съумѣла примѣнить у себя наше родное артельное начало съ круговою порукою,— палата, которая благодаря ли счастливой случайности, или можетъ быть и въ слѣдствіе другой, болѣе уловимой причины, сверху до низу наполнена въ настоящее время людьми русскими. Чиновницки этого присутственнаго мѣста проектировали и получили уже разрѣшеніе на устройство „кассы взаимнаго вспомоществованія“ изъ ежемѣсячныхъ вычетовъ изъ жалованья и единовременныхъ взносовъ, съ цѣлію сбереженія нѣкоторой части содержанія не непредвидимый случай и взаимнаго вспомоществованія изъ этихъ денегъ каждому нуждающемуся. Мысль прекрасная и, по своей практичности и пользѣ, достойная того, чтобы служащіе здѣсь русскіе и другихъ вѣдомствъ поспѣшили воспользоваться у себя такимъ же учрежденіемъ. Съ этою цѣлію мы нарочно познакомились съ уставомъ кассы, который, будучи оглашенъ здѣсь, вызоветъ, можетъ быть, при разностороннемъ обсужденіи, еще болѣе практичныя и сообразныя съ цѣлію измѣненія. Для образованія средствъ взаимной помощи чиновники палаты государственныхъ имуществъ постановили вносить ежемѣсячно не менѣе 5% съ рубля получаемаго

содержанія, а изъ наградныхъ не менѣе 10%, которые каждый членъ, по удержаніи избраннымъ всѣми кассиромъ, самъ записываетъ въ заведенную для этого книгу. Выдача ссудъ начинается со времени образованіи въ кассѣ капитала въ 400 рублей, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы въ кассѣ всегда оставалось въ запасѣ не менѣе $1/3$ всего капитала и запасъ хранился бы въ процентныхъ бумагахъ. Каждый членъ имѣетъ право получить въ ссуду, за поручительствомъ товарищей, не свыше $2/3$ мѣсячнаго содержанія, безъ процентовъ, ссуда же свыше, но во всякомъ случаѣ не болѣе двухъ-мѣсячнаго жалованья, допускается только въ важныхъ случаяхъ, напр. для крестинъ, свадьбы, при тяжкой болѣзни и т. п., при чемъ заемщикъ платитъ въ мѣсяцъ сверхъ 5% съ жалованья, еще $1/2$% съ занятаго рубля, а погашаетъ ежемѣсячно заемъ не менѣе какъ 20-ти процентами съ занятаго рубля. Недоразумѣнія и споры между членами и кассиромъ рѣшаются судомъ третейскимъ, въ случаѣ смерти члена капиталъ его выдается наслѣдникамъ, а при неимѣніи ихъ—кому либо изъ наиболѣе нуждающихся по приговору общества; по его же приговору выдаются по истеченіи года нуждающемуся и уплачиваемые $1/2$% за ссуды. Таковъ въ главныхъ основаніяхъ составленный чиновниками палаты уставъ кассы взаимнаго вспомоществованія. Утѣшительно прежде всего то, что при такомъ учрежденіи русскій человѣкъ не рискуетъ попасть на первыхъ же порахъ въ руки ростовщика-еврея, или, что еще хуже, въ ежовыя рукавицы польскаго pana Procentowicza; а при оставленіи службы или переводѣ получаетъ на руки незамѣтно образовавшуюся экономію. Не особенно-удачнымъ только можетъ показаться постановленіе о ежегодной выдачѣ наиболѣе нуждающемуся денегъ, образующихся изъ полупроцентной платы за ссуды и изъ денегъ членовъ умершихъ безъ наслѣдниковъ—не лучше ли употреблять ихъ каждогодно на какое-либо общеполезное дѣло, въ родѣ напр. учрежденія читальни, или платы за беднѣйшаго воспитанника или воспитанницу мѣстныхъ гимназій.

П—вичъ.

Марта 1-го дня
1865 г.

Корреспонденція изъ Полоцка.

Несмотря на то, что русская публика очень заинтересована положеніемъ западной Руси, о Полоцкѣ ничего не слышно, какъ будто вымеръ этотъ городъ Рогнеды. А между тѣмъ нашъ Полоцкъ на глазахъ послѣдняго поколѣнья такъ измѣнился, что полочанину, возвратившемуся домой послѣ тридцатилѣтней отлучки, не узнать бы стараго Полоцка. Гдѣ были развалины или ветхія лачужки, тамъ онъ нашелъ бы теперь каменныя, красивыя зданія. Конечно, онъ увидѣлъ бы толпы знакомыхъ евреевъ; но и тѣ какъ перемѣнились! Войдя въ знакомую еврейскую лавку, онъ не безъ удивленія увидѣлъ бы за выручкой красивую даму, не въ шлейерѣ, или въ чудовищной повязкѣ, а въ модномъ кашпенѣ; еще больше бы изумился онъ, замѣтивъ, съ какою аккуратностью молоденькая конторщица, на досугѣ, прекраснымъ почеркомъ переписываетъ русскіе стихи, и услыщавъ русскій вопросъ: „што вамъ угодно," напрасно сталъ бы онъ допытываться іезуитскаго, францисканскаго, базиліанскаго или бернардинскаго кляштора; на знакомыхъ ему мѣстахъ указали бы теперь или кадетскій корпусъ, или православную церковь, или частный домъ; послѣдній доминиканскій кляшторъ недавно упраздненъ; остался только одинъ р. католическій костелъ. По улицамъ изрѣдка услышите польское слово; только нищіе причитають иногда польскіе *патеры*, да въ костелѣ раздается польское пѣніе. Тридцать лѣтъ тому назадъ все православное полоцкое общество просторно помѣщалось въ небольшой теплой монастырской церкви, а теперь, по великимъ праздникамъ, шесть православныхъ храмовъ наполняются русскими богомольцами. Есть чему порадоваться русскому сердцу! Вотъ отрадныя слѣдствія переворотовъ пережитыхъ настоящимъ полоцкимъ поколѣніемъ. Въ 1833 году у насъ учреждено было православное епархіальное управленіе съ духовнымъ училищемъ. Оттого, по возсоединеніи унитовъ, сближеніе ихъ съ православными здѣсь совершилось быстрѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ западнаго края, такъ что меньше, чѣмъ черезъ десять лѣтъ послѣ замѣчательнаго полоцкаго собора, рѣшившаго судьбу уніи, литовскій митрополитъ, обозрѣвая полоцкую епархію, нашелъ уже все духовенство русскимъ не по наружности только, а въ полоцкой семинаріи ученики не понимали уже польскаго языка. Публичная жизнь въ Полоцкѣ, безъ всякихъ обязательныхъ мѣръ, испод-

воль приняла русскій характеръ. Русское общество еще въ тридцатыхъ годахъ основало постоянный клубъ, который теперь помѣщается въ лучшемъ городскомъ зданіи, съ приличною обстановкой: кромѣ картежной игры, тамъ предлагается посѣтителю нѣсколько русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій. Со времени открытія кадетскаго корпуса русское общество, по своей образованности, взяло рѣшительный перевѣсъ надъ польскимъ обществомъ; такъ что образованные и болѣе зажиточные поляки искали случая примкнуть къ русскому кружку. Въ полоцкихъ собраніяхъ поляки не смѣли обнаруживать своихъ заносчивыхъ притязаній; польская рѣчь была только терпима; но русскій языкъ былъ господствующимъ. Поляки принуждены были для своихъ собраній прятаться въ грязномъ городишкѣ—Диснѣ. Въ нынѣшній сезонъ въ нашемъ клубѣ собиралось уже чистое русское общество; такъ какъ во всѣхъ уѣздныхъ должностяхъ поляки замѣнены русскими, а польскіе помѣщики или не хотятъ или не имѣютъ средствъ показываться въ обществѣ; всего вѣроятнѣе они чувствуютъ неловкость своего положенія между русскими, предъ которыми послѣдняя польская *справа* сильно ихъ окомпрометировала. Такого изчезновенія поляковъ не замѣтно было въ тридцать первомъ году. И это ни мало не вредитъ общественному удовольствію; недавно начальникъ губерніи, посѣтивъ наше собраніе, нашелъ въ немъ такое общество, какое не всегда можно встрѣтить и въ губернскомъ городѣ. Кромѣ клуба и танцовальныхъ вечеровъ, полоцкая публика хоть изрѣдка занимается спектаклями, которые даются всегда съ благотворительною цѣлію. Послѣ того какъ генералъ Хвощинскій устроилъ при корпусѣ для кадетъ миніатюрный театръ, со всѣми сценическими принадлежностями, и завелъ небольшой оркестръ, корпусные чиновники и воспитанники стали разыгрывать русскія піесы, а странствующіе польскіе актеры уже не показывались въ городѣ. Теперь изъ чиновниковъ и русскихъ дамъ сформировалось общество любителей сценическаго искусства, такъ что у насъ нашли возможность поставить на сцену народную піесу съ хорами: *Разстиванье.* Дилеттанты составили небольшой стройный оркестръ. Публику такъ заинтересовала эта піеса, что ее давали три раза и билеты разбирали на-расхватъ. Прежде бывало изрѣдка показывались у насъ заѣзжіе артисты, а въ послѣдніе годы явились и свои доморощеные таланты. Десятилѣтнія дѣ-

ти: мальчикъ на скрипкѣ и дѣвочка на фортепіано изумляли слушателей своею бойкою и правильною игрой, нынѣшнею же зимой украсила нашу сцену юная пѣвица съ такимъ голосомъ, для котораго зала нашего театра оказалась слишкомъ тѣсною, и аккомпаниментъ слишкомъ слабымъ. Можно надѣяться, что петербургская консерваторія докончитъ образованіе такого великолѣпнаго голоса, но конечно, къ ущербу полоцкой публики: таланты недолго у насъ засиживаются. Жаль, если по какимъ-нибудь обстоятельствамъ разстроится наша сцена: служебныя занятія мущинъ и домашнія хлопоты женщинъ нуждаются въ пріятномъ развлеченіи. Въ прошлогоднюю четыредесятницу устроены были литературные вечера, которые были однакожъ не всѣмъ по вкусу; читали не произведенія беллетристики, а ученыя сочиненія современныхъ знаменитостей: Боккля, Макколея и др. Это бы ничего; у насъ не мало охотниковъ и до серіознаго чтенія; но къ сожалѣнію современный нигилизмъ пользуясь этимъ залеталъ изъ столицы и въ нашу глушь. Между нами появлялись личности, проповѣдывавшіе „матеріяльность идеи," которая, какъ насъ хотѣли увѣрить, есть „результатъ извѣстнаго гальваническаго тока:" намъ говорили, что вся наша умственная дѣятельность есть работа инфузорій, или еще „проявленіе внутри человѣка дѣйствія углекислаго газа...." Но это были, поспѣшимъ прибавить, лишь частныя и временныя явленія.

Итакъ, вы видите, русское общество въ Полоцкѣ разрослось и живетъ, умствуетъ, дѣйствуетъ... ну и наслаждается. Но къ сожалѣнію должно сказать, что оно все еще не укоренилось въ здѣшней почвѣ. Служащій людъ не разчитываетъ на постоянное жительство въ Полоцкѣ, хотя нѣкоторые и обзавелись не большою осѣдлостью. Прибывающіе чиновники не успѣютъ еще осмотрѣться, какъ уже исчезаютъ, Богъ вѣсть куда. Что касается до прочаго городскаго народонаселенія, то оно исключительно еврейское. Были два старинные русскіе торговые дома, но одинъ изъ нихъ вымеръ, двое же другихъ русскихъ купцовъ только еще начинаютъ обзаводиться торговлей. Конкурренція евреевъ гонитъ русское купечество изъ Полоцка. Какой операціи не въ силахъ сдѣлать одинъ жидокъ-торгашъ, тамъ является *ховрусь*, товарищество. *Ховрусь* обнимаетъ всѣ сферы, вѣтви и ступени торговли. Крестьянинъ принесъ, положимъ, пѣтуха на рынокъ, вотъ его окружили три еврейки, сторговали пѣтуха за двадцать восемь копѣекъ, но ни у одной изъ нихъ не

нашлось такой суммы; онѣ сложились и пріобрѣли покупку въ *хаврусахъ*. Вмѣстѣ купили, вмѣстѣ и продаютъ. Вотъ подошла барыня и перекупила у евреекъ пѣтуха за тридцать копѣекъ: барышъ раздѣлили всѣ три *хаврусницы*; сыты на цѣлый день онѣ и ихъ семейства. Коренные бѣлорусцы занимаются кожевеннымъ производствомъ, каменными работами и гончарнымъ мастерствомъ; единовѣрцы промышляютъ огородничествомъ и садоводствомъ: всѣ остальные городскіе промыслы и мастерства въ рукахъ евреевъ. Живуче это племя израилево! Ни эпидеміи, ни переселенія не уменьшаютъ числа ихъ въ Полоцкѣ. Прежде бывало они ставили въ рекруты малолѣтковъ; новымъ закономъ по рекрутской повинности они сравнены съ христіанскими сословіями и нельзя не сказать, что пользуются этимъ правомъ къ ущербу христіанскаго населенія. Въ прошломъ году объявленъ былъ наборъ. Одинъ зажиточный еврей не замедлилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для слѣдующей спекуляціи: онъ нанялъ изъ христіанъ тридцать рекрутъ и съ барышомъ распродалъ ихъ своей братіи. Правда, онъ чуть было не оборвался, потому что по особеннымъ обстоятельствамъ края наборъ былъ отложенъ; но евреи успѣли добиться распоряженія, вслѣдствіе котораго нанятые рекруты приняты въ зачетъ слѣдующаго набора. Такимъ образомъ еврейское общество осталось цѣло, а христіанское утратило лишнихъ 30 человѣкъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ окончанія желѣзной дороги, которая впрочемъ можетъ принести пользу для края только тогда, когда проведется до внутреннихъ губерній Россіи. Сообщеніе Полоцка съ Ригой безъ затрудненія совершалось и донынѣ по Двинѣ. Прошлою осенью, пользуясь половодіемъ, въ первый разъ показалась у насъ паровая лодка, буксировавшая двѣ лайбы. Можетъ-быть этотъ опытъ заохотитъ и другихъ на подобную спекуляцію. Прошлое лѣто имѣло разрушительное вліяніе на сельское хозяйство: хлѣбъ большею частью сгнилъ на корню; сѣно успѣли кой-какъ убрать только крестьяне на своихъ пашняхъ; озимыя поля оставлены безъ посѣва; отъ дурнаго корма открылся падежъ скота. Почти на всѣ жизненные припасы у насъ баснословныя цѣны. Четверть ржи стоитъ 6 руб. сер., овса 4 р., ячменя 4 р. 50 к., картофелю 5 р.; пудъ сѣна дороже 50 к., пудъ коровьяго масла 12 руб., а если продлится зима, то цѣны еще возвысятся. Желательно чтобы тверскіе купцы, болѣе знакомые съ двинскимъ судоходствомъ, позаботились доста-

вить намъ, при вскрытіи рѣки, зерна особенно яроваго, которымъ крестьяне разсчитываютъ обсѣять оба поля. Рожь можно будетъ доставлять во все время судоходства; на нее будетъ запросъ постоянно, такъ какъ осенью она рѣдко у кого посѣяна.

Полоцкій Старожилъ.

Полоцкъ, 15-го февраля.

(*Совр. Лѣт.*)

Корреспонденція въ газету „День“ изъ Острога и Дриссы.

(Мы уже не разъ говорили о трудности сообщать положительно вѣрныя извѣстія изъ нашихъ Западныхъ губерній. При общемъ возбужденномъ состояніи края, при страстномъ, заносчивомъ усердіи къ русскому дѣлу со стороны нѣкоторыхъ пріѣзжихъ, при нерасположеніи къ проворству бытовыхъ реформъ со стороны мѣстныхъ, туземныхъ представителей края, иногда и правыхъ въ своемъ протестѣ, но вообще тяжелыхъ на подъемъ и облѣнившихся,—при столкновеніи административнаго элемента съ общественнымъ и бытовымъ—происходятъ тысячи тысячъ недоразумѣній: путаница положеній и понятій невыразимая! Нѣтъ почти ни одной корреспонденціи, которая бы не вызвала опроверженіе, такъ что ни редакторъ, ни читатель не знаютъ—кому и чему вѣрить. И добро бы это недоразумѣніе можно было обобщить для всего края; нѣтъ, оно еще разнообразится по мѣстностямъ такъ, что вы лишаетесь возможности составить себѣ очеркъ общей физіономіи края!

Въ 49 № „Дня“ прошлаго года мы помѣстили—за подписью одного изъ членовъ мироваго съѣзда, письмо изъ Острога, волынской губерніи, о снятіи и порубленіи полиціею крестовъ, стоящихъ на перекресткахъ и вообще при дорогѣ. Мировые посредники (русскіе) протестовали этою статьей противъ такого насильственнаго способа искоренять латинскіе обычаи и противъ принципа полицейскаго вмѣшательства въ дѣла вѣры и быта. Они обвиняли полицію въ томъ, что она совершила это уничтоженіе крестовъ не пригласивъ даже православныхъ священниковъ. Стало быть они отстаивали права духовенства и область народныхъ обычаевъ противъ грубаго насилія?? Но вотъ мы получили изъ того же Острога двѣ статьи, которыхъ не имѣемъ права не помѣстить. Одна за подписью священника Т.

А. съ приложеніемъ адресса къ главному начальнику края въ защиту начальника уѣздной полиціи, обвиненнаго статей 49 № „Дня". Мы печатаемъ адрессъ, но не рѣшаемся помѣстить статью, чтобъ не усилить печальнаго антагонизма между мировыми посредниками русскими и русскимъ духовенствомъ той мѣстности.— Другая статья прислана лицомъ, занимающимъ въ томъ краѣ нѣкоторое оффиціальное положеніе (впрочемъ, кто же тамъ изъ русскихъ не оффиціальное лицо!)—также въ защиту полиціи.— Мы воздерживаемся отъ всякого сужденія: можетъ быть, въ той мѣстности вопросъ долженъ быть поставленъ не о томъ, какая система по принципу лучше, но о томъ какая система настоятельнѣе требуется „злобою дневи", вкусомъ и привычками жителей, историческимъ воспитаніемъ народонаселенія, степенью его образованія и т. д. Ред).

I.

Адрессъ.

„Съ назначеніемъ острогскимъ уѣзднымъ исправникомъ Семена Θеодоровича Папроцкаго, здѣшнее сельское духовенство впервые почувствовало, что вѣковой гнетъ чуждой народности и религіи, лежавшій доселѣ на насъ всѣхъ православныхъ тяжелымъ свинцомъ,—началъ мгновенно и видимо ослабѣвать. Мы впервые познали, на самомъ дѣлѣ, что взоры, обращенные на этотъ край нашимъ великимъ отечествомъ, произвели свое дѣйствіе,—принесли намъ и матеріальное улучшеніе и даже самое уваженіе насъ отъ окружающихъ.

„Вполнѣ оцѣнивая такое беспримѣрное и можетъ быть небывалое въ этомъ краѣ служеніе полицейскаго чиновника престолу, отечеству, вѣрѣ и народности, мы, еще въ началѣ его теперешней служебной дѣятельности у насъ, засвидѣтельствовали въ поданной ему 19 іюля, 1864 г. докладной запискѣ отъ всего острогскаго духовенства, что уже такъ быстро распространилась общая о немъ молва, какъ о безпристрастномъ и нелицепріятномъ судьѣ, какъ о скоромъ защитникѣ всѣхъ бѣдныхъ и угнетенныхъ.

„Съ тѣхъ поръ, съ каждымъ шагомъ его дѣятельности, онъ отъ всѣхъ окружающихъ его пріобрѣталъ все болѣе и болѣе уваженіе и мы смѣло говоримъ даже удивленіе. Онъ возстановилъ и украсилъ нашу древнюю острогскую святыню—образъ Святителя Николая, выброшенный святотатственною рукою католика-помѣщика изъ Гульчанскаго грота,—какъ знакъ откры-

таго пренебреженія къ нашей религіи; онъ пожертвовалъ первый на новый затрапезный образъ въ с. Добринѣ, своимъ примѣромъ увлекъ къ тому и крестьянъ. Онъ разрушилъ вѣковой предразсудокъ ставленія, такъ называемыхъ, фигуръ (крестовъ) по дорогамъ и перекресткамъ, вразумивъ, при содѣйствіи нашемъ, крестьянъ, что лучше украшать крестами кладбища надъ прахомъ своихъ умершихъ, нежели воздвигать ихъ по перекресткамъ, гдѣ разрушенные отъ времени, они послѣ лежатъ по дорогамъ въ пренебреженіи,—уничтожилъ этотъ совершенно не русскій обычай, потому что во всѣхъ православныхъ другихъ губерніяхъ этого нѣтъ. Перенесеніе этихъ крестовъ съ дороги на кладбище произошло у насъ тихо, спокойно, при полномъ сознаніи уразумѣвшаго народа, что наша православная религія, высоко чтя изображеніе креста, какъ символъ страданій Спасителя, въ то же время поучаетъ насъ водружать его въ болѣе приличествующихъ къ тому двухъ мѣстахъ: на храмахъ и кладбищахъ.

„Но сейчасъ мы узнали, что темные подземные клеветники на правду и истину, перетолковывая каждое дѣйствіе въ уѣздѣ С. Ѳ. Папроцкаго совершенно въ другую сторону, успѣли возбудить неудовольствіе къ нему вашей высокой особы до такой степени, что намъ даже угрожаетъ потеря его для нашего общества.

„Мы, служители алтаря, какъ проповѣдники предвѣчной истины, осмѣлились и почли своимъ священнымъ долгомъ сказать вамъ, великому нашему начальнику, святую истину, что онъ непремѣнно оклеветанъ, а ни мало не виновенъ, ибо его дѣйствія здѣсь для всѣхъ открыты.

„А потому, ежели нашъ смиренный голосъ пастырей духовныхъ можетъ хотя въ малую пользу послужить для того, кто для насъ такъ много послужилъ и сдѣлалъ добраго въ это короткое время, то мы заявляемъ его, какъ голосъ общественнаго мнѣнія, на благоусмотрѣніе ваше. 12 ноября 1864 года. Г. Острогъ.

Острогскій соборный протоіерей Іоаннъ Подвысоцкій. Села Плужнаго священникъ Николай Шумовичъ. Села Борисова священникъ Исидоръ Филевичъ. Села Бѣльчина священникъ Григорій Ярошенко. Села Шемринецъ священникъ Анатолій Пикарскій. Села Добрина священникъ Ксенофонтъ Ковальскій, Села Кривина священникъ Андрей Конахевичъ. Села Мякотъ приходскій священникъ Каллиникъ Гловацкій. Мѣстечка Межирича приходскій священникъ Григорій Гловацкій. Села Гуль-

чи священникъ Іоновъ Немоловскій. Села Верхова священникъ Леонтій Ковальскій. Села Ивачкова священникъ Василій Клинковскій. Села Бадицы священникъ К. Мительскій. Села Новомильска священникъ Кл. Янковскій. Села Тайкуръ священникъ Д. Нелидовъ. Села Посягвы священникъ К. Павловскій. Села Новоставецъ, священникъ Михаилъ Ненадкевичъ. Села Кугрина приходскій священникъ Сильвестръ Олеслицкій. Села Тесова приходскій священникъ Николай Кудржинскій. Села Сіянецъ священникъ Стефанъ Татаржинскій. Села Милятинъ священникъ Андрей Лѣтославскій. Села Монастырщины священникъ Ѳеодосій Ѳедоровичъ. Села Волосковецъ священникъ Павелъ Реданскій. Села Могилянъ приходскій священникъ Д. Іошковскій. Села Бродова приходскій священникъ Іоаннъ Колядинскій. Села Краснова священникъ Антоній Михалевичъ. Села Хорова священникъ Аѳанасій Дверницкій. Села Розважа священникъ, благочинный Константинъ Червинскій. Острогской соборной церкви священникъ Игнатій Зилинтинкевичъ. Села Вельбовна священникъ Игнатій Зилинтинкевичъ, Села Вельбовна священникъ Ѳеодоръ Тарскій.

II.

Часовня св. Николая въ с. Гульчѣ.

У самой почтовой дороги, отъ г. Острога до г. Дубно, надъ источникомъ ключевой воды устроенъ открытый гротъ изъ камня, въ которомъ помѣщается съ незапамятныхъ временъ икона святителя Николая, чтимая здѣшнимъ православнымъ народонаселеніемъ какъ чудотворная. Образъ св. Николая носитъ на себѣ всѣ признаки глубочайшей древности, а живопись его вѣрна всѣмъ церковнымъ православнымъ преданіямъ. Г. Китченко, помѣстившій свои розысканія объ этомъ гротѣ въ январской книгѣ Югозападнаго Вѣстника за 1864 годъ [1], весьма подробно описалъ и поступокъ владѣльца части Гульчи, поляка-помѣщика Г. Е., который, въ виду всего здѣшняго милліоннаго народонаселенія русскаго, выбросилъ въ октябрѣ 1863 г. икону св. Николая изъ грота, а вмѣсто ея вдѣлалъ зеркало. Осмѣлиться на подобный святотатственный поступокъ, среди милліона русскихъ и въ русской губерніи, значитъ быть увѣреннымъ въ силѣ и могуществѣ польской пропаганды въ этомъ краю; зна-

1) Жаль, что авторъ этой замѣтки не послѣдовалъ примѣру о. Китченки
Ред.

читъ доказать, что р. католическое своеволіе въ этой странѣ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не знало предѣловъ своей дерзости и почти безнаказанно попирало здѣсь все русское и православное. Взволнованное, огорченное до глубины сердца, обиженное въ своихъ самыхъ завѣтныхъ вѣрованіяхъ, православное мѣстное народонаселеніе с. Гульчи подало прошеніе къ своему архипастырю и генералъ-губернатору. Спустя нѣсколько дней зеркало было кѣмъ-то разбито, а убогая наша икона внесена вновь въ гротъ, но уже поставлена не на прежнее, первое свое мѣсто, а смиренно съ боку зеркала. Въ такомъ положеніи находилась она до назначенія новаго начальника губерніи, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣхъ новыхъ русскихъ полицейскихъ чиновниковъ. 16 апрѣля прибылъ къ намъ вновь назначенный уѣздный исправникъ. Горячо взялся онъ хлопотать у высшаго начальства о возстановленіи иконы на прежнее мѣсто; усилія его, съ помощію высокопреосвященнаго Антонія, увѣнчались наконецъ желаннымъ результатомъ. Въ концѣ августа было получено разрѣшеніе возстановить икону на прежнее мѣсто, а разбитое зеркало вынести изъ грота. Все было сдѣлано, чтобы порадовать русское сердце смиреннаго здѣшняго простолюдина, скорбѣвшаго такъ долго за поруганную свою святыню. По соглашенію съ мѣстнымъ священникомъ, день былъ выбранъ 1 сентября, на вѣки памятный для здѣшняго простаго народа, день окончательнаго ихъ освобожденія отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ прежнимъ своимъ панамъ, величающимъ здѣшній народъ просто русскимъ быдломъ, т. е. скотомъ. Хоругви снесены были въ Гульчанскую церковь съ нѣсколькихъ приходовъ; въ числѣ прочихъ священниковъ приглашенъ былъ и острогскій протоіерей. Квартировавшая здѣсь сотня козаковъ разставлена была по обѣимъ сторонамъ дороги верхомъ, отъ церкви до грота; усердіемъ же новаго исправника была приготовлена и большая вызолоченная рама, для которой бѣлое стекло было привезено за 200 верстъ. Церемонія началась крестнымъ ходомъ отъ церкви къ гроту. Прекрасный осенній день, высоко стоявшее солнце, ярко освѣщая прелестную, гористую, усѣянную деревьями мѣстность источника и грота, какъ бы улыбалась ликующему радостному народу, собравшемуся въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ на этотъ двойной для нихъ праздникъ, праздникъ свободы и праздникъ православной церкви. На это торжество прибыли, вмѣстѣ съ исправникомъ, и мы, русскіе чиновники и военные; въ этой

огромной толпѣ невидно было ни одного поляка (1), которымъ мы думаемъ, такъ дико казалось это, по всей вѣроятности, первое православное народное торжество. Богослуженіе началось молебствіемъ у источника къ иконѣ св. Николая, красовавшейся уже въ новой своей рамѣ. Затѣмъ процессія вмѣстѣ съ иконою, несомою священниками, направилась въ церковь гдѣ послѣ литургіи, мѣстный священникъ, благочинный Яковъ Немоловскій, сказалъ прекрасную поучительную проповѣдь, въ которой, вспоминая всю грустную исторію православія этой страны, счастливо сравнивалъ его съ св. иконою, говоря, что какъ и она, поруганная уже нѣсколько разъ, возстановляется наконецъ нынѣ съ новымъ блескомъ, такъ и религія наша, не смотря на вѣковыя гоненія ея р. католицизмомъ, все болѣе и болѣе укрѣпляется въ сердцахъ вѣрующихъ, и выразилъ упованіе, что это поруганіе религіи и святыни, наконецъ, будетъ послѣднимъ, такъ какъ взоры нашего могущественнаго отечества уже ни на минуту не устанутъ смотрѣть на свою меньшую, но одинаково родную ей дщерь, эту страну. Затѣмъ, тѣмъ же порядкомъ, икона была отнесена въ гротъ и тутъ же немедленно была возстановлена на прежнее мѣсто. Никакими словами нельзя описать радости при этомъ бывшаго народа; слова, въ которыхъ она выражалась, были и просты и наивны и вмѣстѣ глубоко трогательны. Женщины подносили своихъ дѣтей, чтобы они всмотрѣлись въ ту икону, къ которой, въ продолженіи столькихъ вѣковъ, прибѣгали ихъ родители, прося и получая утѣшеніе въ своемъ рабскомъ положеніи; мужчины же собирались даже поднять на ура главнаго виновника этого торжества... Праздникъ окончился обѣдомъ у радушнаго священника и танцами, плясками и угощеніями простаго народа въ ихъ обычномъ мѣстѣ для увеселенія—корчмѣ.

Д. Е—овъ.

Изъ Дриссы (витеб. губ.)

Въ дриссенскомъ уѣздѣ, по бѣдности церквей и силѣ окатоличенія, заслуживаютъ вниманія Придруйскъ, Росица и Забѣлы или Волынцы. Придруйскъ—мѣстечко, лежитъ на правомъ берегу Двины, заселено евреями и отчасти христіанами; на другой

1) Къ сожалѣнію не было также ни одного и мироваго посредника, хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ намъ извѣстно, и были приглашены, да и онъ изъ нихъ находился даже въ этотъ день и въ Гульчѣ. Авт.

На этотъ фактъ нужно обратить вниманіе. Ред.

сторонѣ огруппировалось другое мѣстечко—Друя, виленской губерніи дисненскаго уѣзда, съ такимъ же народонаселеніемъ; но въ дѣйствительности оба эти мѣстечка можно считать за одно: Придруйскъ прибавленіе къ Друѣ. Онъ не зависитъ отъ Друи только въ административномъ и церковномъ отношеніи; въ торговомъ отношеніи жителямъ Придруйска почти во всѣхъ случаяхъ приходится обращаться въ Друю. Въ послѣдней три костела—каменный, деревянный и третій кладбищенскій. Церквей приходскихъ двѣ—Спасская деревянная съ приписной Петропавловской и Благовѣщенская каменная, древле православная. Благовѣщенская 5-й годъ уже починяется. Въ Придруйскѣ церковь деревянная, очень ветхая. Годъ ея постройки неизвѣстенъ, поправлена въ 1854 году. Церковь бѣдна утварью; фелоней которыя могутъ быть еще употребляемы, 5-ть; подризниковъ три; воздуховъ три пары. Необходимыя церковныя книги имѣются; но нѣтъ Минеи-мѣсячной, Миней-четіихъ и большаго требника. Иконостасъ очень бѣденъ иконами. Ксендзъ придруйскій живетъ при костелѣ въ мѣстечкѣ давнымъ давно на своемъ приходѣ и успѣлъ пріобрѣсти огромнѣйшее вліяніе на все народонаселеніе христіанское, не исключая и православнаго. Священникъ въ деревнѣ Стрыщкахъ въ 2½ верстахъ отъ церкви; въ теченіи 8 лѣтъ въ Придруйскѣ перемѣнилось три священника. Независимо отъ этой недолговѣчности своей на приходѣ, священникъ православный былъ поставленъ въ такое положеніе, что не могъ дѣйствовать въ приходѣ съ успѣхомъ въ пользу православія. Обсудите теперь эти посылки: въ Друѣ—три костела, въ Придруйскѣ—костелъ и ксендзъ старожилъ на приходѣ, человѣкъ съ огромнымъ вліяніемъ, богатый; въ Придруйскѣ—бѣдная церковь, бѣдный священникъ, не имѣющій прочности на мѣстѣ, лишенный возможности дѣйствовать въ пользу православія,—и вы получите заключеніе весьма не отрадное для русскаго православнаго человѣка.

Росица довольно большое мѣстечко съ церковію и костеломъ, заселено евреями (10—12 д.) и крестьянами (30 домовъ); крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ; Евреи торговлей и корчемничествомъ. Въ Росицѣ три ксендза,—они живутъ въ мѣстечкѣ при самомъ костелѣ,—и два православныхъ священника, отброшенныхъ отъ церкви болѣе чѣмъ на двухверстное разстояніе въ деревню Трибесы. Православная церковь построена въ худшей части мѣстечка, имѣетъ такую-сякую ограду и по наружности довольна сносна. Деревянный, довольно красивый ко-

стелъ стоитъ въ лучшей части мѣстечка, обнесенъ красивой оградой, какъ и слѣдуетъ быть молитвенному дому; у ногъ его разстилается отлогая площадь. Въ праздничный день она наполнена крестьянскими телегами или санями, у самой ограды стоятъ экипажи пановъ; здѣсь происходитъ и торговля; значитъ, это мѣсто наиболѣе оживлено; привлекаетъ въ костелъ богомольцевъ и содѣйствуетъ его обогащенію. Всякій, кто останавливается на этой площади, неизбѣжно молится въ костелѣ; останавливаются у костела почти всѣ крестьяне росицкаго прихода; особенно состоятельные между ними. Здѣсь можно выставиться хорошимъ поѣздомъ, хорошей лошадью; а крестьяне дриссенскаго уѣзда сильно заражены польской чертой— хвастливостью. Поэтому только бѣдняки, которымъ нечѣмъ хвастать, тащутся на своихъ тѣлегахъ или саняхъ къ церкви; у ея ограды останавливаются и за тѣмъ въ ея стѣнахъ молятся Богу. Войдемте со мной, собратъ великоруссъ, въ православную церковь во время богослуженія. Народу въ ней не много: больше солдатъ, чѣмъ крестьянъ: у насъ военное положеніе,—облаченія священническія бѣдны, иконостасъ очень бѣденъ; нѣкоторыя иконы писаны въ р. католическомъ вкусѣ; не знаю, какъ вы, а я почувствовалъ сильный холодъ въ ногахъ и головную боль: церковь сквозитъ какъ рѣшето; нестройное пѣніе непріятно поражаетъ слухъ. Пойдемъ-те въ костелъ; не стѣсняйтесь, что на васъ, какъ на москаля, изъ-подлобья смотритъ крестьянинъ. Костелъ биткомъ набитъ народомъ; если бы упало яблоко, оно непремѣнно сначала ударилось бы о чью-нибудь голову или плечо, и тогда уже протиснулось бы на полъ; внутренность костела довольно красива и способна возбудить и поддержать въ богомольцѣ молитвенное расположеніе духа; отъ стоянія въ костелѣ голова не заболитъ; вмѣсто нестройнаго пѣнія въ православной церкви, вы слышите звуки органа; онъ не изъ лучшихъ, но для деревни хорошъ. Въ Росицѣ строится каменная церковь, внѣ мѣстечка и значитъ — своимъ мѣстоположеніемъ она уступаетъ костелу. Едва ли она будетъ достаточно украшена иконами,— говоримъ на основаніи опытовъ, — а въ такомъ случаѣ, при нестройности церковнаго пѣнія, удаленности отъ центра мѣстечка, ей все-таки едва-ли удастся выдержать борьбу съ деревяннымъ, но красивымъ костеломъ, занимающимъ весьма выгодную мѣстность въ Росицѣ. Въ 6-ти верстахъ отъ Росицы есть костелъ сарьянскій приписной; онъ имѣетъ еще большее вліяніе на прихожанъ, чѣмъ росицкій; онъ въ центрѣ прихода, при немъ во-

лостное правленіе. По праздникамъ у крестьянъ бываютъ волостные сходы; пришедши на сходъ, крестьянинъ непремѣнно помолится въ костелѣ.

Забѣлы или Волынцы находятся въ центрѣ дриссенскаго уѣзда и расположены по обѣимъ сторонамъ рѣки Дриссы. Нѣсколько крестьянскихъ домовъ съ постройками для причта православнаго лежатъ на лѣвой сторонѣ рѣки и называются Забѣлами; остальное народонаселеніе, состоящее изъ христіанъ и евреевъ живетъ на правомъ берегу рѣки Дриссы; эта часть называется Волынцами; она собственно и составляетъ мѣстечко: Забѣлы—добавленіе къ ней. Направляясь въ Волынцы съ западной стороны, отъ Дисны, за нѣсколько верстъ вы видите красивыя башни костела. Среди низменной мѣстности, богатой хвойнымъ лѣсомъ, онѣ пробуждаютъ въ васъ, какъ человѣкѣ новомъ, чувство удивленія; вы невольно обращаете на нихъ вниманіе и любуетесь красивой ихъ архитектурой. Очутившись въ Забѣлахъ, вы видите почти все зданіе огромнаго красиваго костела. Къ нему примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ два двухъ-этажные каменные дома; въ одномъ когда-то жила многочисленная, монастырская прислуга, теперь вороны вьютъ свои гнѣзда; въ другомъ жили р. католическіе монахи доминиканы, теперь живутъ два ксендза и становой съ своей канцеляріей. На черномъ дворѣ—огромныя, тоже каменныя, хозяйственныя постройки, а за ними тянется большой садъ. Все это обнесено каменной оградой съ желѣзными воротами, ведущими на чистую площадку предъ костеломъ, выстланную кирпичемъ. Здѣсь прежде былъ доминиканскій монастырь, и около него сгруппировалось все, и умъ и богатство, что только могло возвысить р. католичество въ уѣздѣ. Доминиканскій монастырь владѣлъ большими угодьями, у него однихъ крестьянъ было около 4,000, не только въ дриссенскомъ, но и полоцкомъ уѣздахъ. Въ зданіяхъ монастыря помѣщалась 6-ти классная гимназія, бывшая въ рукахъ доминикановъ; въ ней преподавался полный гимназическій курсъ наукъ. Пока ученикъ успѣвалъ пройти 6-ть классовъ, онъ напитывался духомъ своихъ руководителей, отцовъ доминикановъ. Кромѣ того доминиканы обучили и монастырскую прислугу музыкѣ и ремесламъ; свои музыканты играли у нихъ во время богослуженія. Католики-помѣщики сильно заботились о своей гимназіи; между ея воспитанниками были пансіонеры дриссенскаго помѣщика Гильзино-Шадурскаго. Монастырь доминиканскій закрыли; принадлежавшія доминиканамъ зданія пустѣютъ и мало по малу разрушаются; но костелъ сохраняетъ еще прежнюю свою

величественную красоту и съ неотразимой силой дѣйствуетъ на мѣстное народонаселеніе. Въ Забѣлахъ есть и церковь, построенная на одной площади съ костеломъ, внизу, какъ бы для того, чтобы этимъ сопоставленіемъ еще лучше высказывалась сила римскаго католичества и безсиліе православія, не позаботившагося даже о сколько-нибудь приличной церкви для своихъ послѣдователей. Въ самомъ дѣлѣ, что это за церковь? Съ лѣваго берега Дриссы, сразу ее и не замѣтишь; стоя въ низменной части площади, гдѣ накопляется грязь, она лѣпится къ жидовскимъ домамъ и отдѣляется отъ нихъ крестомъ, который замѣтишь только хорошенько вглядѣвшись: около церкви нѣтъ ограды; ее замѣняютъ жидовскія козы и крестьянскія свиньи, которыя преспокойно располагаются около церкви. Однимъ словомъ, нигдѣ въ такомъ безобразіи не представляется безсиліе православія, нигдѣ нѣтъ такого громкаго обличителя нашего безчестнаго равнодушія къ нашей вѣрѣ и народности, какъ здѣсь. Въ Волынцахъ православная церковь своимъ существованіемъ обязана доминиканамъ, которые построили ее изъ старой каплицы уніатской, стоявшей на кладбищѣ. Это было въ 1837 г. [1]). Доминиканы строятъ православную церковь! Да это въ сто разъ хуже того, что у насъ допускаютъ жидовъ строить церкви! Доминиканы тогда были помѣщиками; по закону они должны были позаботиться о церкви для своихъ крестьянъ,—вотъ они и позаботились; церковь, построенная изъ стараго лѣса, теперь совершенно обветшала, снаружи обросла мхомъ; въ ней есть течи. Если бы священникъ не заботился о внутренней чистотѣ ея, на ея стѣнахъ постоянно были бы грибы. Церковь крайне бѣдна иконами и облаченіемъ. Волынскій костелъ имѣетъ вредное вліяніе на все окрестное народонаселеніе, приходы: дерновецкій, борковицкій, забѣльскій, прудинскій, тоболоцкій, зябицкій. Въ виду окатоличенія приходовъ придруйскаго, росицкаго, или бѣльскаго, утѣшаешься тѣмъ, что мѣстные священники—народъ совершенно русскій, безъ всякой примѣси полонизма и вовсе не употребляютъ польскаго языка, что начальникъ края обратилъ серьезное вниманіе на дриссенскій уѣздъ.

Мы считаемъ необходимымъ условіемъ для возбужденія народнаго духа въ этихъ мѣстностяхъ—благоустройство церквей, обезпеченіе матеріальное священниковъ и устройство училищъ. Намъ могутъ сказать, что въ Забѣлахъ съ 1842 года существуетъ училище вѣдомства палаты государственныхъ имуществъ; тѣмъ

1) Еще до возсоединенія униатовъ — значитъ доминиканцы строили церковь уніатскую. *Ред.*

не менѣе Забѣлы сильно окатоличены. Но во 1-хъ, училище въ Забѣлахъ устроено съ другой цѣлью—приготовить изъ крестьянъ писарей; это необходимо должно было отразиться и на направленіи училища. Во 2-хъ, училища для палаты дѣло стороннее; она не можетъ о нихъ серьезно заботиться. Оттого напр. въ Забѣлахъ по сіе время нѣтъ дома училищнаго, помѣщеніе ежегодно нанимается; оттого здѣсь священникъ, онъ же и единственный наставникъ, живетъ на одной сторонѣ рѣки, училище находится на другой, что крайне неудобно въ педагогическомъ отношеніи,—оттого причисленіе извѣстнаго училища къ штатнымъ палатскимъ обусловливается подчасъ случайными обстоятельствами. Въ мѣстечкѣ дриссенскаго уѣзда—Клястицахъ существуетъ училище съ 1845 года, не получавшее до настоящаго времени поддержки отъ казны. Но будучи устроено не для того, чтобы приготовить изъ крестьянъ писарей, а съ цѣлію укрѣпить въ нихъ религіозное чувство, уяснить имъ истины православія, сдѣлать ихъ грамотными русскими людьми (замѣтьте русскими людьми прежде всего, а не писарями), оно по своему благосостоянію далеко опередило казенное въ Забѣлахъ и имѣетъ самое благодѣтельное вліяніе на прихожанъ. Клястицы представляютъ наглядное доказательство, что путемъ народнаго образованія можно развить и укрѣпить русскій духъ, конечно, не у стариковъ, а въ молодомъ поколѣніи. Справедливость требуетъ сказать, что крестьяне росицкіе и придруйскіе совершенно не расположены къ русской грамотѣ. Росицкій, напримѣръ, священникъ о. Котырло, о которомъ съ любовію воспоминаютъ крестьяне въ прежнемъ его приходѣ — Юревичахъ, назначилъ въ своемъ домѣ двѣ отдѣльныя комнаты для училища, въ буквальномъ смыслѣ вымолилъ у крестьянъ его деревни—отдать къ нему учиться 15 мальчиковъ; но крестьяне рѣшительно отказались доставлять отъ себя дрова на отопленіе училищныхъ комнатъ. О. Котырло выпросилъ у мѣстнаго помѣщика позволеніе рубить дрова для училища въ его лѣсу. Возьмутъ ли на себя крестьяне трудъ—рубить и вывозить дрова для училища, пока не знаемъ. При такой нерасположенности къ обученію своихъ дѣтей русской грамотѣ, было бы ошибочно надѣяться, что крестьяне согласятся принять участіе въ устройствѣ училищъ, возьмутъ на себя постройку домовъ, тѣмъ болѣе, что отъ нихъ далеко строевой казенный лѣсъ: ближайшая напр. отъ Росицы Клястицкая дача въ сорока верстахъ. Поэтому въ одномъ изъ пунктовъ, лучше въ Росицѣ, слѣдуетъ устроить училище на казенный счетъ. Когда крестьяне

увидятъ отъ него плоды, вѣроятно помирятся съ нимъ и примутъ на себя издержки, если только дѣло обученія крестьянскихъ дѣтей будетъ поведено толково; а на это можно надѣяться при нынѣшнемъ священникѣ о. Игнатіѣ Котырло, которому нужно будетъ назначить хорошаго помощника.

Щука.

Празднованіе памяти Ломоносова въ Вильнѣ.

12-го апрѣля въ церкви Свято-Духовскаго монастыря преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, была совершена соборнѣ божественная литургія и панихида за упокой души знаменитаго нашего Михаила Васильевича Ломоносова. При богослуженіи присутствовали г. помощникъ главнаго начальника края, свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ А. Л. Потаповъ, г. начальникъ губерніи С. Ѳ. Панютинъ, многіе изъ гг. управляющихъ отдѣльными частями, гг. директоры, инспекторы и преподаватели гимназіи мужской и женской и другихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ Вильнѣ; кромѣ того, при богослуженіи присутствовала многолюдная семья учащихся въ здѣшнихъ училищахъ: до 300 воспитанниковъ гимназіи и прогимназіи, болѣе 200 учениковъ народныхъ училищъ, воспитанники православной духовной семинаріи и духовнаго училища, воспитанницы женской гимназіи, духовнаго училища и казеннаго дѣвичьяго училища для бѣдныхъ дѣвушекъ и дѣти изъ пріютовъ, всего мальчиковъ и дѣвочекъ было до 700. Радостно было смотрѣть на это многочисленное собраніе дѣтей, юношей и дѣвицъ, съ благоговѣніемъ внимавшихъ слову Божію. Мы имѣемъ основанія съ совершенною увѣренностію сказать, что всѣ учащіеся знали за кого молилась въ это время православная церковь не смотря на то, что многіе изъ нихъ принадлежали къ иновѣрческимъ исповѣданіямъ. Здѣсь были и римскіе католики и лютеране и даже нѣсколько евреевъ. Всѣ они знали,— одни подробно, другіе въ главныхъ чертахъ, кто былъ Ломоносовъ и какія услуги оказалъ онъ отечеству. Такія событія, какъ чествованіе церковью памяти заслуженныхъ мужей отечества, не проходятъ безслѣдно для впечатлительной молодежи: они возвышаютъ душу и подкрѣпляютъ силы въ любви къ наукѣ и труду. Предъ окончаніемъ литургіи сказано было приличное обстоятельствамъ слово, въ которомъ проповѣдникъ.

отецъ Анастасій, помощникъ инспектора духовной семинаріи, развилъ мысль, что глубокая вѣра и истинная наука въ стремленіяхъ не расходятся.

Помянувъ Михаила Васильевича молитвами, почтили память его и другимъ добрымъ дѣломъ: въ западномъ краѣ есть молодое, только что въ концѣ минувшаго года возникшее учебное заведеніе, назначенное для подготовленія наставниковъ въ народныя училища, изъ дѣтей крестьянъ православнаго исповѣданія, именно учительская семинарія въ мѣстечкѣ Молодечнѣ, виленской губерніи. Къ заявленной нѣкоторыми лицами мысли, учредить при этой семинаріи, въ память Ломоносова, стипендію, русское общество въ Вильнѣ отнеслось съ сочувствіемъ; и потому положили испросить установленнымъ порядкомъ разрѣшеніе на учрежденіе означенной стипендіи, съ присвоеніемъ ей названія *Ломоносовской*; предварительно же открыть подписку для сбора нужнаго на этотъ предметъ капитала. Высокопреосвященный митрополитъ Іосифъ преподалъ архипастырское благословеніе на это доброе дѣло, г. помощникъ главнаго начальника края А. Л. Потаповъ разрѣшилъ подписку, соизволивъ вписать свои имена въ списокъ жертвователей. Тотчасъ же, по окончаніи панихиды, въ квартирѣ преосвященнаго Александра, епископа ковенскаго, начались подписки. Списокъ лицамъ, внесшимъ пожертвованія и количество собранной суммы мы не замедлимъ сообщить въ одномъ изъ ближайшихъ №№ Вѣстника.

Дай Богъ успѣха доброму дѣлу! Пусть здѣшнее крестьянство узнаетъ и помянетъ добромъ и честію славнаго своего собрата Михаила Васильевича Ломоносова.

Пожертвованія принимаются въ управленіи виленскаго учебнаго округа. (*Вил. Вѣст.*)

О Закладкѣ церкви въ Ейшишкахъ и слово по случаю закладки.

Письмо въ редакціи Вил. Губ. Вѣд.

Въ воскресенье, 9-го мая, происходила торжественная закладка новой церкви во имя св. Георгія Побѣдоносца въ м. Ейшишкахъ виленскаго уѣзда.

С. Ейшишки состоитъ изъ 30 дворовъ переселенцевъ изъ кобринскаго уѣзда гродненской губерніи, изстари православныхъ. Живя болѣе ста лѣтъ среди р. католическихъ пановъ и крестьянъ—безъ храма и священника, переселенцы эти въ сороковыхъ годахъ приписаны были прихожанами къ Николаевской церкви въ Вильнѣ, такъ что для говѣнія имъ каждый разъ приходилось предпринимать путешествіе въ Вильну. Несмотря на то старики остались вѣрными религіи отцовъ своихъ, но молодое поколѣніе, не могшее устоять противъ ксендзовскихъ происковъ, стало посѣщать ближайшіе костелы; ксендзы же, воспользовавшись этимъ, начали причащать ихъ и крестить у нихъ дѣтей и они сдѣлались, сами того не замѣчая, римскими католиками,—хотя по спискамъ и считались православными. По окончаніи мятежа и водворенія спокойствія въ краѣ, духовенство наше прибыло въ Ейшишки, и по увѣщеваніи передъ великимъ постомъ, до 6-ти человѣкъ совратившихся говѣли и причастились тутъ же въ волостномъ прваленіи. Но отдаленность отъ своей церкви этой горсти православныхъ, среди латино-польской пропаганды не далеко отъ Жмуди, этого гнѣзда ксендзовскаго фанатизма, побудило виленскаго военнаго начальника князя Хованскаго, ходатайствовать у бывшаго главнаго начальника края о построеніи въ Ейшишкахъ приписной церкви—и вмѣстѣ съ тѣмъ объ открытіи подписки на сооруженіе сего храма. Добровольные датели явились и вскорѣ было собрано до 1,500 руб., вслѣдъ за тѣмъ въ виленскомъ церковномъ комитетѣ составленъ былъ проэктъ каменной церкви на 100 человѣкъ по смѣтѣ въ 3,500 руб.; недостающія деньги были назначены начальникомъ края. На закладкѣ этого храма я присутствовалъ и постараюсь вамъ описать это торжество.

Въ 10-мъ часу прибылъ изъ Вильны г. начальникъ губерніи съ г. попечителемъ округа прямо въ волостное правленіе. Когда собрался весь народъ, въ 11-мъ часу началось шествіе изъ волостнаго правленія къ мѣсту закладки: впереди крестьяне несли хоругви и крестъ, потомъ слѣдовали пѣвчіе, затѣмъ ректоръ духовной семинаріи архимандритъ Іосифъ, два священника, два причетника, прибывшіе изъ Вильны члены комитета и прочіе служащіе, пріѣхавшіе нарочно на это торжество, и весь народъ въ праздничной одеждѣ. Тутъ, кромѣ православныхъ, были и староверы и римскіе католики, даже нѣмцы. Посреди выкопаннаго рва подъ фундаментъ былъ поставленъ

аналой и духовенство начало служить малую обѣдню.—Тихій, пріятный, весенній день, стройное пѣніе, торжественность нашего богослуженія—все располагало къ молитвѣ и многіе изъ пріѣхавшихъ молились усердно о завершеніи закладываемаго храма. По окончаніи обѣдни, священникъ Антоній Пщолко произнесъ приличное случаю слово.

По окончаніи молебна, совершена закладка по церковному чиноположенію и съ удовольствіемъ мы видѣли, какъ каждый изъ прихожанъ спѣшилъ положить камень въ фундаментъ своего новаго храма. До 10 человѣкъ крестьянъ тутъ же изъявили желаніе возвратиться въ лоно православія. Потомъ шествіе тѣмъ же порядкомъ возвратилось въ правленіе, близь котораго были накрыты столы для крестьянъ. Первый тостъ былъ провозглашенъ начальникомъ губерніи за здоровье ЦАРЯ-Освободителя, потомъ за здоровье нашего начальника края,—крестьяне же сами провозглашали за здоровье графа Михаила Николаевича Муравьева, „которому мы обязанны всѣмъ", и за здоровье военнаго начальника князя Хованскаго. Всѣ тосты сопровождались громкимъ ура. Я ходилъ по столамъ и прислушивался къ говору пирующаго народа и съ радостью долженъ сказать, что ни слова не слыхалъ польскаго: рѣчь ихъ осталась бѣлорусскою съ примѣсью словъ литовскихъ. Въ этомъ то говорѣ выражалась историческая истина, что край этотъ былъ и есть русскимъ.—Я подошелъ къ одному изъ сидящихъ старцовъ и спросилъ у него, помнитъ ли онъ что говорилъ священникъ въ проповѣди?—Мой собесѣдникъ оказался 80-лѣтнимъ старцемъ, который разсказалъ мнѣ, что совращеніе дѣтей началось съ тѣхъ поръ, когда Евьейскій монастырь былъ сожженъ французами въ 12 году; что онъ хорошо помнитъ, и что онъ былъ православный и остался такимъ и знаетъ всѣ молитвы. „Не вини, батюшка, молодыхъ, что ихъ совратили: я въ первой послѣ сожженія монастыря слышалъ такую службу какъ сегодня; мы только и знали что панщизну, да и священника то мы 50 лѣтъ не видали въ своемъ селѣ".

Потомъ всѣ присутствующіе поѣхали на обѣдъ къ князю Гедройцю, трокскому предводителю дворянства, послѣ чего, по желанію присутствующихъ, была отправлена депеша графу М. Н. Муравьеву.

В. В.

СЛОВО

по случаю закладки новой церкви во имя Св. великомученика Георгія Побѣдоносца въ селѣ Гейшишкахъ виленскаго уѣзда.

Вотъ мы приступаемъ къ дѣлу, о которомъ всегда благоволитъ Господь Богъ и радуется любезное отечество наше: приступаемъ къ закладкѣ новой православной церкви.

Было время, когда русско-литовская страна сія процвѣтала православною вѣрою и русскими обычаями. Въ верстахъ 12-ти отсюда, въ м. Евьѣ, существовалъ знаменитый монастырь Успенія Пресв. Богородицы. Основаніе его относится къ временамъ перваго литовско-русскаго князя Гедимина, и приписывается третьей женѣ его, русской княжнѣ Евѣ Ивановнѣ. Подлинныя записки временъ давнихъ показываютъ, что къ числу православныхъ сыновъ того монастыря принадлежали предки русско-литовскихъ знаменитѣйшихъ вотчинниковъ въ здѣшней окрестности: предки Огинскихъ, Пацовъ, Тышкевичей, Гедройцей и Воловичей, и множество земледѣльческаго, простаго народа здѣшней осѣдлости. При монастырѣ была народная школа и печатались русскія книги. Въ нашъ уже вѣкъ, когда, по ходу бывшаго смутнаго владѣнія Польши, православіе не могло еще оправиться, евейскій монастырь (въ 1806 году) упраздненъ, а вмѣсто его учрежденъ сельскій приходъ; въ 1812 году монастырскія зданія и церковь сожжены французами и поляками; новая приходская церковь построена тамъ въ 1840 году; но существованіе православныхъ евейскихъ пастырей никогда не прекращалось; безпріютность только, до времени построенія новой церкви и жилаго дома, заставляла ихъ кочевать по окрестностямъ въ Стравенникахъ, Высокомъ Дворѣ и др. Всѣ издавна живущіе здѣсь и старики знаютъ и помнятъ это очень хорошо, и многіе изъ предстоящихъ здѣсь, положа руку на сердце, пусть скажутъ, не въ это ли безпріютное время евейскихъ пастырей отпали отцы ихъ и даже сами они отъ православной вѣры и перешли, переманенные ксендзами, въ польскую, латинскую вѣру?

А въ прежнія, давнія времена, какъ и что здѣсь было? А вотъ что: до времени приневоленія здѣшней страны къ соединенію съ Польшею, здѣсь вовсе не знали латинской вѣры; о костелахъ и ксендзахъ не было и помину; а православный евейскій монастырь и православныя церкви уже существовали и наполнялись народомъ православной вѣры. Встарину не было здѣсь ни поляковъ, ни ихъ латинской вѣры; теперешніе же поляки и латинники—просто или пришлые люди или внуки переворотней русскихъ и литовскихъ, забывшихъ вѣру своихъ предковъ, забывшихъ стыдъ и совѣсть. Всѣ христіане того времени, ваши предки и дѣды были ревнителями православія и строили православные храмы Божіи; всѣ они говорили и молились Богу по русски, писали и судились по русски. Литовскій простой языкъ извѣстенъ былъ только по захолустьямъ, а польскаго языка, какъ совершенно чуждаго здѣшней странѣ, и слыхомъ не было слышно.

Но все это стало измѣняться и измѣнилось по той мѣрѣ, какъ поляки болѣе и болѣе утверждались забирать въ свои руки всѣ земскія власти. Поляки и ксендзы выдумывали всякіе способы: льстивые и страшные, хитростные и насильственные, чтобы отуманить православный, русско-литовскій народъ и перевернуть его въ подобныхъ себѣ поляковъ и латинниковъ, чтобы довести православныхъ христіанъ перестать говорить русскимъ языкомъ, судиться русскими законами и отказаться отъ вѣры своихъ предковъ, и вмѣсто этого принять все польское и шляхетскую вѣру. Литовско-русскіе князья и вельможи ѣздили въ Варшаву и дружились съ поляками. Тамъ перенимали они польскіе нравы и обычаи, выучились польскому языку и польской грамотѣ, а свое русское забывали и покидали. Польскіе сенаторы, которыми были по большей части латинскіе бискупы, оказывали такимъ измѣнникамъ большой почетъ и уваженіе. Они выбирали ихъ на мѣста воеводъ и старостъ, а король дарилъ имъ богатыя имѣнія. Темнѣлъ разумъ въ головахъ такихъ корыстныхъ вельможъ: многіе изъ нихъ бросили даже свою православную вѣру и подѣлались латинниками. Простой земледѣльческій народъ крѣпко еще держался своихъ русскихъ обычаевъ и своей православной вѣры. Но поляки отдали этотъ народъ въ полную власть пановъ, а паны эти, по большей части люди пришлые изъ Польши или ополячившіеся, никакъ не хотѣли допустить, чтобы сельское народонаселеніе пользовалось какими бы то нибыло правами; они назвали здѣшній русско-

литовскій, простой и православный народъ народомъ *хлопскимъ* и *хамскимъ* и налегли на него панщизной и всякаго рода поборами, требовали отъ него каждый разъ новыхъ заработковъ и сдѣлались его мучителями. Ксендзы были за одно съ поляками и вмѣстѣ съ ними тормошили православную вѣру народа; эту святую, истинно — христовую вѣру онѣ назвали *схизмою*, а православныхъ людей — *схизматиками*, и насиловали ихъ отказаться отъ вѣры своихъ предковъ и принять вѣру ихнію, латинскую. Православныя церкви разоряли или обращали въ костелы, а православныхъ священниковъ выгоняли и губили всякими способами, Не было житья православному люду; со всѣхъ сторонъ и всѣ крывдили его, и нигдѣ нельзя было найти правды: ибо въ польскомъ, шляхетскомъ государствѣ ксендзы, кромѣ вѣры и молитвъ, мѣшались во всѣ дѣла и гражданскія и военныя, и объявляли *полные отпусты* (совершенныя прощенія) грѣховъ за уничтоженіе *схизмы*, то есть: православной вѣры и православныхъ людей. Они лгали передъ Богомъ и людьми. Бѣдный народъ горѣлкою залилъ горемычную свою долю, ему уже было не до школы: онъ оглупѣлъ и забывалъ все свое кровное, родное.

Много пережили прадѣды и дѣды ваши тяжкаго горя и лихихъ испытаній; но милосердый Богъ положилъ конецъ польскому господству и тяготѣ панской. Со времени возвращенія нашей страны подъ родной кровъ Россіи перемѣнился порядокъ къ лучшему, и, наконецъ, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ нашъ, въ достопамятный день 19 февраля 1861 года, освободилъ здѣшній народъ изъ неволи и даровалъ ему право свободно трудиться въ свою пользу и для блага отечества, покупать и владѣть землею и учиться грамотѣ для просвѣщенія себя и для познанія святой, русской правды. Поляки и ксендзы еще попытались было возстановить свое шляхетское государство съ его панщинами и насиліями; но эта попытка, подобно прежнимъ, кончилась ничѣмъ и послужила только новымъ доказательствомъ того, что поляки и ксендзы не доведутъ ни къ чему доброму. Такъ караетъ Богъ мятежъ и крамолу, и открываетъ святую правду.

Христіане! Святому Божіему промыслу угодно было обновить страну сію православіемъ, русскою рѣчю и русскимъ духомъ. И вотъ въ странѣ древняго достоянія православной церкви, но въ смутныя времена оскудѣвшей въ святыхъ хра-

махъ, мы готовы уже положить основаніе новаго, православнаго храма.

Но кого избралъ Господь возвеличить угнетенное здѣсь православіе и уготовать въ сей странѣ святый храмъ имени Своему? Сію великую радостную мысль внушилъ онъ бывшему главному начальнику здѣшняго края, графу Михаилу Николаевичу Муравьеву. Принявъ въ управленіе Высочайше ввѣрерный ему край и обращая вниманіе на нужды его, съ горестнымъ чувствомъ усмотрѣлъ онъ бѣдственное состояніе здѣсь православныхъ храмовъ и немедленно сталъ ходатайствовать предъ Всемилостивѣйшимъ Государемъ нашимъ о созданіи и благоукрашеніи ихъ; и вотъ, по благости небесной и отеческой попечительности властей нашихъ, закладывается новый въ здѣшнемъ уѣздѣ православный храмъ. Да будетъ же хвала и благодареніе незабвенному нашему Михаилу Николаевмчу! Высока честь и слава г. начальнику губерніи, вашему превосходительству, Степанъ Ѳедоровичъ: вы принимаете ближайшее и сердечное участіе въ святомъ дѣлѣ! Признательность и благодарность г. военному начальнику уѣзда, вашему сіятельству, Николай Николаевичъ *). Вы восхотѣли и съумѣли воспользоваться данными вамъ правами и средствами! Благодарность и вамъ, князь Гедройць, и всѣмъ послужившимъ пожертвованіями своими на пользу душъ меньшихъ братій своихъ. Не сомнѣваюсь о благодати Господней: она прольется изъ священнаго храма сего на всѣхъ усердствующихъ къ возвеличенію православной вѣры,— вѣры, на коей, какъ на краеугольномъ камени, утверждается временное благоденствіе Церкви и Отечества и вѣчное спасеніе душъ, исповѣдующихъ имя Христово. А вы, иновѣрные братья! не увлекайтесь ксендзовскими подшопотами и не обольщайтесь ими. Что бы васъ ни привело сюда—любопытство или приглашеніе знакомыхъ, примите доброе участіе въ настоящемъ торжествѣ нашемъ; возрадуйтесь духомъ о милости къ намъ Божіей, благопоспѣшившей къ совершенію дѣла Господня! Но чѣмъ же можемъ мы ознаменовать свою признательность къ попеченіямъ о благѣ нашемъ Царя небеснаго и Царя земнаго и всѣхъ, иже во власти суть? А вотъ чѣмъ: создавая видимый каменный храмъ сей, вы и сами, христіане, какъ живые камни, устройте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу Іисусомъ Христомъ. (Петр. II.

*) Кн. Хованскій.

5.) Какимъ образомъ совершить это? А вотъ какимъ: вмѣстѣ съ камнями вещественными, полагаемыми въ основаніе видимаго храма Господня, положимъ въ сердцахъ своихъ въ основаніе храма благодати и невидимые камни, то есть, вѣрность и любовь къ православной церкви и нашему отечеству—Россіи; вѣрность и любовь ко всему спасительному и доброму по заповѣдямъ Господнимъ и предначертаніямъ правительственнымъ.

Имя православнаго христіанина должно быть драгоцѣнно для каждаго. Всякій, украшающійся симъ именемъ, какъ сынъ истинной, святой церкви, повиненъ горѣть пламенною любовью къ этой одной своей матери; въ ея наставленіяхъ долженъ находить сладкую пищу, насыщающую душу и тѣло, умудряющую во спасеніе. Безъ таковаго сыновняго расположенія къ своей церкви, христіанинъ не можетъ не заблудиться, не можетъ не потерять должнаго уваженія къ духу обрядовъ своего исповѣданія, не можетъ не содѣлаться безразличнымъ въ отношеніи къ другимъ разномыслящимъ христіанскимъ обществамъ. Истиннаго сына церкви всегда воодушевляетъ постоянная радость о всемъ томъ, что служитъ ко благу ея внѣшнему и внутреннему, и напротивъ смущаетъ скорбію всякое ея бѣдствіе. А потому истинный христіанинъ не можетъ не преисполняться радостію, когда воздвигаются храмы Господни и умножается число вѣрующихъ. Кто ощущаетъ въ себѣ и силенъ всегда имѣть такую преданность, любовь и благоговѣніе къ православной церкви, тотъ пусть полагаетъ здѣсь и камень вещественному храму Божію; этотъ камень не осудитъ его въ небреженіи о внутреннемъ храмѣ, о сердечной обители своего сердца для Духа Святаго.

Кто способенъ утѣшаться тѣмъ, что возвышаетъ и утверждаетъ счастіе родственной страны; кто способенъ радоваться распространенію предѣловъ отечества, укрѣпленію его въ силѣ и могуществѣ; кто благодаритъ Бога за пораженіе мятежа и крамолы, нарушающихъ общественный миръ и спокойствіе, тотъ полагай здѣсь камень въ основаніе храму веліяго Бога: этотъ камень не осудитъ тебя въ недостаткѣ спасительнаго разумѣнія, что общее благоденствіе отечества есть основаніе и залогъ личнаго блага, частной безопасности.

Кто готовъ душевно содѣйствовать правительству въ исполненіи благихъ его предначертаній;—кто готовъ быть ревностнымъ исполнителемъ воли предержащей,—тотъ полагай здѣсь камень: онъ не осудитъ тебя въ коварствѣ и измѣнѣ.

Кто готовъ дѣятельно споспѣшествовать уничтоженію не-

сбыточныхъ надеждъ польскихъ мечтателей; кто горитъ желаніемъ воспитать молодое поколѣніе въ страхѣ Божіемъ, въ правильномъ разумѣніи гражданскихъ обязанностей и долга къ отечеству своему—Россіи,—тотъ полагай здѣсь камень въ основаніе храму Бога правды: этотъ камень не осудитъ тебя въ подготовленіи мятежныхъ возстаній и собственной гибели.

Вотъ нѣкоторые очевиднѣйшіе камни, кои можемъ и должны положить здѣсь, коими можемъ свидѣтельствовать свою признательность къ отеческому неусыпному попеченію о насъ Всемилостивѣйшаго **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА** нашего и поставленныхъ отъ него властей. Эти камни составятъ благопріятнѣйшую жертву Господу Богу въ видимомъ селеніи славы Его. Ему благоугодно сердечное единомысліе молящихся, неразрывное стремленіе каждаго и всѣхъ къ одной спасительной цѣли,—стремленіе къ ревностному, благочестному и мирному прохожденію каждымъ своего званія. Кто воздаетъ Божія Богови и Кесарева Кесареви, проходитъ служеніе сына церкви и отечества не по страху наказанія, не воздыхающе, а по совѣсти и съ радостію; тотъ яко вѣрный и благій рабъ внидетъ въ вѣчную радость Господа своего, по обѣтованію Его.

Но аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіе; посему прежде начинаній своихъ, помолимся Господу Богу, да начнетъ, продолжаетъ и увѣнчаетъ онъ благословеніемъ Своимъ созданіе на семъ мѣстѣ храма во славу Пресвятаго имени Своего. Аминь.

Священникъ *А. Пицолко.*

9-го мая 1865 г.
м. Гейшишки.

(Вил. Губ. Вѣд. № 23)

Въ „Вил. Губ. Вѣд.“ напечатана слѣдующая депеша отправленная при закладкѣ означенной церкви въ Гейшишкахъ къ бывшему главному начальнику края графу М. Н. Муравьеву г. начальникомъ губерніи и другими присутствовавшими при закладкѣ лицами:

„Графу Михаилу Николаевичу Муравьеву. Положившш первый камень гейшишскаго православнаго храма, привѣтствуемъ положившаго первый камень возстановленія православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ.“

На эту телеграмму воспослѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ на имя г. начальника губерніи:

„Получивъ телеграмму отъ 9 мая по случаю закладки первой въ виленскомъ уѣздѣ церкви въ с. Гейшишкахъ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство передать глубокую и душевную мою благодарность всѣмъ вспомнившимъ обо мнѣ при закладкѣ помянутаго храма. Молю Бога, да утвердитъ на вѣки ненарушимо православіе въ искони русскомъ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Графъ *М. Муравьевъ*.

Голосъ Русскаго.

Р. католики юго-западнаго края, особенно благоразумнѣйшіе изъ нихъ, заявляютъ себя *теперь* противъ партіи дѣйствія, и проклинаютъ коноводовъ послѣдняго неудавшагося мятежа; но до настоящаго времени не видно еще ни одного серіознаго шага, съ ихъ стороны, къ сближенію съ нами. До настоящаго времени они все-таки именуютъ себя *поляками* и никакъ не хотятъ сознать, что они только р. католики русскаго происхожденія, слѣдовательно граждане русскіе, долженствующіе раздѣлять всѣ интересы своего отечества—Россіи. Весьма справедливо замѣчаетъ г. Юзефовичъ въ своемъ „Отвѣтѣ на сдѣланный вопросъ“ (*Соврем. Лѣт.* № 6-й 1865 г.): „Если *поляки* западнаго края дѣйствительно приходятъ теперь къ сознанію своего долга, какъ подданные и граждане Россіи, то пусть покажутъ намъ не на словахъ, а на дѣлѣ, что рѣшились быть тѣмъ и другимъ безъ задней мысли, что хотятъ принадлежать къ русской націи и соединяются съ нею по духу и по формѣ: въ гражданскомъ чувствѣ, въ языкѣ и въ обычаѣ, разрушая навѣки всякую солидарность съ историческою Польшей“.

По нашему мнѣнію, первымъ шагомъ къ примиренію, со стороны поляковъ, должно быть—узаконеніе въ своей средѣ языка русскаго. Если р. католики нашего края дѣйствительно хотятъ смыть съ себя пятно прошедшаго, и желаютъ благоденствія своему потомству въ будущемъ, то они непремѣнно должны стараться о воспитаніи этого потомства въ русскомъ чувствѣ. Съ молокомъ матери это потомство должно всосать идеи, что оно составляетъ съ русскою націей одно неразрывное цѣлое въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи; но такое сліяніе не возможно безъ усвоенія языка своего отечества. Языкъ есть выраженіе народнаго духа. Языкъ, на

которомъ мы начали лепетать, на которомъ затвердили первыя молитвы, языкъ, на которомъ слышали первыя дѣтскія сказки, остается для насъ на всю жизнь языкомъ священнымъ. Мы имѣли случай говорить со многими поляками нашего края, которые вполнѣ раздѣляютъ наше мнѣніе, но такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ открытаго заявленія, то полагать должно, что эти трезвые, преданные Россіи р. католики составляютъ весьма незначительное меньшинство. Иниціатива, по нашему мнѣнію къ сближенію поляковъ съ русскими по языку, должна принадлежать священникамъ. Р.-католическіе священники, дѣйствительно преданные Россіи и желающіе добра своей паствѣ, должны открыто заявлять, что языкъ русскій никакъ не недостоинъ р. католицизма, и что можно быть весьма ревностнымъ р. католикомъ, если даже изучать катехизисъ, или произносить молитвы на русскомъ языкѣ. Преданія, разумѣется, имѣютъ большое вліяніе на каждый народъ, и не такъ легко оторваться отъ того, что привито къ намъ съ самаго дѣтства. Крестьянинъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, если онъ даже преданъ тѣломъ и душею Россіи, никакъ не рѣшится произнести свои молитвы на языкѣ русскомъ, въ томъ вѣроятно убѣжденіи, что Богъ не услышитъ его молитвы; но если бы священники взяли на себя трудъ растолковать этимъ крестьянамъ, что Богъ внимаетъ молбамъ на всѣхъ возможныхъ языкахъ, лишь бы молитвы были искренни, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что они послушались бы своихъ пастырей. Мы впрочемъ говоримъ еще не о томъ, чтобы молитвословы для русскихъ р. католиковъ печатались *непремѣнно* и *сейчасъ же* на русскомъ языкѣ, но мы кажется въ правѣ ожидать, чтобы Законъ Божій, въ нашихъ русскихъ гимназіяхъ, преподавался для католиковъ какъ гражданъ русскихъ, по-русски. Можетъ-быть эта мысль покажется нѣкоторымъ полякамъ слишкомъ смѣлою и почти несбыточною, на томъ основаніи, что это будетъ, по ихъ мнѣнію, нарушеніемъ свободы совѣсти; но въ такомъ случаѣ, пусть же перестанутъ они говорить и думать, что желаютъ примиренія съ нами. Что преподаваніе Закона Божія для р. католиковъ на языкѣ русскомъ, не есть нарушеніе свободы совѣсти,—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Существуютъ же р. католическія государства, гдѣ языкъ польскій совершенно неизвѣстенъ, и Законъ Божій для р. католиковъ этихъ государствъ не преподается на языкѣ польскомъ! Если же языкъ польскій же не

имѣетъ особеннаго освященія со стороны римской церкви, то почему, опять спрашиваемъ, Законъ Божій въ русскихъ гимназіяхъ преподается для всѣхъ римскихъ католиковъ на польскомъ языкѣ? Что сказала бы Франція, государство римско-католическое, еслибы какіе-нибудь французскіе подданные захотѣли преподавать въ учрежденной правительствомъ гимназіи Законъ Божій не на французскомъ, а на какомъ-либо другомъ языкѣ? Не подлежитъ сомнѣнію, что правительство французское не допустило бы этого. Въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ, даже въ виленскомъ учебномъ округѣ, Законъ Божій для р. католиковъ преподается на русскомъ языкѣ, но это преподаваніе введено по распоряженію правительства, а не по желанію самихъ р. католиковъ. Можетъ-быть современемъ эта справедливая мѣра будетъ введена и въ русскихъ гимназіяхъ югозападнаго края; но тогда поляки не должны претендовать на этотъ *шагъ къ примиренію*, потому что онъ будетъ сдѣланъ не ими, а нашимъ правительствомъ, и поляки не будутъ имѣть основанія требовать, чтобы довѣріе наше къ нимъ было востановлено. Пишущій эти строки имѣлъ случай говорить объ этомъ предметѣ со многими преподавателями римско-католическаго Закона Божія, и всѣ почти высказались въ пользу преподаванія на русскомъ языкѣ, указывая на катехизисъ отлично-составленный доминиканомъ Стацевичемъ, но, говорили они мнѣ, что преподаваніе катехизиса на русстомъ языкѣ не отъ нихъ зависитъ, а отъ мнѣній епископовъ. Если такъ, то почему бы монсиньйорамъ епископамъ не обратить вниманія на этотъ важный шагъ къ примиренію? Стоитъ только имѣть добрую волю, и зерно будущихъ плодовъ будетъ уже брошено.

Говоря о преподаваніи Закона Божія въ русскихъ гимназіяхъ на русскомъ языкѣ, мы не можемъ умолчать еще объ одномъ важномъ пунктѣ, а именно о проповѣдяхъ въ римско-католическихъ костелахъ. Не касаясь литургіи, совершающейся большею частью на освященномъ уже древностью латинскомъ языкѣ, мы никакъ не можемъ мириться съ мыслью, чтобы служители алтарей, поучающіе русскую паству, обращались къ ней съ польскою рѣчью. Весьма прилично было бы, чтобы проповѣди въ костелахъ произносились на отечественномъ языкѣ — языкѣ русскомъ. Мнѣ можетъ-быть возразятъ, что проповѣдники этого языка не знаютъ, а слушатели и подавно,

но то и другое несправедливо. Извѣстно всѣмъ и каждому, что р. католики югозападнаго края столько же понимаютъ по-русски, сколько и по-польски (и языкъ польскій у нихъ почти ломанный). Да и какъ не знать языка, на которомъ написаны законы! Что касается священниковъ, то они почти всѣ окончили курсъ въ р. католическихъ русскихъ семинаріяхъ, гдѣ много предметовъ проходится по-русски, гдѣ изучаютъ исторію Россіи исключительно на русскомъ языкѣ, слѣдовательно, при желаніи, каждый священникъ можетъ составить весьма приличное поучительное слово на языкѣ отечественномъ [1]).

Разумѣется, что кромѣ усвоенія русскаго языка и русскихъ обычаевъ, поляки должны дать еще много доказательствъ, что они совершенно желаютъ примиренія съ нами, но пока мы не услышимъ въ польскихъ семействахъ языка русскаго, пока съ амвоновъ р. католическихъ костеловъ не польется русская рѣчь, пока въ гимназіяхъ русскихъ ученики еще будутъ встрѣчать своихъ законоучителей польскимъ привѣтствіемъ, а учитель будетъ читать лекціи на польскомъ языкѣ, до тѣхъ поръ мы принуждены думать, что поляки еще не сдѣлали ни одного серіознаго шага къ примиренію, а лишь покорились, какъ говоритъ г. Юзефовичъ, въ упомянутой нами статьѣ, государственной силѣ. *Житель югозападнаго края.*

Исторія польскаго возстанія, разсказанная самими поляками.

Отчаянными средствами пыталась революціонная партія удержать за собою власть, не смотря на всѣ пораженія, испытанныя ею, не смотря на то, что страна все болѣе и болѣе освобождалась отъ ея язвы. Тронная рѣчь, произнесенная императоромъ французовъ, 5-го ноября 1863 года, побудила эту партію, по словамъ автора брошюры, вызвать послѣднія свои силы, чтобы гальванизировать несчастный польскій вопросъ и не допустить европейскую журналистику окончательно охладѣть къ нему. „Терроръ увеличился, говоритъ брошюра; молодыхъ людей силою таскали въ банды; тѣхъ, которые не являлись добровольно, хватали на дому и брили имъ половину головы.“ Ничего, однако

1) При томъ же поступающіе въ семинаріи воспитанники всегда получаютъ первоначальное образованіе въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ, гдѣ всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ. *Ред.*

ко, не помогало. Вскорѣ последняя многочисленная шайка истреблена была подъ Опатовымъ. „Тогда, говоритъ авторъ, революцiонная организацiя рухнула, и на сценѣ остались только жандармы-вѣшатели, да убiйцы. Страшное зрѣлище представляло собою общество! Поземельные владѣльцы были раззорены до тла; пусть только вспомнятъ о поборахъ, къ которымъ прибѣгало такъ-называемое нацiональное правительство, о требованiяхъ всякаго рода припасовъ для мятежниковъ, о контрибуцiяхъ, слѣдовавшихъ безпрерывно одна за другою! И всѣ эти повинности тяготѣли на одномъ лишь классѣ населенiя... „Положенiе по истинѣ трагическое! Можетъ ли быть что нибудь ужаснѣе, когда власть перешла въ руки лакеевъ, которые не знали цѣны нравственнаго образа дѣйствiй въ политикѣ и служили только послушными орудiями. Революцiонная организацiя довела общество до такого разслабленiя, что оно не въ состоянiи было отважиться на какую-нибудь рѣшительную мѣру.“ Конечно, все это весьма поразительно, но мы сомнѣваемся, чтобы авторъ успѣлъ возбудить въ комъ нибудь соболѣзнованiе къ положенiю высшихъ классовъ, которое онъ рисуетъ въ такомъ жалостномъ видѣ. Не самъ ли онъ засвидѣтельствовалъ торжественно, что польское дворянство не сдѣлало ни малѣйшей попытки противостать революцiонной сволочи, вздумавшей распоряжаться страною и что съ позорнымъ малодушiемъ склонило оно предъ нею голову? Не самъ ли онъ разсказываетъ, какимъ образомъ это дворянство рабски исполняло всѣ предписанiя искателей приключенiй, разбойниковъ и убiйцъ, драпировавшихся въ мантiю героевъ? Развѣ не знало оно чѣмъ должно было окончиться столь позорное потворство самымъ гнуснымъ страстямъ? Къ чему же послѣ этого позднiя и неумѣстныя жалобы на свою судьбу? Въ нашихъ глазахъ польское дворянство несравненно виновнѣе революцiонеровъ, которыхъ такъ энергически клеймитъ брошюра: эти люди должны были оказаться именно тѣмъ, чѣмъ они оказались на самомъ дѣлѣ; ихъ хорошо знала вся Европа; не могло не знать ихъ и польское дворянство; но если зная на что способны эти люди, оно не задумалось, однако, отдать имъ въ жертву всю страну,— это показываетъ такое забвенiе своего долга, такое развращенiе всякихъ нравственныхъ понятiй, что ничего подобнаго мы не находимъ въ исторiи Европы.

Теперь, когда возстанiе подавлено, когда рушился терроръ

революціонной партіи, авторъ обращается съ нѣсколькими полезными, но, къ сожалѣнію, запоздалыми совѣтами къ своимъ соотечественникамъ. „Ни къ чему не служитъ, говоритъ онъ, оглушать Европу нашими жалобами, ибо жалобы эти порядочно всѣмъ надоѣли. Самое большее, что могутъ онѣ пріобрѣсти намъ, это—симпатіи, да и то закупленныя, заграничныхъ журналистовъ. Подобно тому, какъ нищій, не утратившій совершенно чувства собственнаго достоинства, не рѣшится обнажить публично свои язвы, точно также прилично было бы Польшѣ не дѣлать безпрерывныхъ воззваній къ постороннему милосердію, которое постоянно ее обманывало. Изъ жалости бросаютъ намъ кусокъ хлѣба и потомъ говорятъ между собою: „чего хотятъ отъ насъ эти люди? На какомъ основаніи обязаны мы платиться за ихъ безразсудства?“ Безсмысленно теперь жаловаться; потому что никто не хочетъ слушать нашихъ жалобъ; безсмысленно теперь дѣлать демонстраціи, потому что никто не боится ихъ.

Имя Мѣрославскаго достаточно извѣстно всякому, кто слѣдилъ за дѣятельностью революціонной польской партіи. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ этотъ искатель приключеній является повсюду, гдѣ только открывается поприще для агитаціи, анархіи и смутъ. Подобно защитникамъ теоріи искусства для искусства, Мѣрославскій любитъ мятежъ для мятежа: ему все равно, нужно ли дѣйствовать заговоромъ въ предѣлахъ Турціи, Италіи или, наконецъ, самой Польши. Мѣрославскій охотно посвящаетъ свои досуги литературнымъ произведеніямъ, но писанія его такого рода, что даже люди, сочувствующіе ему, но не утратившіе нѣкоторое чувство приличія, считаютъ благоразумнымъ отказываться отъ нихъ публично. Съ достаточнымъ основаніемъ можно было бы, кажется, предполагать, что такой человѣкъ способенъ оцѣнить подвиги „патріотовъ,“ руководившихъ смутою прошлаго года. Если сужденія брошюры: *Нѣсколько словъ, вызванныхъ прокламаціею князя Ад. Сапѣги*, будутъ заподозрѣны польскими революціонерами на томъ основаніи, что авторъ этого произведенія вышелъ не изъ ихъ рядовъ и открыто отстаиваетъ интересы высшаго духовенства и аристократіи; то вотъ человѣкъ, котораго революціонная партія можетъ по справедливости назвать плотью отъ плоти своей и костью отъ костей своихъ: онъ ли не сочувствуетъ ея принципамъ и его ли можно назвать врагомъ польской революціи? Посмотримъ же, какъ су-

дитъ онъ о событіяхъ прошлаго года и о лицахъ, принимавшихъ въ нихъ дѣятельное участіе [1]).

Въ августѣ 1863 года назначенъ былъ Мѣрославскій *главнымъ организаторомъ польскихъ военныхъ силъ:* таковъ былъ пышный титулъ, данный ему народовымъ жондомъ. Задолго еще до этого жондъ велъ съ нимъ дѣятельные переговоры объ этомъ назначеніи, распуская въ то же время слухи, будто бы не имѣетъ съ нимъ никакихъ сношеній. Наконецъ Мѣрославскій признанъ былъ вождемъ возстанія и, разумѣется, потребовалъ прежде всего, чтобы были отданы въ его распоряженіе денежныя средства, накопившіяся въ военной кассѣ. По этому то поводу возникла неистовая распря между *главнымъ организаторомъ* и жондомъ,—распря, до такой степени раздражившая Мѣрославскаго, что онъ рѣшился повѣдать публикѣ всѣ ея подробности и тѣмъ самымъ обогатилъ литературу польскаго возстанія драгоцѣнными документами.

Военная касса была почти совершенно пуста. Гуттры, который, за отсутствіемъ Крашкевича, исполнялъ должность начальника главнаго штаба Мѣрославскаго (!), утверждалъ, однако, что пополнить эту кассу не представлялось большихъ трудностей, ибо жондъ вручилъ нѣсколькимъ уполномоченнымъ своимъ значительныя суммы для покупки оружія и всякаго рода снарядовъ,—и суммы эти должны были перейти къ Мѣрославскому, послѣ того какъ принялся онъ устроивать военныя силы. Между прочимъ нѣкто Бонольди (оказывается, что онъ былъ до того времени учителемъ танцевъ [2]) и фотографомъ въ Вильнѣ) получилъ отъ литовскаго революціоннаго комитета 140,000 франковъ и не представлялъ никакого отчета въ ихъ употребленіи. Мѣрославскій узналъ, что деньги эти были имъ отданы на сохраненіе литтихскому банкиру Дюбуа еще въ маѣ 1863 года. Тотчасъ же были приняты мѣры, чтобы вытребовать ихъ отъ

---

1) Хотя брошюра, о которой хотимъ мы говорить, принадлежитъ Крашкевичу, но самъ авторъ не скрываетъ, что онъ писалъ по наущенію и почти со словъ Мѣрославскаго. Къ тому же самъ Мѣрославскій подтвердилъ всѣ показанія Крашкевича, въ другой недавно изданной имъ брошюрѣ.

2) Странно, что всѣ называютъ Бонольди *танцмейстеромъ*. Въ Вильнѣ онъ никогда имъ не былъ — но былъ учителемъ пѣнія; иногда участвовалъ въ концертахъ. Пѣлъ даже разъ въ Петербургѣ, гдѣ тогда, кажется, въ *Русскомъ* Инвалидѣ справедливо названъ былъ *пѣвцомъ, неимѣющимъ рѣшительно никакого голосу*.

Бонольди, нѣсколько лицъ, и въ томъ числѣ самъ Гуттры, обращались къ нему лично съ этимъ требованіемъ, но онъ отвѣчалъ имъ упорнымъ отказомъ. Тогда Мѣрославскій предоставилъ упомянутое дѣло на обсужденіе польской военносудной коммисіи (!), засѣдавшей въ Парижѣ,—военносудная коммисія объявила себя *некомпетентною* въ этомъ случаѣ, объявила, что ея *статуты* не позволяютъ ей заниматься разбирательствомъ такого рода дѣлъ. „Повсюду, куда ни обращались мы, восклицаетъ Крашкевичъ, вѣрный помощникъ Мѣрославскаго, для того, чтобы искать справедливости и гарантій противъ этого презрѣннаго грабителя, вездѣ встрѣчали мы или явное ему потворство или недостатокъ мужества сорвать съ него маску.“ Не зная, что дѣлать, Мѣрославскій рѣшился начать процессъ съ Бонольди въ законномъ судѣ, и съ этою цѣлью подалъ жалобу въ литтихскій трибуналъ, прося его до окончательнаго разрѣшенія дѣла, наложить запрещеніе на суммы, хранившіяся у банкира Дюбуа. Бонольди подвергнутъ былъ допросу: *подъ присягою* показалъ онъ, что деньги, врученныя имъ банкиру, составляютъ частную его собственность; съ необычайнымъ безстыдствомъ старался онъ увѣрить что не имѣетъ никакихъ сношеній съ варшавскимъ жондомъ, что онъ знаетъ только жондъ литовскій, а такъ какъ не литовскій жондъ, а варшавскій назначилъ Мѣрославскаго *организаторомъ военныхъ силъ*, то Мѣрославскому нѣтъ никакого дѣла до денегъ, полученныхъ имъ, т. е. Бонольди, изъ Литвы [1]).

Между тѣмъ, лишь только распространилась вѣсть о возникновеніи процесса, какъ парижскій революціонный комитетъ поспѣшилъ вмѣшаться въ это дѣло. Весьма справедливо порицалъ онъ Мѣрославскаго за намѣреніе посвятить публику въ тайны грабежа и воровства, совершавшихся въ такихъ огромныхъ размѣрахъ въ средѣ польской революціонной организаціи. Къ чему же послужили бы, въ самомъ дѣлѣ, всѣ подкупы европейской журналистики, съ тѣмъ, чтобы она прославляла безкорыстіе и добродѣтели національныхъ героевъ Польши, если бы одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ организаціи обнару-

1) Объ этомъ процессѣ Мѣрославскаго съ Бонольди была уже напечатана въ Виленскомъ Вѣстникѣ болѣе подробная и обстоятельная статья; но для связи предмета приводимъ здѣсь нѣкоторыя подробности изъ Русс. Инв., нелишенныя интереса.

жилъ внезапно всѣ ихъ гнусныя продѣлки? Для предотвращенія скандала, Сапѣга обнародовалъ письмо къ Длуцкому, въ которомъ принималъ открыто сторону Бонольди. „Страннаго корреспондента избралъ себѣ Сапѣга, замѣчаетъ разбираемый нами *отчетъ:* развѣ неизвѣстно ему было, что этотъ самый Длуцкій не нашелъ возможнымъ показать даже частнымъ образомъ, куда были израсходованы имъ ввѣренные ему 90,000 франковъ? И по какому праву засѣдалъ г. Длуцкій въ средѣ національнаго правительства? Развѣ право это принадлежитъ всякому, кто укралъ 90,000 франковъ изъ общественной казны?“ Какъ скоро парижскій революціонный комитетъ возвысилъ свой голосъ, сторонники Мѣрославскаго поспѣшили вдругъ его покинуть. Удалился, между прочимъ, и Гуттры, но, по странной разсѣянности, замѣчаетъ *отчетъ,* „не оставилъ онъ послѣ себя никакихъ росписокъ и бумагъ; по всей вѣроятности, онъ и не подозрѣвалъ, что долгъ и нравственное чувство побуждали его объяснить кое-какіе расходы.“ Мѣрославскій сильно жалуется на неблагодарность Гуттры. „Зная не хуже насъ, говоритъ онъ, что *такъ называемое національное правительство* состояло изъ небольшаго кружка людей, враждебныхъ революціи,— зная все это, гражданинъ Гуттры не задумывался однако принимать съ непостижимою покорностью самыя гибельныя и безчестныя приказанія отъ этой *преступной коттеріи.*“

Между тѣмъ литтихскій судебный трибуналъ не прекращалъ разбирательства дѣла. Но какъ было разоблачить истину среди этихъ противорѣчащихъ показаній? Съ одной стороны, Мѣрославскій и Крашкевичъ утверждали, что деньги были украдены, съ другой стороны Сапѣга, Галензовскій и Янушевичъ, который, чтобы придать болѣе вѣсу своимъ словамъ, подписывался во французскихъ газетахъ: „président de la cour des comptes, утверждали противное. „Возможно ли увѣрить насъ, поляковъ, восклицаетъ съ отчаяніемъ Мѣрославскій, что виленскій фотографъ и танцмейстеръ, вдругъ и неизвѣстно откуда, сдѣлался обладателемъ 140,000 франковъ? Подобная нелѣпость немыслима въ томъ даже случаѣ, если бы даже не существовало многочисленныхъ доказательствъ, что деньги, о которыхъ идетъ рѣчь, не предназначены были дѣйствительно на покупку оружія. Наглость Сапѣги и Галензовскаго заставляетъ краснѣть всякаго честнаго человѣка; но въ средѣ такъ-называемаго національнаго правительства она не удивила ни-

кого, не удивила даже Өеофила Янушевича, который подтвердилъ своимъ свидѣтельствомъ это мошенничество. Впрочемъ, онъ имѣетъ себѣ оправданіе въ ограниченности своихъ умственныхъ способностей. Не будучи въ состояніи служить партіи Галензовскаго своимъ умомъ, онъ служилъ ей тѣмъ, что росписывался во всемъ, чего она хотѣла."

Дѣло было слишкомъ ясно, но положительныхъ доказательствъ, на основаніи которыхъ могъ бы состояться судебный приговоръ, разумѣется, не существовало. Литтихскій трибуналъ счелъ невозможнымъ потребовать отъ Бонольди выдачи денегъ. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ *отчетъ*, процессъ принесъ пользу въ томъ отношеніи, что обнаружилъ въ глазахъ безпристрастныхъ людей, язву воровства, которою заражена была революціонная бюрократія,—язву, которая отклоняла революціонныхъ дѣятелей отъ прямаго пути долга и чести и неминуемо должна была приготовить польскому дѣлу самый печальный исходъ."

Мѣрославскій не перенесъ дѣла въ высшую инстанцію. Къ чему, говоритъ онъ, защищать общественное достояніе, когда сами распорядители были вполнѣ довольны тѣмъ, что оно расхищалось самымъ безстыднымъ образомъ?... Распорядители эти, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ *отчета*, изобрѣли совершенно новый политико-экономическій догматъ; для этого они перевернули только знаменитую формулу Прудона: „la propriété—c'est le vol." Можно ли удивляться послѣ этого, что они не хотѣли ссориться съ чиновникомъ, который положилъ себѣ въ карманъ 140,000 франковъ, и открыто принимали его сторону?"

Исторія Бонольди служитъ только незначительнымъ образчикомъ безчисленнаго множества продѣлокъ въ томъ же родѣ. Такъ, напримѣръ, когда Мѣрославскій назначенъ былъ *организаторомъ военныхъ силъ*, онъ заказалъ нѣкоему Жерару значительное количество всякаго рода вещей, на сумму 64,000 франковъ. Онъ замышлялъ сдѣлать высадку на берега Курляндіи или ковенской губерніи, а для этого придумалъ какой-то особенный военный снарядъ, противъ котораго не могли устоять, по мнѣнію его, никакія вооруженныя силы. Этотъ *непобѣдимый*, какъ называетъ онъ его, снарядъ былъ совершенно новымъ и еще неслыханнымъ открытіемъ въ военномъ искуствѣ; „его легко было передвигать съ мѣста на мѣсто, и огонь непріятельской артиллеріи не имѣлъ противъ него никакой силы. Онъ долженъ

былъ служить летучею крѣпостью противъ кавалерійскихъ атакъ, и въ то же самое время, направленный противъ враждебной арміи, все разрушалъ бы и громилъ на своемъ пути." Крашкевичъ, этотъ пресловутый начальникъ штаба Мѣрославскаго клялся всѣми святыми, что міръ не видывалъ еще ничего подобнаго этому изобрѣтенію; онъ увѣрялъ, что ему лучше всякаго другаго судить объ его достоинствахъ, ибо съ самаго начала слѣдилъ онъ за ходомъ дѣла и понималъ въ немъ, конечно, несравненно больше, чѣмъ „всякіе танцмейстеры и несостоятельные кассиры." Если бы, продолжаетъ Мѣрославскій, приведены были къ концу начатыя работы, то Европа увидала бы впервые чисто *ученую* экспедицію; но, къ великому отчаянію изобрѣтателя этого удивительнаго снаряда, ему не удалось затмить славу всѣхъ полководцевъ міра. Противъ пресловутаго изобрѣтенія возстали, говоритъ онъ, „всѣ тѣ господа, которые на страницахъ *Часа* одерживали блестящія побѣды надъ русскими войсками,—единственнымъ занятіемъ и единственною тактикою которыхъ было грабить все попадавшееся имъ подъ руку." Нѣкто Рупрехтъ, называвшій себя коммисаромъ національнаго правительства, сообщилъ Жерару, чтобы онъ прекратилъ работы и выдалъ бы всѣ готовыя уже вещи парижскому комитету, который соглашался выплатить ему за нихъ. Кто такой былъ Рупрехтъ и какое право имѣлъ онъ распоряжаться подобнымъ образомъ? Мѣрославскій разсказываетъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ предъ этимъ, адвокатъ его, г. Эммануилъ Араго, тщетно искалъ Рупрехта по всему Парижу, домагаясь получить отъ него отчетъ въ какихъ-то деньгахъ. Когда же о деньгахъ мало по-малу забыли, Рупрехтъ является снова на сцену и попадаетъ даже въ число распорядителей возстанія. Мѣрославскій, разумѣется умалчиваетъ, но изъ каждой строки *отчета* видно, что *ученый снарядъ*, которымъ собирался онъ поражать русскія войска, долженъ былъ служить для него своего рода золотымъ руномъ, неизсякаемымъ источникомъ доходовъ, и весьма понятно его озлобленіе, когда Рупрехтъ, проникшій въ тайну подобныхъ соображеній, лишилъ его разомъ этого сокровища. Горько жалуется Мѣрославскій на „грабителей, которые, для прикрытія своего воровства, распускали неблагопріятные слухи о суммахъ, затраченныхъ имъ для фантастическихъ предпріятій." А что дѣлали сами они? спрашиваетъ *отчетъ*. „Самый ничтожный фейерверкъ Іордана Высоцкаго (т. е. такъ называемыя экспеди-

ціи ихъ шаекъ), разъѣзды агентовъ Чарторижскаго и Сапѣги, жалованіе какого нибудь уполномоченнаго правительства въ Вѣнѣ стоили несравненно болѣе, чѣмъ требовалось для уплаты за всѣ вооруженія, заказанныя Жерару. Мы просили, говоритъ Мѣрославскій, только 65,000 франковъ: съ этими деньгами дипломатическое бюро отеля „Lambert" не могло бы просуществовать и нѣсколькихъ недѣль"...

Въ Парижѣ учреждена была Мѣрославскимъ, какъ уже упоминали мы выше, какая-то военно-судная коммисія. Предсѣдателемъ ея былъ *генералъ* Бреаскій. Этотъ почтенный господинъ получилъ на расходы нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ, но расходовъ въ сущности не дѣлалъ ни малѣйшихъ и тщательно хранилъ деньги у себя. Потомъ, поссорившись съ революціонною организаціею, онъ удалился съ поприща, причемъ не забылъ унести все—и бумаги, и кассу! *Отчетъ* выражаетъ сильное сожалѣніе, что, „по стеченію обстоятельствъ, преступленіе это оказалось безнаказаннымъ." Впрочемъ, другая личность, нѣкто Яншевскій, превзошелъ въ этомъ случаѣ безкорыстнаго генерала Бреаскаго. Подобно Бонольди, Яншевскому ввѣрено было 500,000 франковъ, для закупки различныхъ снарядовъ повстанцамъ. „Не смотря на то, что онъ увѣрялъ, говоритъ *отчетъ*, будто бы заказы были имъ сдѣланы, онъ не могъ доказать, куда именно употреблена была имъ означенная сумма и не доставилъ ни одного ружья."

Всѣ приведенные здѣсь факты говорятъ ясно сами за себя. Нельзя не сознаться, что Мѣрославскій весьма вѣрно характеризовалъ всю эту систему наглаго и безсовѣстнаго грабежа, заклеймивъ ее названіемъ: „vol au gouvernement anonyme." Изъ словъ его оказывается, что система эта осуществлялась на практикѣ весьма просто и удобно. Личный составъ революціоннаго правительства подвергался безпрерывнымъ измѣненіямъ: каждый понималъ всѣ выгоды принадлежать хотя на короткое время къ его рядамъ; одна партія безпрерывно вытѣсняла другую; заказавъ себѣ печати народоваго жонда,—для чего не представлялось особенныхъ затрудненій—всякій получалъ возможность запускать руку въ кассу, составившуюся изъ поборовъ, вынуждаемыхъ у жителей подъ угрозою веревки и кинжала; и грабилъ изъ этой кассы все, что только дозволяла ему ненасытимая алчность другихъ лицъ, воодушевляемыхъ точно такими же возвышенными побужденіями.

Сопоставленіе двухъ брошюръ, съ которыми мы познакомили здѣсь нашихъ читателей, замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Авторы этихъ произведеній считаютъ себя приверженцами различныхъ политическихъ лагерей: одинъ изъ нихъ сторонникъ высшихъ слоевъ польской шляхты и духовенства—не принималъ, если вѣрить ему, непосредственнаго участія въ дѣйствіяхъ революціонной партіи; онъ слѣдилъ за дѣйствіями ея только въ качествѣ наблюдателя, и пришелъ къ твердому убѣжденію, что въ рядахъ этой партіи соединилось все, что только было гнуснаго и презрѣннаго въ обществѣ: убійцы, бандиты, люди, не останавливавшіеся ни предъ какими злодѣяніями. Другой авторъ принадлежалъ самъ къ составу революціонной организаціи; онъ былъ посвященъ вполнѣ во всѣ ея тайны, зналъ лично передовыхъ ея дѣятелей — и не колеблясь утверждаетъ онъ, что воровство и грабежъ были главнѣйшими ея двигателями. Вотъ результатъ, къ которому приводятъ насъ собственныя признанія самихъ поляковъ! Въ виду его, мы можемъ только повторить слова одного періодическаго изданія, занимавшагося разборомъ вышеизложенныхъ брошюръ: „Если революціонная бюрократія, говоритъ оно, была заражена сверху до низу язвою незаконнаго стяжанія, то какое огромное количество воровъ порождено было прошлогоднимъ возстаніемъ! Число ихъ уступаетъ развѣ только числу наемныхъ вѣшателей и отравителей“...

(Приб. къ Рус. Инв. № 1.)

Изъ Вильны въ „Русскій Инвалидъ.“

„Въ настоящее время, со всѣхъ концовъ умиротвореннаго графомъ Муравьевымъ края, шлются ему привѣты и поздравленія; по 1-е мая было получено болѣе ста телеграммъ и нѣсколько писемъ и адресовъ отъ прежде бывшихъ его подчиненныхъ. Правительственныя лица, духовенство православное и даже римско-католическое, чиновники, отдѣльныя корпораціи—всѣ слились въ одно чувство живѣйшей радости, что понесенные графомъ М. Н. труды, подъятые, имъ во славу нашего дорогаго отечества, достойно почтены нашимъ великимъ Монархомъ. Высочайшій рескриптъ долженъ успокоить всѣхъ, кто только горячо любитъ ГОСУДАРЯ и любезное отечество. Преемникъ его, безъ сомнѣнія, поддержитъ и укрѣпитъ вполнѣ начатое великое дѣло утвержденія православія и русской народности въ краѣ.

Нелицемѣрныя заявленія есть лучшее опровержение тѣхъ клеветъ, которыя старались распустить о графѣ М. Н. Муравьевѣ враги порядка и Россіи.“ *Н...*

Графъ Бонсуаръ.

(очеркъ нравовъ.)

Фамилія Бонсуаровъ хорошо извѣстна въ Польшѣ; если же кто захочетъ познакомиться съ нею поближе, тому предлагаемъ заглянуть въ гербовникъ Нѣсецкаго. Въ немъ вы найдете, что графы Бонсуары еще при королѣ Болеславѣ Кривоустомъ занимали высокія должности и славились своимъ мужествомъ и добродѣтелью. Если же и послѣ этого кто нибудь станетъ сомнѣваться, то я берусь перенести его туда, гдѣ протекаетъ узенькая рѣчка, гдѣ среди торчащихъ пней отъ срубленныхъ сосенъ, сплавленныхъ Бонсуарами въ Данцигъ—стоитъ... можетъ быть вы думаете дворецъ? Нѣтъ! домъ, выстроенный на половину изъ дерева, на половину изъ прусскаго камня. Въ этомъ-то домѣ проживаютъ графы Бонсуары. Заѣхавъ туда въ бричкѣ или коляскѣ, смотря потому, кто въ чемъ можетъ, вы встрѣтите въ сѣняхъ запачканнаго мальчишку, въ сѣрой курткѣ съ зеленой обшивкой. Послѣ получасоваго ожиданія, вамъ скажутъ, что графъ дома. Затѣмъ, пройдя столовую, въ которой пировали нѣкогда рыцари-дворяне и нарядныя красавицы, вы войдете въ кабинетъ родоначальниковъ графовъ.

Здѣсь-то вы увидите, за письменнымъ столомъ, заваленнымъ мундштучками и пепельницами, развѣтвленное генеалогическое древо, на которомъ вмѣсто плодовъ размѣщены щиты одиночные и двойные, смотря потому, какую кто велъ жизнь изъ рода Бонсуаровъ: холостую или семейную. Это древо убѣдитъ васъ въ древности рода Бонсуаровъ и въ знатности его родственныхъ связей. Но оставляю изслѣдованіе прошлаго антикваріямъ, самъ же займусь живущими теперь Бонсуарами. Кабинетъ съ генеалогическимъ древомъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и спальня стараго графа. Тутъ же, по обычаю польской аристократіи, рѣшаются финансовыя затрудненія и экономическіе вопросы. Евреи окрестныхъ мѣстечекъ могутъ засвидѣтельствовать, что всѣ торговыя операціи графа обдуманы всегда хорошо, потому что обыкновенно кончаются банкрутствомъ евреевъ. Въ этомъ же ка-

бинетѣ происходятъ агрономическія совѣщанія, кончающіяся большею частью экзекуціями въ каменномъ амбарѣ, потому что графъ придерживался старопольскихъ обычаевъ и ни на шагъ не хотѣлъ отъ нихъ отступить, говоря: я польскій шляхтичь— отъ дѣда и прадѣда, и умру шляхтичемъ. Для хлопа необходима плеть; безъ нея онъ никуда не годится. Въ этомъ же кабинетѣ происходятъ и семейные совѣты, на которыхъ послѣдніе потомки Бонсуаровъ постанавляютъ свои рѣшенія.

Въ этомъ-то кабинетѣ на большомъ семейномъ совѣтѣ, въ декабрѣ 1862 года, было рѣшено: такъ какъ всѣмъ извѣстно, что графъ Бонсуаръ по уши въ долгахъ, то не остается уже никакой надежды на приличную партію для его дочери, въ Царствѣ; молодой же графъ Болеславъ Бонсуаръ (сынъ), кончившій свое образованіе въ 5-мъ классѣ и на ярмаркахъ въ Лэнчинѣ и Ловичѣ, также потерялъ надежду, не смотря на славу своей фамиліи, сдѣлать хорошую партію, а года все идутъ впередъ, то и положено общимъ голосомъ: оставить неблагодарное Царство и переѣхать въ познанскую провинцію, гдѣ какъ-то особенно везетъ прокутившимся графамъ и графинямъ въ отыскиваніи себѣ партій.

Между тѣмъ, вотъ что случилось. Варшавскому центральному комитету вздумалось сдѣлать возстаніе въ генварѣ и всѣ богатыя невѣсты Познанской провинціи вдругъ заболѣли патріотизмомъ. Эта болѣзнь, вначалѣ сходная съ пьянствомъ, потомъ принимаетъ такіе размѣры, что переходитъ въ бѣшенство и требуетъ для излеченія, кромѣ внутреннихъ лекарствъ, большую дозу холодной воды, для обливанія разгоряченныхъ головъ. Графъ старикъ, получивъ такое извѣстіе отъ своихъ родственниковъ изъ познанской провинціи, рѣшилъ, что вопросъ о женитьбѣ сына и выдачѣ за-мужъ дочери, слѣдуетъ отложить на будущее время. Затѣмъ, и поѣздка въ познанскую провинцію была оставлена. Между тѣмъ въ краѣ поднялась страшная буря, а какъ графъ старикъ во всемъ придерживался аристократическихъ привычекъ, и слѣдовательно весьма любилъ дипломатію, то и счелъ необходимымъ съѣздить къ сосѣдямъ, чтобы узнать что другіе думаютъ и дѣлаютъ, и какъ ему нужно будетъ себя поставить.

Выѣхавши изъ дому, графъ Бонсуаръ узналъ въ сосѣдней деревнѣ, что помѣщикъ, котораго онъ хотѣлъ видѣть, поѣхалъ на большой съѣздъ. Старый графъ весьма любилъ всякіе съѣзды, гдѣ его принимали обыкновенно съ нѣкоторымъ почетомъ; и по-

тому тотчасъ же отправился въ указанное ему мѣсто, гдѣ нашелъ уже до сорока собравшихся помѣщиковъ. Собраніе было шумное, какъ обыкновенно между шляхтой. Рѣчи слѣдовали одна за другою. Особенно отличались тутъ депутаты комитета. Они проповѣдывали, что насталъ часъ возстановленія Польши отъ Балтійскаго до Чернаго моря, что тотъ уѣздъ уже возсталъ, а слѣдовательно и этому пора взяться за оружіе. Вообще здѣсь было чего послушать. Не смотря, однакожъ, на всѣ убѣжденія и доказательства, шляхта еще не рѣшалась присоединиться къ возстанію. Почетный старикъ-помѣщикъ поднялся съ своего мѣста и произнесъ простую, но весьма чувствительную рѣчь. Онъ говорилъ, что вѣдь и въ этомъ уѣздѣ живутъ поляки, которые также должны любить свою ойчизну и драться за Польшу. Онъ такъ растрогалъ всѣхъ присутствующихъ, что всѣ въ одинъ голосъ крикнули:

— Да здравствуетъ Польша и возстаніе!

Старый графъ Бонсуаръ, видя такое общее воодушевленіе, не хотѣлъ отстать отъ другихъ и рѣшился также сказать хотя коротенькую рѣчь. Какъ бывшій старый служака, не долго думая, онъ произнесъ экспромтомъ: „Почтенные сосѣди! Видя столько достойныхъ гражданъ здѣсь собравшихся, готовыхъ всѣмъ пожертвовать для освобожденія нашей возлюбленной ойчизны, я тоже не хочу отстать отъ другихъ и вмѣстѣ съ сыномъ пойду съ вами. Но кто же будетъ вашимъ командиромъ? Разумѣется—я! Въ революцію 1831 года я отслужилъ ойчизнѣ, надѣюсь и теперь принять начальство надъ молодыми рекрутами.“

— Да здравствуетъ любезный нашъ графъ!—крикнула шляхта и уже больше никто ни о чемъ не спрашивалъ; возстаніе утверждено, начальникъ нашелся, а слѣдовательно: осталось только всѣмъ разъѣхаться по домамъ.

Графъ Бонсуаръ, возвращаясь домой, раздумывалъ: что дѣлать дальше. Разумѣется, говоря рѣчь, графъ, равно какъ и старикъ помѣщикъ, и не думалъ трогаться изъ дому. Оба, если и произнесли нѣсколько громкихъ фразъ, то болѣе для шику, чтобы себя показать. Графъ былъ весьма доволенъ, что остался героемъ этого дня. Но что теперь будетъ дѣлать Болеславъ? Ему то ужъ не увернуться! Возстаніе есть и будетъ! Въ познанской провинціи онъ не найдетъ себѣ невѣсты. Затѣмъ долженъ будетъ идти въ возстаніе. Графъ никогда и не думалъ о томъ, чтобы могла восторжествовать революція. Но такъ какъ

нужно было сына сдѣлать героемъ, чтобы онъ, украшенный лавровымъ вѣнкомъ, скорѣе могъ найти себѣ богатую невѣсту,—то графъ рѣшилъ, что Болеславъ долженъ итти въ возстаніе.

Пріѣхавъ домой, Бонсуаръ объявилъ свое рѣшеніе графинѣ. Сколько было тутъ слезъ—трудно и представить себѣ. Графиня страстно любила сына. Позвали Болеслава. Отецъ разсказывалъ ему все и началъ горячо убѣждать, что теперь пришло такое время, когда всѣ мы должны примѣняться къ обстоятельствамъ. Затѣмъ графъ отецъ прибавилъ:—Я былъ въ военной службѣ, получилъ крестъ и знакомъ съ войною; но сознаюсь тебѣ Болеславъ, что всегда былъ весьма остороженъ и не подставлялъ головы. Теперь же вѣдь у насъ не война, а возстаніе. Будь только проворенъ, и увидишь какимъ прослывешь героемъ. Одну сдѣлаешь экспедицію и довольно будетъ. Заграничный паспортъ у тебя въ карманѣ, дамъ тебѣ еще денегъ, а тамъ по желѣзной дорогѣ можешь удрать въ Познань къ дядѣ. Тогда дѣло о женитьбѣ рѣшится само собою, потому что легко будетъ вскружить голову всѣмъ патріоткамъ графу, только что вернувшемуся изъ возстанія. Одно помни: много кричи и мало дѣлай—всегда больше выиграешь.

Мудрые совѣты графа отца были какъ-то не по сердцу Болеславу. Дѣло шло тутъ не о возстаніи, сохрани Боже! Дѣло шло о томъ, что нужно было разстаться съ охотой и гончими собаками, къ которымъ такъ привыкъ молодой графъ. Однако, когда онъ обдумалъ хорошо, что возстаніе можетъ для него кончиться богатой женитьбой, то рѣшился послѣдовать совѣтамъ отца и до того воодушевился, что привелъ всѣхъ въ удивленіе.

Началась организація отряда. Что тогда дѣлалось—и не повторишь всего. Съѣзды и на нихъ совѣщанія, слѣдовали одинъ за другимъ. Отрядъ имѣлъ быть такимъ, какого еще свѣтъ не видывалъ. Авторъ этого очерка не былъ въ военной службѣ, потому извиняется передъ своими читателями, если не съумѣетъ вѣрно передать всѣхъ приготовленій. Притомъ же онъ повторяетъ только то что слышалъ. Рѣшено было формировать баталіоны на италіянскій образецъ, по 300 человѣкъ въ баталіонѣ. Всѣ пѣхотные офицеры должны быть верхомъ. Кавалерія должна быть вооружена по англійскому образцу. Косиньеры по инструкціи Мѣрославскаго съ котелками на головѣ вмѣсто шапокъ. Довольно сказать, что отрядъ имѣлъ быть восьмымъ чудомъ свѣта. Выборъ офицеровъ былъ превосходный; командиръ—бывшая во-

енная знаменитость, если не равнявшаяся Наполеону, то по крайней мѣрѣ Морицу Саксонскому. Кто бы пожелалъ узнать о немъ болѣе подробно, тому предлагаемъ справиться въ Czas'ѣ. Въ этой газетѣ была помѣщена его біографія, не помню только въ какомъ нумерѣ.

Въ исходѣ апрѣля знаменитый отрядъ выступилъ въ поле. Онъ состоялъ изъ 120 стрѣлковъ, 800 косиньеровъ и 100 кавалеріи. Стоилъ миліонъ злотыхъ; имѣлъ командира, который ѣздилъ на жеребцѣ англійской породы, начальника штаба на арабской кобылѣ, начальника пѣхоты, начальника кавалеріи, восемь адъютантовъ, знаменщика въ желѣзной кольчугѣ, большое число офицеровъ, а первый эскадронъ кавалеріи былъ составленъ изъ отборной молодежи.

Уже отрядъ былъ совершенно готовъ, когда собрался старый графъ Бонсуаръ и послѣ весьма трогательныхъ прощаній съ графинею, отвезъ своего возлюбленнаго сына съ поваромъ и двумя верховыми лошадьми. Разумѣется, молодой графъ былъ сейчасъ же поставленъ въ первой эскадронъ, а графъ отецъ повторивъ ему еще разъ всѣ свои совѣты и попрощавшись съ командиромъ, адъютантами, начальникомъ штаба и офицерами, отправился домой.

Отрядъ стоялъ двѣ недѣли на мѣстѣ и во все это время первой эскадронъ дѣлалъ рекогносцировки по дворамъ — кутя на пропалую и съѣдая все съ волчьимъ апетитомъ. Но какъ всему есть конецъ, то и рекогносцировки прекратились, потому что русскія войска атаковали повстанскій лагерь.

Еще разъ считаю нужнымъ предупредить читателей, что я не знакомъ съ тактикой и стратегіей, а повторяю только то, что слышалъ. У повстанскаго командира былъ составленъ слѣдующій планъ: корпусъ его долженъ былъ сначала фланговымъ движеніемъ окружить непріятеля, разбить его на голову; потому правымъ флангомъ броситься въ городъ, гдѣ былъ русскій гарнизонъ и взявъ его штурмомъ, атаковать Варшаву по направленію отъ Воли; затѣмъ соединивъ весь свой корпусъ, въ случаѣ, если бы послѣ занятія Варшавы, русскія войска, запершись въ цитадели, вздумали бы бомбардировать городъ, забрать поспѣшно всѣ деньги въ кассахъ и оружіе и отступить черезъ Прагу въ лѣса близъ Милосны. Но увы случилось иначе! Отрядъ былъ атакованъ и въ то время когда началась перестрѣлка, новый Морицъ Саксонскій, оставивъ верховую лошадь въ лѣсу и обривъ

бороду, отправился на штабной бричкѣ въ ближайшій обозъ, откуда тотчасъ же уѣхалъ за границу. Говорили, что онъ увезъ съ собой много денегъ, но это ложь. Можете убѣдиться въ этомъ изъ брошюры изданной редакціей Czas'а подъ заглавіемъ: „*Мое участіе въ возстаніи* 1863 *года*.“ Въ ней говорится, что у него во все не было при себѣ денегъ и что отряда онъ не оставлялъ; дѣйствительно, онъ ѣздилъ изъ отряда за оружіемъ, такъ какъ его оказалось недостаточнымъ для исполненія вышеупомянутыхъ плановъ; въ это-то время отрядъ, нежелая ждать его, пошелъ дальше—слѣдовательно не онъ оставилъ его. Въ доказательство этого онъ ссылается на предписанія народоваго жонда, которыя приводитъ съ означеніемъ нумеровъ, чиселъ и содержаній; если кто хочетъ ихъ повѣрить, того отсылаемъ для справокъ въ подземельные архивы народоваго жонда. Меня эта брошюра вполнѣ убѣдила, что довудца великій, но несчастный человѣкъ; что же касается до брошеннаго кровнаго коня, обритой бороды и взятія съ собой денегъ, то въ эти факты я совершенно вѣрю.

Послѣ оставленія отряда довудцей, начальство принялъ командиръ пѣхоты, который по болѣзни тоже вскорѣ уѣхалъ, оставивъ командованіе начальнику кавалеріи. Новый командиръ изнуренный походомъ, остановился на ночлегъ во дворѣ; здѣсь приказалъ себѣ сдѣлать ванну и легъ спать. Начальникъ штаба поѣхалъ ночью осматривать мѣстность и вмѣстѣ съ тремя адъютантами и знаменщикомъ отъѣхалъ верстъ сорокъ отъ двора; остальные адъютанты разъѣхались искать прежняго довудцы, чтобы привести къ нему отрядъ. Настоящій же довудца заспался и проснулся только тогда, когда русскіе драгуны начали рубить его пѣхоту. Тутъ то онъ показалъ всю свою храбрость. Собравъ оставшуюся кавалерію, онъ началъ отступленіе и только проскакавъ маршъ-маршемъ верстъ тридцать, замѣтилъ, что его никто не преслѣдуетъ. Но бросимъ довудцу и его кавалерію и вернемся къ молодому графу Бонсуару.

Графъ Болеславъ Бонсуаръ находился все время въ авангардѣ и совершенно спокойно дошелъ до той самой деревни, гдѣ драгуны напали на соннаго довудцу. Какъ только показались драгуны, молодой Бонсуаръ ускакалъ въ ближайшій лѣсъ. Нужно замѣтить, что графъ любилъ лакомства и во время похода пріобрѣлъ себѣ бутылку малиноваго соку, ко-

торую держалъ при себѣ въ карманѣ панталонъ. Галопируя, сколько силъ хватало у лошади, нашъ графъ вскорѣ очутился уже въ лѣсу, какъ вдругъ конь его споткнулся и графъ вмѣстѣ съ нимъ шлепнулся на землю. Паденіе было страшное. Графъ Болеславъ ранилъ себѣ лицо, бутылка съ сокомъ разбилась и перепечкала ему часть верхняго и нижняго платья. Поднявшись съ земли, Болеславъ обтеръ себѣ лице платкомъ, при чемъ весь перепачкался кровью, затѣмъ поймавъ лошадь и садясь на нее, замѣтилъ, что ему надѣлала бутылка съ малиновымъ сокомъ. Онъ выбросилъ стекло изъ кармана и поѣхалъ рысцой въ ближайшій дворъ, чтобы переодѣться и бѣжать за границу. Въ этомъ дворѣ уже было нѣсколько храбрыхъ рыцарей изъ того же отряда, которые увидя издали всадника, бросились всѣ къ окнамъ. При видѣ человѣка облитаго кровью, женщины, а ихъ было нѣсколько, начали плакать—одна даже упала въ обморокъ. Болеславъ не успѣлъ оглянуться, какъ его стащили съ лошади и внесли въ комнату. Хорошенькія дамы тотчасъ же хотѣли перевязать ему раны, но молодой графъ слабымъ голосомъ поблагодарилъ ихъ за вниманіе и сказалъ, что самъ сдѣлаетъ себѣ перевязку. Женщины, не зная, въ какое именно мѣсто раненъ графъ, не настаивали болѣе и оставивъ его одного послали ему съ лакеемъ корпію и бѣлье, приказавъ лакею помочь графу въ перевязкѣ ранъ. Болеславъ отправилъ лакея, обмылъ себѣ лице и завязавъ его платкомъ, переодѣлся въ чистое бѣлье. Затѣмъ растянувшись на софѣ слабымъ голосомъ попросилъ, чтобъ ему дали пить. Тотчасъ же явились дамы съ разными прохладительными напитками и объявили графу, что уже послано за докторомъ. Болеславъ напившись лимонаду, сталъ благодарить дамъ за ихъ участіе, но какъ извѣстіе о посылкѣ за докторомъ нѣсколько обезпокоило его, то онъ просилъ, чтобы его тотчасъ же отправить къ родителямъ. Хозяйка дома узнавъ фамилію раненаго, отыскала какое то дальнее родство, о чемъ и не замедлила сообщить Болеславу, прося его, быть какъ дома. Но Болеславъ все еще безпокоился до тѣхъ поръ, пока не сказали ему, что докторъ не пріѣдетъ, потому что отправился къ другимъ раненнымъ и будетъ здѣсь развѣ завтра.

Болеславъ, на котораго женщины смотрѣли какъ на героя древней Греціи, разспрашиваемый о своихъ подвигахъ, отвѣ-

чалъ какъ-то робко, потому что хотя умѣлъ врать, но не такъ, какъ его отецъ. За то товарищи изъ перваго эскадрона безпрестанно являвшіеся сюда поодиночкѣ, пробираясь домой, видя раненаго Болеслава, клялись, что на ихъ глазахъ онъ дрался съ непріятелемъ и разсказывали чудеса о его храбрости. Въ одномъ только было разногласіе; одни говорили о драгунахъ, другіе о казакахъ, третіе о пѣхотѣ, съ которыми будто-бы бился Болеславъ. Но на такія мелочи никто не обращалъ вниманія.

Замѣшательство Болеслава принято было за скромность и женщины не могли надивиться его терпѣнію въ перенесеніи страданій, причиненныхъ ему ранами. Женщины видѣвшія раненыхъ, страшно жалующихся на боль, восхищались Болеславомъ и представляли его себѣ какимъ то героемъ изъ романа Бальзака или Жоржъ Занда.

Между тѣмъ въ домѣ его родителей происходили страшныя дѣла.— Графиня, страстно любывшая Болеслава, какъ это мы выше замѣтили, постоянно видѣла какіе то страшные сны о немъ. Хотя старый графъ и увѣрялъ ее, что ничего не будетъ Болеславу, но графиня все безпокоилась. Наконецъ, когда однажды пріѣхалъ изъ мѣстечка еврей Янкель, повѣренный графа и графиня начала высказывать ему свое горе— Янкель сказалъ;

Ну! а зачѣмъ же было его посылать? Это все никуда не годится; я бы туда своего Моська не послалъ. Когда графъ вернется, то его арестуютъ,—что же тогда будетъ?

Слова эти произвели такое впечатлѣніе на графиню, что она рѣшилась во что бы то ни стало взять Болеслава изъ отряда. Старый графъ не былъ въ состояніи противиться графинѣ, а такъ какъ и самъ онъ разсудилъ, что Болеславъ пробылъ въ отрядѣ довольно уже для того, чтобы могъ отправиться въ Познань для женитбы, то приказалъ запречь лошадей въ коляску и вмѣстѣ съ графиней отправился искать отряда, въ которомъ былъ Болеславъ. По дорогѣ имъ разсказывали о жестокихъ стычкахъ, происходившимъ между отрядомъ и русскими войсками, о тысячахъ разбитыхъ и убитыхъ непріятеляхъ. На другой день, когда графъ и графиня, послѣ ночлега собирались въ дальнѣйшій путь, пріѣхалъ въ тотъ же дворъ одинъ изъ товарищей Болеслава. Не зная, что тутъ находятся родители Болеслава, молодой человѣкъ

началъ разсказывать о его подвигахъ, о томъ, какъ онъ изрубивъ девять драгунъ, смертельно ранилъ шестьнадцать казаковъ и вѣроятно всѣхъ бы разсѣялъ, если бы не былъ самъ тяжело раненъ и отнесенъ товарищами въ безопасное мѣсто.

Можете представить себѣ, что при этомъ перенесла мать! Только старый графъ, который всю свою жизнь практиковался во лжи, не совсѣмъ довѣрялъ этой галиматьѣ; но когда узналъ, что Болеславъ, раненый въ лице и ногу, лежитъ въ такомъ-то домѣ, то началъ самъ безпокоиться, говоря про себя: вотъ болванъ! не послушалъ моего наставленія—уходи поскорѣе, а кричи по больше! За тѣмъ не теряя присутствія духа, сталъ успокоивать графиню и благодаря знакомыхъ за участіе, сказалъ громкимъ голосомъ; воля Божія! одного только имѣли мы сына и того теряемъ. Такая, видно, судьба Бонсуаровъ. Вскорѣ послѣ того графъ и графиня поѣхали, чтобы какъ можно скорѣе увидѣть Болеслава.

Не буду описывать встрѣчи сына съ родителями. Графъ пожелалъ осмотрѣть рану Болеслава. Но получивъ въ отвѣтъ, что у сына очень болитъ нога и замѣтивъ нежеланіе его развязать ногу,—зная его на сквозь, сталъ подозрѣвать, что тутъ есть какая то штука. Потребовавъ, чтобы непремѣнно были показаны ему раны, и попрося выйти дамъ, остался съ нимъ одинъ. Старый графъ скоро узналъ о всемъ отъ Болеслава; потомъ обнявъ, его сказалъ: теперь ты навѣрно скоро найдешь себѣ жену. Выйдя къ дамамъ онъ объявилъ, что сейчасъ же уѣзжаетъ въ Познань съ сыномъ вмѣстѣ, потому что рана опасна и придется отнять ногу, а на здѣшнихъ докторовъ нельзя положиться. Ничего не помогли просьбы дамъ, которымъ хотѣлось ухаживать за раненымъ молодымъ графомъ. Графъ поспѣшно забралъ сына и черезъ нѣсколько дней дѣйствительно съ графиней и дочерью выѣхалъ въ Познань.

Слухи о геройскихъ подвигахъ Болеслава разнеслисъ скоро вездѣ. Одни говорятъ, что онъ изрубилъ цѣлую роту; другіе—объ эскадронѣ драгунъ и сотнѣ казаковъ,—мнѣ говорили о цѣломъ полкѣ. Но какъ я не люблю преувеличивать, то обращусь къ самому источнику и приведу читателямъ отрывокъ изъ Czas'a, въ которомъ описаны подвиги Болеслава Бонсуара. Тамъ въ рапортѣ начальника кавалеріи

найдете вы слѣдующее: „я отправилъ начальника штаба съ отрядомъ кавалеріи на рекогносцировку; но онъ встрѣтивъ огромныя силы москалей, былъ отрѣзанъ ими и только послѣ упорнаго боя успѣлъ соединиться со мною. Я выжидалъ на позиціи цѣлую ночь непріятеля и только на разсвѣтѣ пѣхота моя была имъ атакотана. Имѣя ложныя свѣдѣнія о силѣ москалей, я рѣшился принять сраженіе, для чего выстроилъ пѣхоту, самъ съ кавалеріею три раза атаковалъ непріятеля, заставляя его всякій разъ отступать въ безпорядкѣ. Но узнавъ потомъ достовѣрно, что мослалей въ шесть разъ больше чѣмъ насъ, я рѣшился отступить, отбивая атаку драгунъ своей кавалеріей. Въ одной изъ этихъ атакъ графъ Болеславъ Бонсуаръ ворвался въ ряды непріятеля и изрубивъ 17 драгунъ, раненный въ лице и ногу, былъ отнесенъ своими товарищами въ безопасное мѣсто. Храбрость графа Бонсуара навела такой страхъ на драгунъ, что я могъ отступить въ полномъ порядкѣ. Мнѣ пріятно донести народовому жонду, что за храбрость, оказанную графомъ Бонсуаромъ, я произвелъ его въ офицеры на полѣ сраженія.“

И такъ Болеславъ Бонсуаръ, по достовѣрному рапорту, напечатанному въ Czas'ѣ, изрубилъ только 17 драгунъ.

Вскорѣ приказомъ народоваго жонда, Болеславъ Бонсуаръ произведенъ былъ въ подпоручики.

Но кому ужъ везетъ счастіе, то везетъ безъ конца. Въ томъ домѣ, куда пріѣхалъ раненый Болеславъ, была хорошенькая и притомъ же богатая дѣвица изъ Познани. Вскорѣ она возвратилась домой со всѣми воспоминаніями о прекрасномъ храбромъ юношѣ. Ея родители жили въ сосѣдствѣ дяди графа Болеслава. Затѣмъ послѣдовало ближайшее знакомство, воспоминанія....

Сначала молодой графъ ѣздилъ въ каретѣ, потому что больная нога не позволяла ему ѣздить въ бричкѣ; затѣмъ ѣздилъ въ бричкѣ, а наконецъ сталъ ходить пѣшкомъ. Довольно сказать, что вскорѣ графъ Болеславъ сдѣлалъ предложеніе, а по послѣднимъ извѣстіямъ уже обручился. Во всей Познани онъ дѣлаетъ фуроръ и, какъ говоритъ графиня мать, никто о немъ иначе не отзывается, какъ о Черномъ Завишѣ: этотъ прекрасный, черный, храбрый графъ Болеславъ Бонсуаръ. Болеславъ пользуясь такимъ о себѣ мнѣніемъ, намѣренъ учредить общество охоты, къ которому вѣроятно будетъ принадлежать вся великосвѣтская молодежь Познани.

Тотъ только, кто написалъ этотъ разсказъ, кровно огорчилъ всю семью Бонсуаровъ, наведя нѣкоторое сомнѣніе на храбрость графа Болеслава; но какъ авторъ есть измѣнникъ, то онъ вполнѣ убѣжденъ, что ему никто не повѣритъ; если же будетъ новое возстаніе, то не избѣжать ему за то висѣлицы. Какъ жаль, что все уже кончилось и нѣтъ ни народоваго жонда, ни революціоннаго трибунала. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ бы уже висѣлъ... (*Варш. Дн.*)

Закрытіе брусиловскаго капуцинскаго монастыря и общинъ сестеръ милосердія въ Житомирѣ и Луцкѣ.

— Кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, разсмотрѣвъ находящуюся въ управленіи его переписку о брусиловскомъ монастырѣ ордена капуциновъ (кіевской губерніи, радомысльскаго уѣзда) и имѣя въ виду, что въ означенномъ монастырѣ состоитъ лишь только пять монаховъ (число недостаточное, по каноническимъ правиламъ, для поддержанія въ монастырѣ порядка и благочинія), распорядился, на основаніи предоставленной ему власти, закрыть брусиловскій капуцинскій монастырь, оставивъ костелъ при немъ открытымъ для богослуженія.

Въ тоже время сдѣлано его высокопревосходительствомъ распоряженіе объ окончательномъ закрытіи р. католическихъ общинъ сестеръ милосердія въ Житомирѣ и Луцкѣ, которыя, не смотря на оффиціальное упраздненіе ихъ еще въ 1842 году, продолжали существовать доселѣ незаконно. Наличнымъ сестрамъ милосердія предложено помѣститься при больницахъ приказа общественнаго призрѣнія и назначено пособіе отъ казны. (*Кіевл.*)

СОДЕРЖАНІЕ 9-Й КНИЖКИ „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ"
ЗА 18$\frac{64}{65}$ Г.
